

A man with a beard and mustache, wearing a brown knit beanie and a heavy camouflage jacket with a fur-lined hood, is sitting in a forest. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a blurred forest with tall trees and some autumn-colored leaves on the ground.

Юрий Иванов

ОХОТНИК

Юрий Иванов

ОХОТНИК

«Автор»

2024

Иванов Ю. К.

Охотник / Ю. К. Иванов — «Автор», 2024

Отправляясь в сентябре 2021 года на свой участок на добычу соболя, будучи смертельно больным, разве мог знать сибирский охотник Шадрин Никита, что его на самом деле ждут более тяжелые и значимые испытания, нежели горькие наблюдения мучительного угасания своего организма...

© Иванов Ю. К., 2024

© Автор, 2024

Юрий Иванов

Охотник

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Шадрин! Шадрин! – вроде бы и негромко позвала пожилая медсестра из регистратуры, но ее включившийся властный голос, натренированный за долгие годы при общении с пациентами больницы, гулким эхом прокатился по пустому коридору, где буквально на днях закончился капитальный ремонт.

Женщина, примерно одного возраста с медсестрой, сидевшая на стуле в простенке между двух окон напротив регистратуры и вязавшая в легкой полудреме то ли шарф, то ли чулок, от этой резко прозвучавшей фамилии вдруг уронила свое рукоделие на покрытый линолеумом пол и недоуменно уставилась на медсестру.

– Ты что это, Клава, так громко кричишь? – проворчала она на работницу больницы. – Видишь, я чуть не испугалась – аж руки задрожали.

– Люда, – отозвалась та, не обращая внимания на ворчание своей старой подруги, – ты не заметила: мужчина в засаленной камуфляжной куртке, с бородой, – минут двадцать назад тут со мной немного ругался еще – куда он ушел? Ну, он тут был как раз в тот момент, когда ты зашла сюда, помнишь?

Людмила, как назвала ее медсестра, ждала Клаву, когда та закончит работу, чтобы потом вместе зайти к ней гости: та хотела похвастаться перед Людой своим годовалым внуком.

– И из-за чего ты довела его до ругани? – ответила подруга медсестры, хитро прищутив глаза.

– Ты еще меня начни воспитывать – мало тут народу в течение дня учит меня, как надо работать с людьми! – Равнодушно махнула рукой Клава куда-то в сторону входной двери. – Мне вот позвонил наш новый терапевт... Хотя, какой он новый – ему уже вроде бы за шестьдесят. Говорят, был заведующим вроде бы хирургического отделения в Красноярске, а теперь – простой терапевт, правда, широкого профиля. Кстати, Люда, вроде бы он вдовец...

Сидевшая в коридоре пожилая женщина подняла хрустящий пакет с клубком и вязанием и удивленно взглянула на свою подругу.

– Все у тебя, Клава «вроде бы»? Ты что это, хочешь меня замуж выдать?

Затем Люда встала со своего стула, положила пакет на подоконник и подошла к окошку регистратуры, словно бы чувствуя ответственность за какого-то неизвестного пациента больницы по фамилии «Шадрин».

– Если я ничего не путаю, – протирая свой морщинистый лоб и заправляя прядь седых волос под шерстяной платок, сказала она, – это тот мужчина, который еще вышел за дверь, долго кашлял, потом вернулся назад и некоторое время ходил по коридору взад-вперед, так?

– Значит, он вернулся? – с нетерпением спросила медсестра. – И где же он? Он тут? Я ему сказала прийти завтра утром, а он все талдычил, что не может завтра: якобы утром будет последний коммерческий катер из Туруханска до его поселка...

– Он тут, по-моему – перебила Люда свою подругу. – Я сейчас его найду и позову. Как его величать-то?

– Никита Алексеевич...

Пожилая женщина, слегка переваливаясь с ноги на ногу, медленно направилась по коридору к лестничным дверям. Не дойдя до них, она остановилась возле туалета и постучалась в дверь. Не услышав никакого ответа, Клава приоткрыла дверь в санузел и, постояв так с полминуты, плотно закрыла ее и пошла дальше. Поднявшись на второй этаж, она уже сделала несколько шагов по коридору, предполагая, что искомый мужчина скорее всего сидит в холле,

где стояли два кресла, но внезапный звук сильного кашля, раздавшегося сзади, остановил ее. Пожилая женщина, покачав головой, вернулась обратно к лестнице и на площадке между вторым и третьим этажами заметила в проеме окна мужской силуэт.

– Откашлялись? – спросила Клава. – Я чуть не испугалась. Что ж вы так громко кашляете? Простыли или холодное пиво любите после водки?

– Вам какое дело? – ответил ей из полумрака твердый сухой мужской голос. – Проходите мимо, сударыня. Тоже мне – алкоголика нашла. Я, если уж на то пошло, никогда, дожив до своих пятидесяти лет, больше стопки водки не пил, да и то довольно редко...

– Да ты, мил человек, не обижайся на слова, – ласково ответила женщина. – Я, может, специально так тебя раззадорила. Иногда и злоба придает силы, а ты, вижу, совсем ослаб... На самом деле я тебя ищу: ты же Шадрин, так? Никита Алексеевич?

Мужчина зашуршал в ответ то ли пакетом, то ли одеждой, затем, встав с подоконника, стал молча спускаться вниз.

– Да, я и есть Шадрин Никита Алексеевич, – сказал он, спустившись к дверям, где в проеме стояла Клава. – А вы вроде бы не работница поликлиники. Вы зашли, когда я разговаривал с медсестрой из регистратуры, а потом сели вязать – это я точно помню.

Пожилая женщина пристально рассмотрела мужчину с ног до головы: среднего роста; довольно худой, вернее, даже не худой, а какой-то весь жилистый, словно бы вырезан из дуба; черная с проседью небольшая борода; прямой, отчетливо выступающий над ней нос и живые мальчишеские, только утомленные до невозможности, глаза. Встретившись с этими глазами, Клава как-то даже стушеввалась: они словно бы взглянули ей в самое сердце, – и ей почему-то захотелось пожалеть и помочь этому человеку всем, чем только она может.

– Что ж вы молчите? – Шадрин улыбнулся. – Я же сказал, что я тот, которого вы ищете.

– Меня Люда... Ой, моя подруга, ну, медсестра из регистратуры, она послала вас разыскать, – ответила Клава, словно проснувшись, переходя то на «вы», то на «ты». – Тебя хочет осмотреть хороший доктор из Красноярска. Вернее, сейчас он работает здесь, у нас...

Терапевт районной больницы Ерохин Юрий Всеволодович сидел один в своем кабинете и, глядя на фарфоровую кружку с чаем, с растерянным видом размешивал ее содержимое чайной ложкой. Если бы рядом с этим пожилым мужчиной сейчас поставить его же, но трехлетней давности, когда Ерохин был заведующим онкологическим отделением в одной из больниц Красноярска, то даже опытный следователь вряд ли бы сказал, что оба человека являются одним и тем же лицом. Еще три года назад Юрий Всеволодович считался одним из ведущих специалистов в области онкологии, а его отделение являлось базовым по краю. Всегда собранный, всегда все запоминающий, гроза, и в то же время отец родной для всех своих подчиненных – он был похож на командира боевой части перед решительной атакой позиций неприятеля. Но вдруг какие-то «серые мыши» начали создавать иную, непонятную для него медицину. Ерохин не обращал внимания, когда вокруг персонал больницы горячо обсуждал намечающиеся какие-то реформы: в его отделении умирали люди, не было свободных коек, не хватало средств для дорогущих медикаментов – вот что его тревожило! «Что может быть хуже девяностых? – отшучивался он, когда кто-нибудь прямо обращался к нему с вопросом о его отношении к намечающимся структурным изменениям. – Это все начальники балуются, а мы в отделениях как лечили, так и будем дальше лечить больных! Разве что койки в палатах переставлять». Плохим провидцем оказался Ерохин. В какой-то момент он с удивлением узнал, что главного врача, с которым он прошел все лихие девяностые, отправляют на пенсию, а сама больница становится филиалом другого лечебного учреждения. Потом, чтобы на бумаге выглядело все хорошо, попросили и его написать заявление о сложении с себя полномочий заведующего. Затем закрыли и само отделение. Начальница объединённого онкологического подразделения – эффектная, приятная во всех отношениях девица, – высокомерно оглядев с ног до головы при первом знакомстве Юрия Всеволодовича, предложила ему, лечащему хирургу-онкологу,

работу в лаборатории. Ерохин понял, что ему таким макаром дают понять, что если он не уйдет сам, то его подставят так, что никто никуда уже его на работу ни в одно лечебное учреждение не возьмет. В таком состоянии его и застал его давнишний знакомый Рузаев Евгений Павлович, главный врач Туруханской районной больницы, который, приезжая по делам в краевой центр, останавливался всегда у него.

В двухкомнатной квартире, почти в самом центре Красноярска, Ерохин жил совершенно один. С женой они разошлись, когда еще дети ходили в школу: вроде бы она вдруг полюбила кого-то, но замуж в итоге повторно не вышла, и посему через какое-то время они снова иногда начали встречаться ради детей, но при этом продолжили жить порознь. Дети же – сын и дочь – окончили школу и разъехались в разные концы необъятной России: сын служил в звании майора на Черноморском флоте в Крыму, а дочь жила в Санкт-Петербурге. У обоих были семьи, уже подрастали по два внука и в Крыму, и в Питере. Сын постоянно звал переехать к нему в Крым после воссоединения его с Россией, но как оторвать старое дерево, выросшее в енисейские земли?

– Чего ты, Юра, мучаешься и бодаешься тут с чиновниками от медицины? – удивленно развел руками Рузаев. – Ты слишком увлекся лечением людей в последнее время. Конечно, это похвально, но по слухам эта ваша новая командирша – школьная подруга любовницы то ли мэра, то ли губернатора. Смотри, не лезь, пожалуйста, на рожон. Я тут подумал и вот что придумал: а что, если тебе к нам, в Туруханск? К нам от Красноярска тысяча шестьсот километров – никакие реформы туда никогда не доберутся. Заведованием как здесь, конечно же, я тебя не могу прельщать, скажу сразу. Больница у нас там небольшая, но такой специалист людям там, ой, как нужен! У меня вакансии терапевта никак не закрывается – пойдешь в терапевты? Будешь почти земским врачом...

Так Ерохин оказался в Туруханске. Прилетел он сюда в середине мая. В первую неделю, когда на новом месте всегда бывает очень тяжело психически, погода стояла прекрасная, и при этом еще не было гнуса, а иначе он, настоящий горожанин, скорее всего, вернулся бы назад в Красноярск. А так все «прелести» нового места навалились на него не сразу, а постепенно, давая время Юрию Всеволодовичу поднакопить духовные силы для преодоления следующего испытания. Но больше всего ему помогло то, что он сразу же, чуть ли не с первых дней впрягся в работу – больных было много, а врачей мало. Коллектив в больнице жил единой семьей – иначе в суровом крае было и невозможно, пожалуй. Так что, через четыре месяца Ерохин уже был уважаемым врачом и стал почти настоящим сибиряком, но уже не тем, кем он был в Красноярске.

У главного врача больницы имелась младшая сестра, которая была моложе Юрия Всеволодовича лет на пятнадцать и которая работала в администрации райцентра. Она улетела в свой северный отпуск в конце июня, а вернулась неделю назад. Все это время Евгений Павлович в дружеской беседе намекал ему время от времени об одиночестве сестры и о том, какая она замечательная женщина. Сестра Рузаева была действительно привлекательна. Муж у нее трагически погиб пять лет назад в тайге во время охоты, а единственная дочь училась в Москве на последнем курсе какого-то технического института. Ерохин все отлично понимал, что хочет сказать его старый друг, но не подавал виду, что догадывается о значении этих намеков. Он всегда молча выслушивал слова Евгения Павловича о его сестре и потом тактично переводил разговор на другую тему. Но вот вчера Рузаев объявил ему, что через три дня у его сестры день рождения, к тому же юбилей – сорок пять лет, – и что Ирина, сестра его, не любит шумных компаний, да и вообще не любит праздновать дни рождения, а посему юбилей будут отмечать в кругу семьи. У самого Евгения Павловича с супругой, так уж случилось, не было детей, и получалось, что круг их семьи – три человека. «И так как ты мой старый друг, – в конце продекларировал Рузаев, – то Ирина просила от ее имени пригласить тебя к нам на, как получается, семейный праздник. Никакие отказы и отговорки не принимаются, учти».

Вот и сидел сейчас Юрий Всеволодович, глядя на свой стакан чая, и думал о том, что все это глупо: в его годы пытаться строить новую семью. Он давно привык к одиночеству в быту, и ему было комфортно в этом пространстве осознанного сиротства. Нравилась ли ему Ирина как женщина? Безусловно – да, но ломать свой уклад он не хотел ни за что на свете. Поэтому час назад он решительно направился к кабинету главного врача, чтобы откровенно поговорить и все объяснить начистоту. Но главный бухгалтер больницы, которая что-то тихо обсуждала с секретаршей, с порога зашикала на него и шепотом поведала, что Евгений Павлович обсуждает бюджет больницы с Красноярском, и что разговор будет долгим. Удрученный ходом событий, Ерохин спустился на первый этаж к рентгенологу, с которым иногда на пару любили поболтать о том о сем. Растерянно, даже машинально, рассматривая снимки, которые медсестра готовила для отправки врачам на завтрашний день, он вдруг обратил внимание на характерные обширные пятна на одном из рентгенограмм. «Странные засветы здесь, Николай Иванович, – обратилась она к рентгенологу. – Видимо, аппарат барахлит».

– Нет-нет, – остановил ее Юрий Всеволодович, – дело не в аппарате, а в пациенте.

Ерохин взял снимок и стал внимательно рассматривать его.

– Пришлите мне его ко мне завтра, – сказал он, обращаясь к Николаю Ивановичу. – Хотя, уже поздно его спасать...

– Так этот пациент вроде здесь где-то, – перебила его медсестра. – Мне из регистратуры Клавдия Петровна звонила и жаловалась, что, вроде бы, как раз он поставил ей ультиматум, что останется в больнице до тех пор, пока его не примет врач, и что утром у него последний теплоход.

– Тогда, если вас не затруднит, позвоните ей и скажите, пусть этот, – как его фамилия? Шадрин? – пусть этот Шадрин поднимется ко мне. Я буду его ждать до тех пор, пока он не придет ко мне.

Ерохин постучал ложкой о край бокала, стряхивая капельки уже остывшего чая, и задумчиво посмотрел в черную глазницу окна. Затем перевел взгляд на настенный календарь за текущий 2021 год: в красном квадратике значилось число 22, а над фото с забавными котятами – месяц – сентябрь. «Летят мои годы! Боже мой, как быстро летят!» – подумал он. Ход его хаотичных мыслей перебил тихий стук в дверь. В следующую секунду она отворилась, и на пороге показался незнакомый мужчина.

– Мне сказали, что вы примете меня, – невнятно и как-то робко пробормотал он, поздоровавшись с доктором.

Юрий Всеволодович удивленно уставился на него, все еще оставаясь под воздействием своих тягостных мыслей и запямятовав о некоем Шадрине, которого сам и попросил найти и прислать к нему срочно.

– Я не ошибся: вы – Юрий Всеволодович? Моя фамилия Шадрин...

– А-а, вот что! – перебил пациента Ерохин, вспомнив рентгеновский снимок, и, почему-то взяв с блюдца ложечку, запустил ее обратно в бокал с чаем. – Чаю хотите? Составьте мне компанию – грустно пить чай в Туруханске одному, знаете ли. Садитесь вот сюда. Вы не торопитесь?

Никита пристально посмотрел в глаза терапевту, поймав его изучающий взгляд, и сел на стул, стоящий чрез стол напротив него.

Ерохин включил чайник и, пока тот закипал, снова молча бросил взгляд опытного онколога на внешний вид Шадрина. В суровом, но измученном от тяжелой болезни лице Никиты Юрий Всеволодович вдруг увидел как бы себя: Бог миловал его в течение всей его жизни от серьезных физических недугов, но сейчас он такой же израненный и выбитый из своей привычной колеи человек – разве не так?

– Мне ненароком поведали, что вы недавно сюда переехали из Красноярска, – неожиданно для Ерохина вдруг разговор начал не врач, а пациент. – Тяжело, значит, нынче стало лечить людей в больших городах? Или же мешают лечить?

Механический, нечаянный, заданный вроде бы просто так невзначай вопрос невольно попал в самую болезненную точку души Юрия Всеволодовича; но при этом Никита спросил так, словно бы это был не мужчина, годившийся чуть ли не в сыновья, а его горячо любимый покойный отец. Вот также он спросил давным-давно у своего сына, когда узнал, что тот хочет стать доктором: «А хватит ли у тебя долготерпения лечить людей всю жизнь? Если считаешь, что да, то давай – вперед!»

Ерохина внезапно даже для самого себя прорвало. Ему до такой степени захотелось высказать все накопившееся в душе за последние полгода, что если он этого не сделает сейчас, то не решиться сделать уже никогда.

Никита сперва с некоторым удивлением (правда, на лице таежного охотника это никак не отразилось) стал слушать рассказ доктора о своем детстве. Но Ерохин, погрузившись в свои воспоминания, так живописно стал рисовать словами свое далекое прошлое, что Никита почти сразу увлекся историей жизни врача. Пристальный взгляд охотника, искренне принимающего его слова близко к сердцу, словно подталкивал и стимулировал к пространной исповеди всего своего жизненного пути, – Юрий Всеволодович все говорил и говорил, чувствуя, что на душе становится как-то легко и непривычно приятно. И только минут через сорок, когда Ерохин дошел до нынешнего своего пребывания в Туруханске и в горячке упомянул о том, что его старый друг хочет познакомить его со своей сестрой, внезапно замолк и виновато бросил взгляд на Никиту.

– Неужели с моим здоровьем все так плохо, Юрий Всеволодович? – как гром среди ясного неба вдруг прозвучал тихий шепот Никиты после короткой паузы.

– Чай уже, пожалуй, остыл, – ответил Ерохин, отводя взгляд от своего пациента, и стал гладить свою трехдневную щетину на подбородке. – Вам бы в Красноярск...

Никита, чувствуя, что подступает опять волна мучительного кашля, стал медленно пить чай. Ароматный травяной отвар с нотами мяты и хвои оказался очень даже к месту: крепясь из последних сил, он глотал теплый чай и чувствовал, как постепенно приступ отступает.

– Мне в Красноярск никак нельзя, – так же тихо прошептал он через несколько минут, украдкой вытирая выступившие слезы на глазах. – Вы, наверное, не знакомы с жизненным укладом сибирского охотника? Нет?

Юрий Всеволодович удивленно взглянул на своего собеседника-пациента, мол, какое это может иметь отношение к моему предложению лететь в Красноярск?

Никита опустил голову и тяжело вздохнул: ему пригрезилось, как он поднимается на своей тяжелогруженной лодке по Нымде, притоку Енисея – единственному пути в свой запovedный охотничий участок, – а впереди самый опасный порог с единственным проходом между двух огромных камней шириной в два метра. Сколько раз он пробирался по нему вверх и вниз за двадцать с лишним лет!

– Мой участок на правом берегу Енисея, – молвил еле слышно Никита и поднял голову. – У свояка моего, Сашки, территория на левом берегу, и ему проще на порядок. С правой же стороны – плоскогорье, и, соответственно, притоки получают с характером, так сказать. Вот сейчас северный ветер стих, и вроде бы по всем приметам ночью начнется дождь – начал дуть южный ветер. Если я пропущу подъем воды на Нымде, то вся годовая подготовка к охотничьему сезону по добыче соболя пойдет коту под хвост. А если я не смогу добывать соболя, то оставлю свою семью без средств существования. Видите ли, прошлой зимой сломался мой снегоход, и пришлось покупать новый – ремонт обошелся бы дороже. Потом летом со свояком построили дополнительно к пяти проходным избушкам шестой. Также пришлось перестроить старую баньку на основной базе. Это все не считая нового мотора к лодке и завоза продоволь-

ствия и горючего на базу и ко всем избушкам. А прошлая зима еле-еле окупила себя, и мне нынешним летом пришлось залезть в семейный фонд, который специально собирали для старшей дочери, чтобы она смогла после школы учиться в вузе. Так что видите – мне никак нельзя оставаться даже ни на день тут.

– У вас сколько детей в семье? – спросил Ерохин, когда охотник замолк и снова опустил голову.

– Трое: две дочери и сын. Старшая, Настя, оканчивает школу и мечтает поступить в военное училище. Конечно, вначале еще надо поступить, но в этих военных училищах девушки вроде бы живут не в казармах – придется готовить деньги на съёмную квартиру. Но даже просто для попытки поступить, нужны немалые деньги. Думаю, все же у нее должно все получиться: учиться кругом на «пятерки», трудолюбивая, целеустремленная. По английскому я ее подтянул до приличного уровня, а то, видите ли, у нас в школе нет учителя иностранного языка, вернее есть, но английский дали на откуп учительнице математики... – Никита задумался, нервно погладил волосы. – В тайге нынче небывалый урожай кедрового ореха, а грибов и вовсе было ужас, как много – думаю, соболя прилично должно быть, и я смогу с лихвой перекрыть все последние неурядицы с деньгами... Да-а, такие дела... Сыну, Мишке, двенадцатый год пошел. Учится он так себе, но смысленный малый и настоящий помощник в хозяйстве – будет добрым охотником. Ну и самая младшая, Рита, в следующий год пойдет в школу... Сам-то я родом не из этих мест. Родился и жил до окончания школы в Олонецком районе Карелии. Места там примерно похожи на здешние...

– Вы сказали, что это вы обучили свою старшую дочь английскому языку, – не пересилив своего любопытства, перебил своего пациента Юрий Всеволодович, – я не ослышался? Вы очень хорошо знаете английский? Интересно...

На лице Никиты появилась приятная, немного даже лукавая, улыбка.

– Если интересно, то могу рассказать, правда, то совсем другая история из другой жизни. У вас есть время?

Ерохин кивнул головой и пожал плечами.

– После школы я поступил на физический факультет Ленинградского, то есть Санкт-Петербургского университета. Проучился там два с половиной года, а затем по студенческой программе попал в США в Рочестерский университет. Как я попал в число избранных – это тоже отдельная история. В нашей группе учился сын декана факультета, и я с ним как-то с первых дней, не зная ничего о его родителе, подружился и, кстати, до сих пор иногда переписываемся. А мой покойный отец в деревне у нас, а также на всю округу Михайловского сельсовета, был известным печником еще в советские времена. Он меня с детства таскал помогать ему – печку я любую могу выложить, но почему-то не нравится мне это дело, даже не само дело, а скучно уже возиться с глиной и с кирпичами, хотя, если начну, то уже меня не остановить... И при этом каждое лето нет-нет, да приходится в Сайгире кому-нибудь перекладывать печку... Это так, присказка, а сказка в том, что потащил Валера – это тот мой одноклассник, сын декана – как-то к себе на дачу в пригороде Петродворца. Ну, там он познакомил со своей семьей, и только тогда я узнал, кем является его папа. Дача, конечно, у них была шикарная... Николай Степанович, отец Валеры, в разговоре обмолвился, что никак не может найти хорошего печника, чтобы переложить старую, еще дореволюционной кладки, печь. Мол, сколько ни пытались через знакомых найти печников, и находили, да только от этих реконструкций печь стала вовсе нерабочей. Я, говорю, давайте, мол, исправлю все – никаких проблем. Вначале отец Валеры даже не обратил внимания на мои слова. Видимо, решил, что я так ляпнул. Я повторил еще раз, что смогу переложить, полностью разобрав, печку. Только тут Николай Степанович впервые обратил на меня внимание и заинтересовался моими словами. Я помню, как он вопросительно уставился на своего сына, мол, кто это такой? В итоге мне доверили реконструкцию «фамильной» печки, и когда она заработала, то я стал своим человеком в семье

нашего декана. В благодарность же Николай Степанович предложил, мол, если, конечно, я не против, включить меня в группу по программе обмена студентов с американским Рочестерским университетом. Английский я знал тогда не так, чтобы очень уж хорошо, но объясняться мог вполне сносно. Так и попал в США. На самом деле к тому моменту у меня желание учиться пошатнулось, а в Америке и вовсе пропало полностью, но это еще одна, отдельная история, глубоко личная к тому же... Так что я ехал туда с одной целью, скажу прямо, – чтобы подзаработать денег в долларах. Вы же помните наверняка, что творилось в девяностые годы. Вот и я заразился этим меркантильством, мечтая вернуться назад с несколькими десятками тысяч долларов, и думая, что они в США валяются под ногами. Студенческая виза у меня была на два года, но вместо учебы только за первый год я кем только не успел поработать: и уборщиком в кафе, и разносчиком пиццы и затем поваром в пиццерии, и оформителем банкетов – хватался за любую работу: вначале в самом Рочестере, а потом и в Нью-Йорке. Я еще в России договорился с Валерой, что буду переводить доллары ему, а он уже будет их копить на моем счете. Через полтора года я познакомился с одним выходцем из Украины, у которого была небольшая строительная фирма. Он мне предложил работу в бригаде, которая занималась укладкой ковров и еще прочими мелкими работами по отделке домов в пригородах Нью-Йорка. Платили там довольно прилично – в день получалось от пятидесяти до ста долларов. За все это время меня ни разу не проверяли на предмет того, кто такой, мол, ты есть, дорогой товарищ? Поэтому после того, как закончилась виза, я успел поработать в США еще год и восемь месяцев, пока случайно в каком-то пригородном кафе, куда я заскочил пообедать, не ворвались два негра ограбить кассу. На мою беду, и на беду этих горе-грабителей, почти следом же за ними в кафе пришли полицейские с целью, как и я, перекусить. В итоге тех негров повязали, а заодно и у меня стали проверять документы. Так я оказался в американской кутузке из-за просроченной визы. Все это, конечно же, очень даже прозаично: за три месяца я успел побывать в четырех тюрьмах двух штатов, и даже в одной из них между делом стал чемпионом по шахматам. Много чего приключилось со мной за эти четыре месяца: тюрьма – она везде тюрьма. Но, в конце концов, за «примерное поведение» меня за казенный счет отправили домой. Я тогда даже попробовал прикинуться бедным родственником, мол, ни цента в кармане, так что лучше оставьте в США еще на годик, и я заработаю денег, а потом полечу в Россию, – но тщетно... Мое житие в Америке меня вполне устраивало: видимо, привык – дело молодое же! Хотя, после четырех месяцев тюрьмы, как-то стало немного скучно, мягко говоря, вернее, потянуло на Родину... В Шереметьево меня встретил Валера: он в то время, как и до сих пор, работал и работает в Курчатовском институте. Мы с ним поехали к нему домой, немного посидели, разобрались с моим накоплением, после чего, для начала, решил съездить к себе на родину – в Олонецк. Мама у меня умерла, когда я был еще в России, когда я учился в Питере на первом курсе, а отец – годом раньше. В самом Олонецке жила моя старшая сестра – она старше меня на тринадцать лет. Думал, надо с ней повидаться, а потом надо же посетить могилы родителей. Дело было в середине августа. Билетов на поезд вообще не было, но ко мне подошла какая-то тетка возле кассы и предложила поехать с туристической группой, а деньги отдать ей. До отправления поезда оставалось часов шесть, и я от нечего делать просто так вышел из Ленинградского вокзала, дошел до станции метро «Красные ворота», повернул назад и доковылял обратно по другой стороне улицы до Казанского вокзала. Зашел в новое здание, вышел на перрон, погулял немного и вошел в старый корпус вокзального комплекса. Там сел возле дверей на лавку и в состоянии полной отрешенности просидел минут сорок: забавно было наблюдать после долгого пребывания в Америке за вокзальным народом. Вокруг сустились люди, куда-то все торопились, мелькали тележки носильщиков с баулами, – но в какой-то момент мое внимание привлекла фигура девушки, которая стояла неподвижно, прислонившись к стене, недалеко от точки, где продавались газеты и журналы. Она стояла спиной ко мне, и я от нечего делать невольно залюбовался ее женской фигурой. Через какое-то время

девушка медленно повернулась в мою сторону и сомнамбулической походкой, не обращая внимания ни на что вокруг себя, направилась мимо меня в другой конец зала. Лицо ее – не то что, красивое, но довольно притягательное для мужского внимания, по крайней мере, для моего – выражало, как мне показалось, какое-то крайнее беспокойство и страдание. Боковым зрением я заметил, что незнакомка остановилась в шагах десяти за моей спиной и снова встала, прислонившись к стене, словно силы покинули ее, и она боялась упасть. Я уже хотел встать и пойти на Ленинградский вокзал: да, девушка красивая, и у нее были явно какие-то проблемы, но чем я могу помочь? – как наглый мужской голос с той стороны, где остановилась незнакомка, заставил отложить мое намерение. «Девушка, – прозвучал грубовато-хамский голос, – у вас проблемы? Может, я могу помочь?» Ответа не последовало. «Я только что проводил маму с сестрой, – голос стал немного елейным. – Сам я художник. У меня тут недалеко студия. Меня привлекло ваше лицо – оно такое красивое. Я давно искал такое лицо. Видите ли, я рисую картину на библейский сюжет, но до сих пор никак не выходит образ Девы Марии. А увидев вас, меня словно молния ударила – вы именно та, которая мне нужна. Я вам буду платить сто долларов в день, если согласитесь позировать. Если вам негде остановиться, то можете ночевать прямо в студии. Кстати, меня зовут Роман, Роман Александрович. А вас как?» Меня этот монолог заинтересовал, и я невольно чуть повернул голову, чтобы взглянуть на этого «живописца». Мужчина, который стоял рядом с незнакомкой, по внешнему виду никак не тянул на представителя творческой богемы: довольно упитанный, бычья шея, серые спортивные штаны, рубашка с закатанным рукавом, поверх которой был надет бордовый жилет. На указательном пальце правой руки этот художник время от времени вращал связку ключей, видимо, как раз от своей «студии». Мое внимание невольно привлекла татуировка на безымянном пальце – то ли пики, то ли черви в квадрате. Сразу стало ясно, что если девушка сейчас согласится пойти в «студию», то ей вряд ли удастся вырваться потом из капкана.

«Таня, – ответила незнакомка потерянными голосом. – Роман Александрович, у меня украли сумку с документами и деньгами. Я сама из Красноярского края, приехала поступать во ВГИК, но провалилась во втором туре...» Девушка стала выкладывать все о себе к удовольствию «художника» – на лице его появилась самодовольная улыбка...

Надо было попробовать спасти девушку. Я незаметно прошмыгнул в дверь, вышел к перронам и через другие двери быстрым шагом вошел обратно в вокзал. Делая вид, что усиленно пытаюсь кого-то найти, через несколько секунд с криком «Таня!» я подскочил к этой паре и, не обращая внимания на «живописца», заключил в свои объятия девушку. Памятуя о том, что она поступала во ВГИК, я шепнул ей при этом на ухо: «Это – бандит-сутенер. Подыграй мне». Сам же понес такую околесицу, что и не подозревал до того момента и после, что способен на подобное сочинительство. «Отцу пришла телеграмма от твоей матери, что ты потерялась, – начал я, – вот он и подал заявление о твоей пропаже в милицию, и почти буквально сразу нам позвонили и сказали, что в Басманном отделении милиции лежит твой паспорт. Якобы его нашел дворник и сдал им туда. Паспорт лежал в пустой сумке. Отец поехал на Курский вокзал, а меня оставил пройтись по трем вокзалам и подежурить часок – вдруг повезет, и я найду тебя тут...». После моего вступления лжехудожник что-то залепетал, мол, точно, я же про свою машину совсем забыл, – и растворился в толпе, потеряв интерес к девушке. Таня же, в полнейшем смятении, уставившись на меня, не могла вымолвить ни слова с самого начала моего появления. Я взял ее за руки и потащил ее через новый зал подальше от Казанского вокзала – она с покорностью, ни о чем не спрашивая, следовала за мной, пока мы не остановились где-то в глухом дворе сталинского дома. «Меня зовут Никита, – представился я, нарушив молчание, которое длилось все это время, пока плутали по улочкам. – Слава Богу, что все обошлось, Таня. Что же это ты начала рассказывать все о себе первому встречному?» Девушка как-то виновато посмотрела на меня, и на ее глазах появились слезы. Через минуту она, усевшись на лавку, уже рыдала с такой детской жалостливостью, что мне ничего не оставалось, как

дать себе слово помочь ей. Как я уже сказал, она приехала в Москву из сибирской глубинки с наивной мечтой стать звездой театра и кино, и естественно ничего из этого не вышло. Вдобавок же, на Ярославском вокзале, куда он приехала за билетом, у нее умыкнули ее сумку с деньгами и документами. Так как я все равно не знал, чем мне заняться, то решил прокатиться до Красноярска и проводить Таню. Сейчас, по прошествии двадцати лет, с высоты прожитых годов, тогдашний мой выбор кажется наивным, но я благодарен беспредельно судьбе, что все так получилось...

Доехав до Красноярска, я как-то само собой решил проводить Таню до ее деревни. Она же приняла такой мой шаг даже с радостью, хотя, между нами ничего такого за все это время не было – мы даже почти не разговаривали друг с другом в поезде. Также молча плыли на теплоходе до ее Сайгира. Когда же я вошел в ее дом, то ее родители и все остальные в поселке сразу решили, что я почти что ее муж, а как минимум, жених. Меня даже в первый же вечер чуть не побили местные парни... Отец же Тани, как только мы появились, отвел меня в сторонку и спросил, когда будем свадьбу играть. Я и сказал, что чем быстрее, – как только новый паспорт ее дочери выдадут, – тем лучше, а то же нехорошие слухи пойдут. Папа Тани, Павел Данилыч, старый сибирский охотник, в то время похрамывал: неудачно в темноте встал коленом на стакан. Вот же ирония судьбы – он тоже в своей деревне был единственный хороший печник. К слову сказать, Павел Данилыч был от Бога на все руки мастер. Так как охотник почти весь год занят, то в год, как правило, брал только один заказ на конец лета. Так получилось, что печку в тот август надо было выложить именно у родителей того парня, который имел виды на Таню, и который и подговорил местную молодежь побить меня. Помню следующим утром пришел какой-то мужик и стал чуть ли не слезно упрашивать Павла Данилыча выложить печку. Они, оказывается, уже разобрали ее, а тут отец Тани поранил колено. Павел Данилыч виновато говорит ему, мол, как он выложит, если не может сгибать ногу, и к тому же если не вылечит колено, то не сможет пойти в тайгу на охоту. Я тогда подошел к ним и встрял в разговор, мол, если надо, то смогу выполнить заказ. Тот сосед посмотрел на меня свысока – они же думали, что я городской – и только махнул рукой на меня. Я тогда говорю, что работу сделаю бесплатно, но если им не понравится мое искусство, то заплачу им двойную цену работы плюс стоимость кирпича с доставкой. Суть да дело, а через месяц печку я выложил отменную – до сих пор стоит, кстати. А с тем бывшим женихом мы стали настоящими друзьями – это как раз тот Сашка Хандогин, про которого в самом начале я упомянул, – он потом женился на старшей сестре Тани, и таким образом мы даже стали родственниками, то есть свояками. Впрочем, я немного отвлекся от основной темы. Так мы с Таней и стали мужем и женой. Мы даже впервые поцеловались только на свадьбе – вот как! – и живем до сих пор душа в душу. Для меня она все та же потерявшаяся в Москве неудачливая студентка, которую надо защищать от зла и нечисти... Впрочем об этом не надо говорить – можно сглазить. Отец же Тани сразу после свадьбы потащил меня помощником на охоту, так как колено у него все еще ныло, и он боялся не выдержать трехмесячной нагрузки в тайге. Я же сам карельский парень – горные реки не в диковинку. Ну и стрелять из ружья умел... Так вот и получил в наследство от тестя охотничий участок размером почти в тысячу квадратных километров, где и занимаюсь добычей соболя до сих пор. А тогда – на следующее лето – мы с Таней и при помощи всего Сайгира, жители которого очень обрадовались, что у них теперь есть молодой печник в поселке, построили просторный дом из отборной таежной лиственницы – деньги же были у меня, – и стали жить да поживать. С тех пор мы с ней ни разу никуда дальше Туруханска не выбирались – все в Сайгире..., ну, если не считать мои коммерческие походы для сдачи пушнины раз в два года в Красноярск.

Никита замолк. Чувствуя, что в груди снова стало давить, а в горле запершило, он судорожно выпил остатки холодного чая в кружке и задержал дыхание, пытаясь сбить подступающую волну кашля. Рассказывая о своей молодости, Никита на какое-то время забылся от своих тревожных мыслей, которые не давали покоя в последние недели из-за, продолжающе-

гося ухудшаться, состояния здоровья. Чтобы отвлечь себя и, таким образом, продлить это чувство отрешенности от настоящего времени, он стал разглядывать кабинет доктора: стол из ламинированного ДСП, под которым с одной стороны стояла тумбочка, а с другой – компьютерный блок; на столе – громоздкий монитор с электроннолучевым кинескопом; старый деревянный шкаф со стеклянными дверцами, покрытый лаком; пластиковое окно без каких-либо занавесок или штор; на широком подоконнике – древний принтер без каких бы то ни было кабелей; на полу – довольно новый линолеум. Оглядев все вокруг, взгляд его остановился на часах, висевших рядом с дверью, словно бы он увидел их впервые, хотя за все время разговора они были в прямой его видимости. Прошло почти три часа, и стрелки на циферблате показывали без двадцати восемь.

– Однако, уже довольно поздно, – как бы уловив мысли своего пациента, заговорил Юрий Всеволодович. – Если вы не возражаете, я хотел бы вас осмотреть. Разденьтесь, пожалуйста, до трусов. Тут у меня довольно тепло, можно сказать, даже жарко – вы не находите? Главный врач, видимо зная хорошо свой коллектив, выделил мне этот кабинет, как бы тем самым подчеркивая мое особое положение, если можно так сказать. Сами понимаете, какой бы опытный ты ни был специалист, а на новом месте ты всегда новичок... Тут, видите, нет даже перевязочной. Здесь раньше вроде бы экономист сидел, а теперь вот я... Пол тут чистый, но можете расстелить под ноги вот эту газету...

Никита, начав медленно раздеваться, складывая при этом одежду на свой стул, пропустил мимо ушей слова доктора, не понимая смысла сказанного. Через несколько минут он встал по стойке «смирно» и вопросительно взглянул на Ерохина, мол, можно приступать.

– Вы политикой интересуетесь? Ну, я имею в виду, вы за новостями следите? – спросил тот, надевая очки.

– Можно сказать, что нет. – Улыбнулся скептически Никита, не понимая, по какому поводу задан вопрос. – Так иногда в тайге, когда готовлю добытые шкурки, в пол-уха иногда между делом слушаю по радио болтовню, но при этом, никак не анализируя и ничего не запоминая. В этом плане я плохой собеседник по этой тематике.

Ерохин подошел к раздетому своему пациенту и, как показалось Никите, словно его лайка Рекс, обнюхал его чуть ли не с ног до головы.

– А у меня вот слабость к политике, – вымолвил Юрий Всеволодович, закончив этот первый этап поверхностного осмотра.

Доктор подошел к своему столу и достал оттуда сложенный вчетверо миллиметровый листок бумаги стандартного формата. Затем, взяв правую руку Никиты, стал, прикладывая палец за пальцем к этому листку, внимательно осматривать их со всех сторон. То же самое после проделал и с пальцами левой руки. Попутно Ерохин стал пространно, словно заправский политолог, рассказывать своему пациенту о ситуации в мире и, в частности, в России и в странах ближнего зарубежья. Никита, послушно выполняя все просьбы врача при его осмотре, сперва не обращал внимания на эту политинформацию, но затем машинально стал прислушиваться, и в какой-то момент даже стало интересно: Юрий Всеволодович обладал недюжинным талантом на все, даже на мировую обстановку, глядеть глазами опытного врача-онколога, и оттого его выводы и прогнозы выглядели очень интересно и парадоксально для восприятия.

Закончив осматривать Никиту, доктор сел на свое место, и, глядя куда-то в сторону окна, задумался. Было видно, что он хочет сказать что-то очень важное, но никак не может решиться.

– Юрий Всеволодович, – Никита второй раз обратился к нему по имени и отчеству, – мне обязательно, как только пойдут дожди, нужно в тайгу на свой участок. И придется пробыть там до конца года... Я знаю, что лечащий врач не должен говорить пациенту всю правду, но, прошу вас, выскажите мне все, что вы думаете о моем состоянии – это очень важно.

Ерохин пристально посмотрел в глаза своему собеседнику, но потом, поджав губы, словно бы пытаясь удержать вырывающиеся слова, опустил взгляд.

– Если так, то, что же, – может, так даже лучше, – выдохнул он, не поднимая головы. – У вас начались метастазы... Забыл спросить, когда вы впервые почувствовали, что с вами что-то не так?

– Наверное, в мае, – почти сразу ответил Никита. – Мы тогда добывали уток. Я всегда был осмотрительным, а тут так случилось, что под веткой – это легкая такая лодка-долбленка – выскочил осенец, и я оказался в ледяной воде. Погода тогда была уже теплая, да и ветра не было, и я быстро вылез на сухое место, разделся, а ребята с миру по нитке одели меня в сухую одежду... Ночью немного поднялась температура. Потом все вроде бы прошло, но начались какие-то странности со здоровьем: то начинаю мерзнуть в жару, то жарко в холод... Хотя, вы знаете, зимой вроде все было нормально, но какая-то слабость чувствовалась постоянно...

Юрий Всеволодович задавал вопросы и, получая ответы, каждый раз покачивал головой, словно бы знал их заранее.

– Вы все-таки полны решимости идти в тайгу на три месяца? – спросил он, словно бы подытоживая свой разговор с пациентом. – А впрочем, я бы тоже так и поступил, но все же если что случится с вами...

– Юрий Всеволодович, все действительно так плохо? – перебил его Никита. – И сколько мне осталось?..

Ерохин будто бы ждал этого вопроса – он спокойно посмотрел в глаза своему пациенту и так же спокойно ответил:

– Я думаю, что максимум восемь месяцев, но вы собираетесь в тайгу, и как поведет на морозе ваш организм – трудно сказать. Я чувствую заранее, что будет происходить с вами в ближайшие месяцы, но не могу правильно сформулировать и объяснить. Видите ли, лечить уже бесполезно, если уж мне быть откровенным до конца. Вы хотели, чтобы я честно все рассказал – вот я и говорю вам то, что вижу как врач-онколог...

Юрий Всеволодович наклонился и достал из своей тумбочки небольшую белую пластиковую баночку.

– Вот возьмите это с собой, – сказал он, ставя его перед Никитой. – Когда начнется нестерпимый приступ кашля – выпейте одну таблетку, но не чаще одного раза в три дня. Учтите, это очень важно! Иногда немного помогает спиртовая настойка мухомора, если взять из спектра народной медицины. И еще: как вернетесь из тайги, постарайтесь сразу показаться мне, договорились?

Прощаясь с Никитой, Юрий Всеволодович любезно предложил ему переночевать в его квартире, которая находилась поблизости от поликлиники. Никита поблагодарил доктора за заботу и объяснил, что он остановился у знакомых. Накануне вечером, узнав, что он собирается в Туруханск, к ним домой прибежала соседка Нина, чья дочка Галя год назад вышла замуж за парня из райцентра, и с наивной простотой попросила поговорить по-мужски со своим зятем из-за его постоянного пьянства. Якобы дочка слезно жаловалась, что тот стал даже иногда поднимать руку на нее. Соседка одна растила единственную дочь, и она была для матери абсолютным смыслом ее жизни. Что мог ответить Никита? Пришлось успокоить ее и обещать, что попробует поговорить. Сама дочка соседки устроилась работать санитаркой в роддом после переезда в Туруханск, и утром, прилетев на вертолете, Никита застал ее дома собирающейся на работу. Галя искренне обрадовалась его появлению и настойчиво попросила остаться ночевать у них. Сама же молодая женщина, узнав, что он прилетел из-за проблемы со здоровьем, проводила его до больницы и только затем, хотя уже опаздывала, направилась на свою работу. Все это время она ни словом не обмолвилась о проблемах в своей семье. И даже на осторожный вопрос Никиты о ее муже, она, немного нахмурившись, поведала о том, какой у него замечательный и трудолюбивый Серега на самом деле. Никита же в ответ на всякий случай промолчал о просьбе ее матери поговорить с этим самым Серегой: узнав, что Галя идет дежурить в роддом на сутки, решил вечером с глазу на глаз попробовать побеседовать с ним. Он, конечно

же, понимал, что все это совершенно бессмысленно, но для успокоения своей совести решил все же провести это мероприятие.

Деревянный двухквартирный дом, в котором жили Сергей и Галя, находился за аэропортом. И когда Никита добрался до него, уже было около одиннадцати. После бушевавшего больше недели северного ветра теплый южный ветерок, несмотря на начавшуюся легкую морось, навевал все же некоторую надежду, заставляя относиться к беспощадным словам Юрия Всеволодовича не так трагично. Уже зайдя под козырек крыльца терраски перед входом в дом, вдруг Никиту опять накрыл приступ мучительного кашля. «Неужели все это правда? – подумал он, вспомнив о таблетках, выданных доктором, и начиная только сейчас понимать всей душой все происходящее с ним. – Опять накатывает эта слабость...»

Скрипнула дверь терраски, и почти сразу же его ослепил свет лампочки, висевшей под белым металлическим колпаком под козырьком крылечка.

– Ой, а это ты, дядя Никита. – Из полумрака терраски на свет появился Серега. – А мне Галя позвонила на работу и попросила прийти пораньше домой. Вот я жду-жду тебя – и уже не знал, что и делать. Куда это вы пропали? А я думаю, кто это тут под окном так сильно кашляет? Пойдемте в дом, дядя Никита.

Никита пожал протянутую руку Сереги и, все еще подкашливая, направился вслед за ним. Проходя мимо хозяина дома, который гостеприимно распахнул в сенях дверь, приглашая войти его первым, Никита почувствовал запах спиртного.

– Ты не против, если я досмотрю по телевизору передачу? – спросил Серега, когда они вошли в дом. – Тут как раз показывают те места, где я служил в Армии.

Никита, увидев на столе початую бутылку водки и рыбные котлеты на сковородке, еле заметно покачал головой:

– Один пьешь?

– Так я ждал-ждал тебя и вот подумал, что ты где-то решил в другом месте переночевать – время-то уже почти одиннадцать, а мне завтра рано вставать... Тут после обеда чинил систему отопления у одной бабушки, и она мне выдала эту бутылку. Говорит, осталась с похорон мужа, хранила, мол, почти тридцать лет. Видишь, сделано в СССР? Думал, спирт испарился, и надо попробовать – ничего, вполне хорошая водка. Давай, дядя Никита, пропустим по сто грамм. Как ты?

Никита неопределенно покачал головой, и хотел было уже деликатно отказаться, как Серега, вытянув вверх указательный палец, уселся напротив телевизора, забыв о своем предложении. Никита, примостившись рядом с ним на старенький диван с высокой спинкой, из вежливости молча стал также смотреть на экран. Голос за кадром рассказывал о Службе внешней разведки России, что Никите было совсем неинтересно и абсолютно безразлично. На экране мелькали какие-то пустые коридоры, пустые ухоженные аллеи парка, лесные пейзажи, потом появился какой-то мужчина в костюме и стал говорить о своем жизненном пути.

– Это глава Службы внешней разведки, – с придыханием сказал Серега, показывая пальцем на телевизор. – Ситников Константин Георгиевич. Я его лично два раза видел.

– Так ты у нас разведчик? – с шутливым тоном спросил Никита. – Надо же, а я и не знал. Какие люди, оказывается, рядом со мной пьют водку и закусывают щучьими котлетами! Котлеты сам лепил?

– Котлеты? Какие котлеты? А-а, эти? Да, сам, а кто же еще?... Да ну тебя, дядя Никита, – замахал рукой в его сторону Серега, не отрывая при этом взгляда с экрана. – Я в армии служил там рядом. Ну, охраняли по периметру. Там у них территория огромная в Ясенево, рядом с Бачурино – это под Москвой по Калужскому шоссе, – вот мы и несли караульную службу. Там, знаешь, какая охрана? Ого-го-го! Мы по внешней границе стояли, а внутри у них своя уже охрана была из контрактников. Меня даже уговаривали подписать тоже контракт на три года и остаться у них, но меня тут ждала Галя...

Сергеа замолк, потом пододвинул свой стул поближе к столу и налил в две рюмки водку. Он кивнул головой Никите, указывая, мол, давай, поехали.

– Спасибо, Серега, но мне пить нельзя, – ответил Никита. – Я и раньше не любил это дело, а сейчас уже и здоровье не позволяет. А рыбу вот я поем, если предложишь: с двух часов ничего не ел.

Сергеа один опрокинул в рот свою рюмку, затем зашел за печку и через минуту появился с противнем, где лежала партия горячих котлет.

– Я вот все думаю-думаю, и никак не могу решить, что мне делать, – нарушил молчание Никита, принимаясь за чай после вкусных рыбных котлет. – Мать Гали попросила меня с тобой поговорить, чтобы ты – не знаю даже как сказать, – стал вести трезвый образ жизни, что ли.

Сергеа удивленно уставился на своего гостя от этих слов, заинтересовавшись неожиданным поворотом.

– Якобы ты спьяну подебоширил с ней, – добавил Никита и пристально взглянул в глаза хозяина дома. – Мать Гали одна растила и воспитала свою дочь – представляешь, как ей тяжело слышать такие вести? Зачем же надо было руку поднимать на нее. Ты вот говорил только что, что из армии мечтал скорее вернуться к ней, – значит, у вас все по любви было? Что же сейчас изменилось?

– Да все у нас нормально, дядя Никита, – пожал плечам Серега. – Да и Галя, скорей всего, без всяких задних мыслей болтнула о нашей жизни... Да, было дело: недели три назад мы закончили плановый ремонт котельной и начальство проставилось. Я пришел домой, порядочно наклюкавшись, и, правду говоря, плохо помню все детали, но только Галю я не бил! Толкнул ее – да. Она споткнулась о порог и упала, но она же сама виновата: на меня с матом, а я до ужаса не люблю, когда женщина матерится. До этого она при мне никогда так не делала, а потом на следующий день я ей объяснил, чтобы в родительском доме она не смела так выражаться...

Сергеа слегка недовольно подтянул вторую рюмку, которую до этого налил для Никиты, и выпил одним залпом, словно это была вода – даже не закусил и не занюхал.

– Неблагодарное дело читать мораль хозяину дома гостю, когда за окном ночь, и моросит дождь к тому же, – грустно улыбнувшись, сказал Никита. – С твоего позволения я матери Гали скажу, что я провел воспитательную беседу с тобой, хорошо?

Сергеа равнодушно махнул рукой, показывая тем самым, что у него нет особого желания об этом беседовать.

– Ты же, Серега, вроде бы техникум в Игарке закончил? – Никита решил сменить тему разговора. – Может, попробовать тебе высшее образование получить? Детей у вас пока нет, хозяйства как такого с живностями разными – тоже...

– Говорить легко! – Прищурившись, бросил взгляд на гостя Сергей. – А на самом деле мне моя работа сварщика нравится – не всем же становиться начальниками. Я вот тоже могу тебе сказать: «Дядя Никита, вы честный, мудрый и опытный человек, что же вы сидите на своем участке в тайге и проживаете свою жизнь впустую? Вы же могли запросто стать губернатором, президентом, или хотя бы генералом, и тем самым принесли бы огромную пользу стране и людям. А ты убиваешь милых соболей и зарабатываешь не намного больше меня». Но я же не говорю этого...

– И не надо, – засмеялся Никита и тут же закашлял.

Пока гость мучительно кашлял, облокотившись на колени и опустив голову, а затем и повернувшись спиной к столу, Серега налил в рюмку с треть водки и быстро опрокинул ее в рот. Когда Никита встал и вышел в сени, чтобы не смущать хозяина дома своим кашлем, тот повторил эту процедуру еще разок. Минут через десять, какой-то весь измученный, Никита зашел обратно в дом и уселся на свое место.

– Ну, вот мы и обозначили свои позиции, – сказал он и похлопал Серегу по спине. – Давай, разлей остаток водки на двоих – пожалуй, надо выпить по этому поводу, хотя врач мне и запретил строго это делать. Наказал, что можно пить по чайной ложке спиртовую настойку мухомора.

Серега от этих слов расхохотался и даже немного пролил на скатерть водку.

– Кстати, я могу достать, – все еще смеясь, сказал он, пододвигая наполненную до краев стопку. – У соседки через стенку муж полгода назад помер, так она его все этим самым мухомором и лечила. Хорошо лечила – душевно!

Пожелав друг другу здоровья, мужчины выпили.

– Мне вот интересная мысль пришла в голову, – почувствовав, как хорошая водка пришла к месту, обратился Никита к хозяину дома, – а не хочешь ли, Серега, если у тебя все равно нет желания учиться дальше, занять мое место?

Тот удивленно, уже порядочно захмелевший к этому моменту, уставился на своего гостя, не понимая, о чем это он?

– Я про свой охотничий участок имел в виду, – уточнил Никита, видя, как Серега пытается уловить смысл его слов. – Участок почти в тысячу квадратных километров – мечта поэта и любого сварщика! И это будет все твоим – ты там будешь и царь, и Бог в одном лице. Правда, чтобы деньги заработать придется добывать – не убивать – «милых» соболей...

– Постой, дядя Никита, – перебил его Серега, – о чем это ты? А ты сам куда? Чем же ты на жизнь будешь зарабатывать? К тому же у тебя большая семья... Или вы решили на старости лет всем табором, извини меня, уехать из Сайгира?

– Да нет, мой дорогой, – грустно улыбнулся Никита, – никуда я из своего поселка не уеду. Только вот, думаю – и никак не могу решить, кем же мне стать: или президентом, или губернатором, или, на худой конец, генералом – что-то надоело мотаться по тайге...

– А-а, – протянул зычно Серега, – тогда я согласен: как только увижу тебя в генеральских погонах, так сразу побегу принимать от тебя твой участок – мечтаю с детства стать таежным охотником на соболей.

– Вот и договорились, – засмеялся в ответ Никита, довольный тем, что разговор закончился безобидной шуткой.

Легли спать. Серега предложил гостю кровать возле печки за крашеной дощатой перегородкой, на что тот без всякого каприза с радостью согласился: Никиту после водки стало знобить, и он даже подумывал попросить разрешения залезть на печку, где был расстелен старый тулуп, и только от вида которого, лежащего на теплых кирпичах, становилось тепло. Растянувшись на мягкой перине и прижавшись спиной к печи, Никита немного согрелся, отчего тяжесть в груди и першение в горле также почти исчезли.

– А что, Серега, – спросил Никита, когда тот выключил свет и тоже, что-то бормоча, улегся на диван, – если бы тебя Галя не ждала тут, так и остался бы в Армии в этом, как его...

– В Ясенево, – откликнулся Сергей за перегородкой. – Да, пожалуй, и остался бы. Да, остался бы... Я почти даже решился тогда подписать контракт, чтобы через год поступить в военное училище, но что сейчас об этом говорить – поезд ушел... Нравилось мне в армии, дядя Никита...

Таня, Татьяна Павловна – так обращались к ней на работе в школе, сидела в своей комнатке воспитательницы пришкольного интерната и вязала варежки для сына Мишки. Несколько клубков пряжи из домашней овечьей шерсти по почте еще весной прислала сестра Никиты, но короткое сибирское лето никак не для вязания. Таня, заметив недомогание мужа, еще в начале июля все уговаривала его слетать в Туруханск в больницу и показаться врачам, но Никита все откладывал, объясняя это тем, что дел невпроворот, и все надо успеть до осени. Когда же наступила эта самая осень, муж стал готовиться к своей «экспедиции», как он, шутя,

называл свой главный охотничий период с октября по февраль по добыче соболя. С большим трудом, уже пустив даже слезу, Тане еле-еле удалось упросить Никиту перед самым началом охотничьего сезона все же полететь на почтовом вертолете в райцентр. Тот и сам, в конце концов, понял, что со здоровьем твориться неладное и согласился показаться врачам и обследоваться. Последним аргументом в пользу этого решения явилось то, что сестра Тани, которая заведовала почтой в Сайгире, за два дня до прилета вертолета поведала, что новый скоростной теплоход, который стоял в Дудинке, вышел из порта на пробный рейс, и что ей даже прислали примерное расписание. Все вроде бы складывалось вполне хорошо: с утра прилететь в Туруханск, в течение дня пройти к врачам, а на следующее утро сесть на теплоход и на третий день прибыть обратно. Света, сестра Тани, по рации записала Никиту на прием к терапевту, к фтизиатру и на рентгеновский снимок, чтобы успеть все за один рабочий день.

Проводив мужа, Таня, чтобы снять нервное напряжение, прихватила клубок с терпким овечьим запахом с собой на работу и, пока ученики, которые проживали в интернате, были в школе, начала вязать. Своим женским сердцем она чувствовала, что Никита болен очень серьезно, и предощущение страшного трагического конца, как бы она ни старалась не думать о нем, изматывало ее так, что она даже стала в последнее время испытывать какую-то физическую боль от него.

За предыдущие полтора дня – за прошлую ночь и сегодняшним днем до обеда – она постепенно заканчивала уже вторую пару варежек, – сыну Мишке как раз хватит до весны. До весны... Таня в последнее время стала страшно суеверной и боялась всевозможных планов на будущее, и любые мысли с разными перспективами старалась заглушать в самом зародыше. Вот и сейчас, подумав о том, что двух пар варежек сыну вполне хватит до весны, чуть не ойкнув, усилием воли стала думать о своей работе.

Таня до поездки в Москву и знакомства там со своим мужем, окончила в Игарке техникум по специальности «дошкольное образование». Начав учиться там, она чуть ли не с первых дней стала активно заниматься художественной самодеятельностью, а на второй год и вовсе стала участницей ансамбля русской народной песни «Игарочка». Поэтому, когда она получила диплом об окончании техникума, дальнейшая жизненная ее дорога, как она сама о себе думала, должна была непременно направиться в Москву, где ее, такую талантливую, просто обязаны были встретить с распростертыми объятиями... Таня не любила вспоминать тот отрезок в своей биографии, но в то же время тот момент, когда она встретила Никиту на Казанском вокзале, был для нее самым главным мгновением в ее жизни. Она нисколько не жалела о своей неудаче с поступлением в актерский вуз: если бы ее взяли во ВГИК, разве встретила бы так необыкновенно с Никитой, и разве были бы у нее такие чудесные дети?! Да, жизнь ее в родном сибирском селе нельзя назвать легкой, но у кого жизнь легкая? – у всех одно начало и один конец...

Свое восемнадцатилетие Таня встретила в поезде Москва-Красноярск в плацкартном вагоне, о чем она Никите сказала уже потом, когда они появились в Сайгире. А через месяц она стала его женой, а он – ее мужем, и до сих пор отношения у них между собой были какие-то трогательно-невинные, словно они только-только вот встретились на Казанском вокзале и шагают оттуда куда-то по неизвестным им обоим улицам...

Через три года появилась Настя, а когда закончился декрет – продолжила дальше работать библиотекарем в школе. Зарплата была, конечно, смешная, но зато шел стаж. Правда, через некоторое время, под ее «управление» отдали бывшую «Избу культуры», как называли в Сайгире бывший сельский клуб, который перестал числиться таковым в середине девяностых, и, соответственно, перестали выделять на него средства, передав само здание на баланс восьмилетней школы. Это деревянное здание, по размеру примерно раза в три больше обычной избы, общими усилиями топили по праздникам, и тогда ученики местной школы под руководством Тани устраивали концерт, что каждый раз становилось большим событием местного масштаба.

Так шли годы. Потом появился сын Миша, а еще через пять лет – Рита. Лет семь назад, в процессе реорганизации школ, Сайгирскую восьмилетку преобразовали в среднюю школу, закрыв при этом начальную школу в кетской деревеньке в пяти километрах ниже по Енисею и восьмилетнюю школу в деревне Филиппово в пятнадцати верстах выше на Анге – правому притоку Енисея. Сам Сайгир как раз располагался на правом берегу Анги на месте, где она впадала в Енисей. Даже со всеми этими добавлениями учеников, например, в текущем году в школе было всего семьдесят шесть человек, но государство решило, что так надо, а иначе территории и вовсе опустеют. Тогда и решили здание бывшего клуба переделать в пришкольный интернат, смонтировав там перегородки для раздельного размещения девочек и мальчиков. Но так как все же пространство внутри было достаточно большим, то половину решили выделить под две комнаты и столовую, а из той части, где оставалась сцена, сделать наподобие спортивного зала, что требовалось по статусу средней школы. Также, прямо к торцу здания клуба, где был вход, перенесли и собрали на новом месте буквой «Г» административный «барак» бывшей колхозной фермы для размещения в одном крыле кухни, а в другом – склада продуктов и комнаты для воспитательницы интерната. В итоге всех этих трансформаций, Таня получила полноценную работу и полторы учительской ставки, так как к ставке воспитательницы добавили половину за группу продленного дня, которая занималась в самом интернате. Параллельно Таня не забывала свое увлечение молодости, так что кружок художественной самодеятельности функционировал с полной силой.

Сама новая работа пришлось Тане очень по душе, да и из-за того, что здание клуба находилось на территории школьного сада в каких-то ста метрах почти вплотную к школе, а дом их стоял также поблизости, она успевала с помощью детей управляться всем домашним хозяйством. В принципе нельзя сказать, что в зимнее время забот был полон рот. Больше всего времени занимало содержание коровы и теленка, которого оставляли на зиму и откармливали вплоть до конца лета следующего года.

Основные заботы по хозяйству ложились на плечи старшей дочери Насти; Мишка же, которому этим летом исполнилось двенадцать, отвечал за отопление и наличие воды в доме. Рита, которая собиралась в школу только на следующий год, как правило, бегала как хвостик за мамой.

Глядя на повзрослевшую свою старшую дочь, Таня с легкой тревогой узнавала в ней себя в молодости: полгода назад она пришла после уроков к ней и, как-то невзначай попросила ее рассказать о том, как она встретила Никиту, хотя знала эту историю очень хорошо. Когда она, окунувшись в свою молодость, стала повествовать, Настя, перебив ее в том месте, где она стала делиться о том, какое впечатление на нее произвела Москва, когда она вышла на площадь трех вокзалов, вдруг огорошила ее тем, что объявила о своем решении после окончания школы поступить в военное училище. Как оказалось, она имела в виду даже не военное училище, а Московский пограничный институт ФСБ России. Что она могла ответить? Конечно же, она поддержала свою дочь, и уже вечером они вдвоем начали разговор об этом с отцом Насти. Никита тогда как раз собирался на охоту на гусей, где и потом он упал в воду, отчего Таня иногда даже про себя гадала: если бы они не стали говорить ему о планах Насти именно перед той охотой, может, он и не упал бы в воду и был бы сейчас здоров? Отец спокойно и без колебаний также сразу же поддержал свою дочь, и предложил Насте заняться английским с удвоенной энергией, хотя этот иностранный давался ей и так довольно легко, особенно под руководством Никиты. Шансы на поступление в этот пограничный институт, по словам самой же Насти, были небольшие – конкурс был сумасшедшим, – но, как ни странно, старшая дочь была абсолютно спокойна, как будто бы ей уже в этом вузе приготовили специально выделенное место.

Никита в тот вечер, прогревшись хорошенько в бане после холодной купели на охоте, почти сразу сел считать, сколько нужно денег приготовить для дочери. Узнав от Насти, что

девушки, если поступят, должны жить вне института за свой счет, обещал даже написать своему старому другу Валере помочь в этом деле...

Таня перестала вязать и бросила снова взгляд на пустую и хмурую, из-за низко висевших серых облаков, енисейскую гладь. Ее взор невольно остановился на затейливой формы верхушке огромного кедра, которая выделялась отчетливо на самой вершине пологого холма на противоположном берегу реки за поворотом. Сколько Таня помнила себя, этот силуэт, нисколько не изменившись (по крайней мере, так ей казалось), всегда маячил на линии горизонта на фоне неба. В детстве он, как маяк, манил ее к «прекрасному далёко», толкая на безумство первого шага в поисках счастья за горизонтом в облаках. Таня вспомнила, как направившись поступать во ВГИК в Москву, уже попрощавшись с родителями и родственниками, зайдя на палубу теплохода, чтобы не смотреть назад, сразу же перешла на другой борт от трапа и полчаса простояла, глядя на вершину этого старого кедра... Как ни странно, она за всю свою жизнь так и не добралась до того места, где росло это дерево – для нее та территория была так же далека, как Африка или Америка. Как-то она случайно при муже сестры спросила, мол, узнать бы, что это за великан так вымахал. Сашка Хандогин, как оказалось, часто там бывал, и он тогда ей и поведал, что это старый-старый кедр...

Вдруг за спиной Тани послышался какой-то шум, и одновременно послышался пронзительный крик Миши: «Мама! Мама!». Она, все еще не отошедшая от воспоминаний молодости, неловко дернула рукой и выдернула одну из четырех вязальных, сделанных из велосипедных, спиц из незаконченной рукавицы.

– Ну, ты и медведь, Мишка! – одернула ее Таня, собираясь отчитать своего сына, но только тут она поняла, почему тот так резко ворвался к ней: она вроде и глядела в окно, но, утонув в прошлом, не заметила, как белый красивый теплоход уже подплывает к причалу.

– Ты что, мама? – стараясь быть похожим на взрослого мужчину, смешно выговорил сынишка, проворно поднимая выроненную спицу. – Папа сейчас уже будет высаживаться на берег, а ты смотришь на теплоход и даже не двигаешься?! Что-то я не пойму тебя. Ведь папа болеет, а ты не хочешь его встречать? Может, вы поссорились?...

– Да задремала я, Мишутка, – неловко от безысходности соврала Таня и, хотя петли на рукавице стали отлетать, скинув свое рукоделие на подоконник, рванулась к дверям.

Мишка смешно пожал плечами, затем положил спицу также на подоконник и, еще раз пожав плечами, хмыкнул и направился за своей мамой.

Новый теплоход из Туруханска должен был отплыть предположительно в 10 утра; он и вышел в рейс перед закрытием навигации только из-за того, чтобы к весне было составлено расписание, начиная от Красноярска и заканчивая Дудинкой и обратно. На самом же деле теплоход отчалил от пристани только в четвертом часу, и, ожидая отправления судна, Никита немного отоварился разными нужными мелочами в магазинах райцентра. Также, увидев во дворе у Сереги пятидесятилитровый бак из нержавейки, который тот сварил сам для каких-то своих нужд да забыл для каких, выцыганил его не без труда. Бак этот по размеру и по конструкции чуть ли не идеально подходил к печке в его хозяйской пристройке для подогрева воды корове.

Спускаясь по трапу на берег, при этом неся на левом плече большой клетчатый баул, а в правой руке держа довольно тяжелый бак за приваренный кран, Никита обрадовался, увидев жену и сына. Он утомленно улыбнулся, но при этом строго посмотрел на Мишку и спросил:

– Ты что это, милый мой, не на уроках? Прогуливаешь?

– У меня же сейчас физкультура, пап, – серьезно ответил сын, пытаясь помочь нести бак. – Я отпросился. Мама, скажи папе, что я не прогуливаю.

Таня молчала. Она очень хотела начать расспрашивать мужа о его здоровье и о посещении больницы: удалось ли все успеть, какие врачи его приняли, что они сказали, какие выпи-

сали рецепты и купил ли он все лекарства по этим рецептам, – но не знала с чего начать. К тому же она не хотела заводить этот разговор при Мишке.

– Таня, ты возьми мешок, – обратился к ней Никита, ставя бак на прибрежный песок и снимая рюкзак, – а ты, сынок, бери мою котомку. Смотри, осторожно, не тряси особо и не переворачивай – там настойка мухомора.

– Мухомора-а-а-а? – протянул весело Мишка. – Так же скоро зима уже – мухи и так все передохли от холода.

– Мишка, ну что за слово: «передохли»? – одернула сына Таня, и тут же какая-то страшное предчувствие ударило ее словно током.

Она уже хотела было спросить мужа: зачем ему нужна настойка мухомора, но Никита легонько толкнул ее и еле заметно покачал головой, мол, потом поговорим.

– Мама, папа, давайте домой, а то скоро звонок уже на окончание урока, да и дождь усиливается, – пробурчал Мишка и деловито зашагал с рюкзаком отца верх по склону берега.

Дом Шадриных стоял на пригорке, примыкая огородам прямо к забору школьного сада. Конечно, как такового сада вокруг школы не было, просто территория вокруг всего школьного хозяйства, включая бывший клуб, то есть нынешний пришкольный интернат, а также поселковую пекарню и единственное кирпичное строение электростанции с дизельным двигателем, построенное еще при СССР, была условно выделена прерывистым палисадником. Когда Никита, Таня и Мишка зашли гуськом во двор, осеннюю тишину пронзил негромкий, но залихватистый школьный звонок: звонили в школе чуть ли единственным вещественным доказательством существования в былые времена в Сайгире храма – малым церковным колоколом.

– Папа, – обратился сынишка к отцу, – я побежал на занятия, но скоро приду: остался последний урок по географии.

Никита похлопал по спине сына и кивнул головой. Мишка аккуратно повесил отцовский рюкзак на шпиль, вбитый рядом с дверью крыльца, и побежал через заднюю калитку в сторону школы.

– А где Рита? – спросил Никита у Тани, ставя бак под навес дровяного сарая. – Какими важными делами занята наша младшенькая?

– Она у Светы, – ответила жена. – С утра она все сидела у меня и ждала возле окна тебя, а потом пришла сестра и забрала ее к себе...

Таня поставила сумку на ступеньку крыльца и зашла под навес. Она села на скамейку и вопросительно уставилась на мужа, никак не решаясь начать разговор о самом главном. Никита же, облокотившись на поленницу, опустил голову и так простоял минут пять, словно пытаясь вспомнить что-то важное.

– Ты во сколько заканчиваешь сегодня работать? – наконец, тихо спросил он, не поднимая головы.

– В семь – как обычно.

– Я к тебе приду – ты жди меня. Договорились? Там и поговорим... Видишь, там, на востоке, какие тучи двигаются на север? Завтра мне надо рано с утра непременно выдвигаться: на Нымде, думаю, отличная вода будет. Надо будет Хандогиных предупредить, чтобы вечером зашли к нам – посидеть на дорожку...

Таня, и без того сильно взволнованная, как-то беспомощно и смущенно посмотрела в глаза мужу.

– Потом, Танюша, – продолжил после недолгой паузы Никита, – потом. Сейчас я выдохся и не могу ни о чем говорить. Даже думать неохота. Да, если встретишь Нину, скажи, что я переночевал у Гали и провел беседу с ее мужем – все нормально у них.

Таня встала с лавки и, немного в нерешительности постояв рядом с мужем, ожидая, может, еще что-нибудь скажет-таки Никита? – зашагала тем же маршрутом в сторону школы, по которому несколько минут назад убежал Мишка. Никита проводил свою жену долгим взгля-

дом, пока та не исчезла за рдеющими кустами рябины школьного сада. Как только Таня исчезла из вида, как тут же из-за поленницы дров, мимо большой собачьей конуры, где на привязи сидели две собаки, появился его охотничий пес Рекс. Умная собака – восточносибирская лайка – все понимала, и потому до сих пор ждала, пока его друг и хозяин останется один, и уже с глаза на глаз молча спросить: о чем он вообще думает? Почти все охотники в поселке – кто вчера, кто сегодня утром – уже отправились в тайгу на свои участки, а он, Рекс, лучший соболятник, если верить самому Никите, изнывает без дела рядом с выбракованными под хозяйские нужды домашними собаками. Так можно и до депрессии дойти и растерять охотничий азарт!

Никита невольно залюбовался своим другом: палевого цвета шерсть с выраженной гривой на шее, сильная мускулистая спина, умные миндалевидные глаза карего цвета, большой красивый черный нос – он двигался словно приведение под мелкими каплями дождя, чуть шевеля загнутым хвостом. Рекс почти уже собрался было уткнуться носом в знак приветствия под мышку присевшего Никиты, но на улице послышались какие-то шорохи, и в следующее мгновение калитка открылась, и во двор забежала Настя. Собака замерла, пропуская вперед старшую дочь хозяина.

– А ты что не учишься? – спросил Никита у дочери, когда та подошла и встала рядом с Рексом.

– У нас сейчас английский. Меня Лидия Егоровна отпустила помогать тебе. Папа, Мишка воду натаскал в баню, а я сейчас затоплю, хорошо?

– Ты бы лучше училась, Настюша. – Лицо Никиты озарилось улыбкой. – Я бы и сам затопил. Ты тогда только воду подогрей – я париться не буду. Ну, что же вы с Рексом под дождем стоите – идите под навес ко мне, что ли...

Отец с дочерью уселись на скамейку, где несколько минут назад сидела Таня. Рекс, наконец, поймав момент, уткнулся-таки под мышку охотника – поздоровался и успокоился. «Надо, однако, как-то все же рассказать Тане и Насте обо всем, – подумал Никита, – но как? Вот же дурацкая ситуация с этой болезнью!» Еще ночью, валясь в каюте теплохода, он решил открыться насчет рака и того, что ему осталось максимум где-то с год, – только Тане, а она уже потом как-нибудь расскажет Насте.

Был еще один момент, с которым Никита никак не мог определиться. Дело было в том, что река Нымда, по которой он поднимался до своего базового домика и на которой стояли еще две проходные избушки из шести, была довольно сложной в плане завоза груза. Сама база от Енисея находилась в километрах восьмидесяти, но примерно на половине пути имелся непроходимый для большой лодки порог – почти настоящий водопад по всей ширине реки, от берега до берега. Еще покойный тесть на том месте обустроил перевалочную базу для стоянки лодки и временного хранения груза. Дальше от водопада, выше по течению, примерно с полтора километра шла шивера, и уже только после река была относительно спокойно проходима, правда на небольшом катере и только когда поднималась вода во время сильных дождей, приносимых южными ветрами. Так повелось, что осенью Никита на большой лодке, сделанной в Филиппове мастерами староверами, вместе с остальным необходимым грузом, вез большую двухсотлитровую бочку бензина и оставлял ее на перевалочной базе до марта. А весной по твердому насту с помощью свояка Сашки на двух снегоходах перевозили эту бочку до границы шиверы, откуда уже летом Никита с помощью двадцатилитровых канистр на катере возил содержимое этой бочки до базовой избушки и заливал там в другую бочку. Пустую бочку забирали обратно весной же вместе с Сашкой на обратном пути. Остальной же груз Никита перетаскивал осенью сам и возил на катере в течение примерно недели после прибытия в тайгу. В целом вся доставка груза была похожа на заброс груза в космос: каждый килограмм завоза был сопряжен огромным трудом!

Никита верил доктору Ерохину и понимал, что такой опытный врач не мог ошибиться. Лучшим доказательством вердикта Юрия Всеволодовича служило медленно, но неумолимо

ухудшающееся состояние здоровья за последние полгода. Исходя из простой логики, напрашивался вывод о том, что везти приготовленную бочку с бензином нет никакого смысла. Но если этого не делать, то придется как-то всем автоматически объяснять: почему двадцать лет осенью возил бензин, а в этом году – нет. Бочка эта стояла уже в «пакгаузе» – так звали охотники построенный сообща на берегу склад, разделенный на семь секций, по числу имеющихся в Сайгире профессиональных охотников. Туда, за неделю до отправки на участки, они, каждый в свой запираемый отсек, потихоньку начинали собирать груз для завоза. Тут же, немного в стороне, имелся построенный также общими усилиями навес для хранения лодок. И так как в путь охотники всегда отправлялись с утра, то для сбора надо было только перенести из склада свои вещи и аккуратно разместить их в лодке. «Может, перенести эту бочку в Сашкин отсек? – подумал Никита. – Только, черт возьми, придется тогда ему все рассказать... Так неохота об этом даже думать, Боже мой!»

– Что тебе врачи сказали, папа? – встревоженным голосом прервала размышления отца Настя и заботливо добавила: – Лекарства успел купить от кашля?

– Врачам только попадись – такое они наговорят! – пошутил Никита. – А лекарств набрал целый рюкзак: поеду на свой участок и буду целыми днями только, знай, лечиться.

Дочь посмотрела на своего отца и, улыбаясь, покачала головой. «Какая замечательная наша Настя, – подумал Никита, улыбнувшись в ответ. – А доктор хотел отправить меня умирать в Красноярск! Умирать легко, а кто поможет дочери поступить в институт?»

– Пойду-ка я, доченька, схожу к Хандогиным, – тихо сказал Никита, вставая с лавки. – У них, наверное, там Рита – заберу ее домой. Да и с дядей Сашей мне надо кое о чем поговорить насчет планов на завтрашний день. Я тут подумал: пожалуй, они тоже баню собираются топить. Так я им скажу, что мы все попаримся у нас. Ты тогда топи нормально уж, договорились?

Дом Хандогиных, вернее, родителей Тани и Светы, находился в самом центре поселка рядом с магазином. После того, как Сашка женился на сестре Тани почти сразу после свадьбы Никиты, они сперва полтора года жили у родителей Сашки: Никита на свои деньги это время строил дом, и поэтому приходилось примаком жить у жены. Когда же Никита и Таня справили новоселье, родители Светы упростили младшего как бы зятя, если смотреть по возрасту, то есть Хандогина, переехать к ним. Срубленный из кедра еще до революции дедом отца Тани дом-пятистенки с глухим дощатым забором вокруг двора и с массивными, сделанными из лиственницы, воротами представлял собой классический пример сибирского образа жизни. В дальнем углу двора располагалась баня, поставленная уже самим Сашкой лет десять назад и где, как положено, печку выложил его свояк. Когда Никита зашел во двор, муж Светы сидел как раз на пороге этого предбанника и что-то прилаживал к небольшим собачьим нартам. Многие в Сайгире для хозяйских нужд держали по паре выбракованных сильных лаек как своеобразный гужевой транспорт. Так было у Никиты, и так же было и у Сашки: старший его сын, годом моложе Насти, как и Мишка, возили на них воду в течение долгой зимы, ездили на ловлю налима и по прочим мелким хозяйским делам.

– А-а, вернулся наш больной, – поздоровавшись, как обычно немного угрюмо хриловатым голосом, констатировал факт появления своего родственника хозяин дома. – Не пропустишь большую воду на своей Нымде? Ночью у нас тут такой ливень шел, прямо, как летом. Все уже разошлись по своим местам, а я остался ждать тебя – завтра вместе и двинемся... Я-то хоть как доберусь, а ты, смотри, чувствуешь себя неважнецки... Может, сопроводить тебя до перевалочного пункта, а?

– Дождь, видишь, опять потихоньку начинается, – ответил Никита и присел на край чурбака под козырьком крылечка предбанника, – а на востоке так и вовсе льет, видимо, не переставая. Так что сам доберусь, Сашка, а тебе огромное спасибо за предложенную помощь. Я вот подумал и решил бочку с бензином нынче не брать с собой...

Никита замолк, не зная, что говорить дальше. Сашка же, услышав эти слова, словно окаменел, перестав колдовать над постройкой нарт. Так он просидел минуты три, потом медленно повернул голову в сторону Никиты и все понимающим взглядом сибирского охотника посмотрел тому в глаза. Сашка уже собрался было что-то сказать, но тут позади Никиты с шумом открылась дверь, и послышался звонкий детский крик: «Папа! Папочка вернулся!» Одновременно в сенях грохнулось пустое ведро, и тут же строгий женский голос стал журить: «Ты, Петька, пострел эдакий, куда ты-то несешься? Видишь, в ведре вода была, и ты разлил ее перед самым выходом?»

– Вот наши младшенькие архаровцы появились, – улыбнувшись, кивнул головой Сашка в сторону дома.

У Саши со Светой также было трое детей: два сына и дочь. Старший сын, Павел, как уже говорилось, был младше Насти на год. Дочка Лена была старше Мишки на полгода, но учились в одном классе. Младшему же сыну Петьке шел пятый год.

Рита, быстро нацепив на голые ноги свои резиновые сапожки, подбежала к отцу и обняла его за ногу.

– Привет, Никита, – поздоровалась, появившаяся вслед за Ритой, Света. – Что там, в Туруханске, врачи тебе сказали?

– Да, вроде, буду жить, – ответил Никита и тихо шепнул Сашке. – Смотри, не проговорись никому – пока рано.

– Я зашел пригласить вас к нам в баню, – обратился Никита снова к хозяйке. – Ну, а потом соорудим прощальный вечер – завтра опять нам с Сашкой в тайгу на три месяца.

Сашка встал с порога предбанника и бережно прислонил нарты к дверному косяку.

– Света, принеси-ка нам, пожалуйста, ту распечатанную карту, что утром показывала, – обратился он к жене и, переведя взгляд на своего родственника, прошептал: – Сейчас я покажу что-то необычное.

– Что же такое сверхъестественное случилось за два дня моего отсутствия? – равнодушно спросил Никита и, взяв на руки Риту, поцеловал ее за щечку. Рита, радостно засмеявшись, обняла своего папу за шею и прижалась к его бороде.

В это время Света выбежала обратно со стандартным листком бумаги и подала ее сыну. Тот, уже к этому времени обувшись в свои сапожки, гладил подошедшую хозяйскую собаку-соболятницу Ласку. Мишка перехватил листок и подбежал к отцу.

– Вот, смотри, что на почте Свете прислали, – забрав листок у сына, Сашка сунул его под нос свояка.

– Ну, карта наших мест – это я узнаю. И что дальше?

– А дальше вот что: видишь, вот эту красную точку – точнёхонько возле твоей самой дальней избушки?

– Вижу... Да, это там, – всмотревшись на распечатанную карту, сказал Никита, все еще не понимая, к чему ведет разговор Сашка.

– Говорят, небольшое землетрясение было, а эта точка – предполагаемый эпицентр. Теперь понял? 3.7 балла...

– Только этого мне не хватает, – поморщился Никита, ставя Риту на землю. – Интересно, что с избушкой? Откуда тут у нас землетрясения?..

К шести часам дождь перестал моросить. Никита к этому времени завершил почти все мелкие дела перед отправкой на свой участок, ополоснулся быстренько в еще не жаркой бане и, чуть посидев с детьми, которые к тому времени все собрались дома, заторопился к Тане. Было довольно темно и, как назло, почему-то не включали до сих пор уличное освещение, хотя свету от них было не так уж и много – они служили в такое время года скорее обозначением населенного пункта. Никита решил сделать крюк по улице, боясь идти напрямик задами через огород

из-за опасения обляпать сапоги грязью в прокисшей от дождя земле на картофельном участке. Он прошел мимо длинного, срубленного еще в пятидесятые годы, основного здания школы и вышел на пригорок за пришкольным интернатом. Днем с этого места открывался грандиозный вид на Енисей и на противоположный берег, особенно осенью в ясную погоду, когда воздух становился хрустальным... Никита прислонился к стволу старой лиственницы, и снова тяжелые мысли, от которых убегал целый день, общаясь с детьми, вдруг накрыли его так, что в груди будто бы даже остановилось сердце. Неожиданно небо прямо перед ним посветлело, и через рваные тяжелые облака выглянула полная луна. Водная рябь внизу заискрилась миллиардами блесков, словно это вовсе не река, а сказочное огромное чудовище с фосфоресцирующей алмазной чешуей. Удушающая пустота внутри сама по себе растворилась благодаря этому фантастическому представлению, и сердце Никиты словно наполнилось этим счастливо-грустным лунным светом. «Что же я пытаюсь хоронить сам себя раньше времени? – с укором к самому себе, подумал он, чувствуя, как эта нечаянно появившаяся луна зародила в его душе ничем неоправданную, может быть, надежду. – Если я буду так впадать в уныние, то и до конца сезона не дотяну. Надо брать себя в руки и ни в коем случае не сдаваться. У меня дети, нам с Таней надо обеспечить поступление Насти в вуз, а для этого надо вернуться из тайги с добычей и съездить потом в Красноярск...»

В это время луна, как внезапно появилась, так же и резко скрылась за плотной грядой облаков. Все вокруг снова погрузилось в темный мрак осенней ночи. Никита глубоко вздохнул и направился в сторону ярко светящихся окон пришкольного интерната. Только он сделал с десяток шагов, как включилось-таки уличное освещение поселка.

Когда Никита вошел в прихожую-фойе интерната, за левой чуть приоткрытой дверью, откуда доносился приятный запах рисовой каши со сливочным маслом, он услышал детские радостные голоса и звяканье ложек о посуду – воспитанники учреждения ужинали. Никита без стука открыл правую дверь и почти лоб в лоб чуть не стукнулся со своей супругой.

– Ой, а я увидела тебя, как ты вроде прошел сюда, а потом потерялся, – тихо сказала Таня, делая шаг назад и пропуская мужа.

– Куда я могу потеряться, – стараясь как можно бодро и жизнерадостно, ответил Никита, садясь на табуретку рядом с печкой, которую сам же семь лет назад и выложил. – Весело тут ребятишки пищу принимают – вот и заслушался-засмотрелся. Я тут у тебя последний раз в мае вроде был?

– Весело у нас – этого хватает, – покачала утвердительно головой Таня и села на стул рядом с мужем.

Наступила тишина. Вот дети шумно вышли из столовой и прошли внутрь бывшего клуба в свои комнаты. Опять тишина. Никита понимал, что Таня ждет его слов. Он два дня все думал, как и что скажет жене, но так и ничего вразумительного для себя не решил.

– Жизнь такая простая штука, Танюша, – прошептал Никита, все еще размышляя, сказать ли все сразу или же немного сгладить каким-то образом вердикт врача, – что порой из-за этой простоты не знаешь как вести себя и что говорить...

Никита замолк.

– Не пойму тебя, Никита. О чем ты это? – удивленно уставилась на своего мужа Таня, пораженная необычными словами.

– Я о своем здоровье... Не знаю даже: может, стоило нам вместе лететь в Туруханск? Видишь ли, по врачебному этикету доктора о состоянии пациента говорят с близкими родственниками. Если все плохо, то любому врачу очень тяжело приходится объясняться... Со мной же все запуталось: доктор мне озвучил всю правду, а теперь я не знаю, как все поведать тебе то, что мне рассказал он.

– Неужели все так плохо? – еле слышно прошептала Таня и судорожно схватила его руку, лежащую на спинке ее стула.

– У меня рак легких, Таня, – со страшным усилием воли выдохнул слова Никита, боясь взглянуть в глаза своей жене. – Начались метастазы...

– Да в нашем Туруханске такие врачи, что... – Таня начала говорить, но, почувствовав, как слёзы застилают глаза, а сердце почти остановилось, замолкла и уткнулась лицом к тыльной стороне ладони мужа.

– Врач тот, который меня осмотрел, сорок лет проработал онкологом в Красноярске. Он не отрицал того факта, что он может ошибиться, и поэтому настойчиво советовал прямо из Туруханска полететь в Красноярск. В итоге мы решили, что я после Нового года повезу соболя в краевой наш центр и там покажусь еще раз... Ты пока никому про это не говори, ладно, Танюша?

– Сколько тебе осталось? Он же, наверное, сказал? – взяв себя в руки, спросила Таня. – Никита, не надо мне ничего придумывать. У нас дети, и мне все надо взвесить...

– Доктор сказал от полугода до года... Я поэтому и не могу никак полететь в Красноярск: денег и так мало, а нужно сейчас не тратить, а наоборот... Я обещал Насте, что она попробует поступить в военный институт в Москве. Так что завтра я отправляюсь в тайгу, а потом уже посмотрим, как все будет складываться. Ты, Таня, у меня настоящая сибирячка, да и я не собираюсь просто так сдаваться. Пока жив – буду все делать ради семьи. И ты раньше смерти меня не хорони...

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся Мишка.

– Ну-у, мама, папа! – немного обиженным тоном протянул мальчик, смешно вытягивая губы. – Дядя Саша с тетей Светой уже в баню пошли, а вы тут сидите, как ни в чем не бывало. А меня туда-сюда гоняют из-за вас. Пойдемте домой, а?

На следующий день, друг за другом отправившись в путь в восемь утра, Никита и Саша к трем часам добрались до устья Нымды. Тут они по сложившейся традиции на скорую руку вскипятили чай и пообедали холодными котлетами из налима. Только вот в былые годы, хотя и всегда все делали немного торопясь, они находили время и для шуток, и немного обсудить и сделать некоторые прогнозы на грядущий охотничий сезон. На этот раз и Сашка, и Никита, перекинувшись несколькими неловкими и дежурными словами о своих собаках сразу после высадки на берег, как-то само по себе замолкли и молчали вплоть до момента расставания. Первым засобирился, потушив костерок, Никита. Сашка, понутив голову, смотрел, как угольки зашипели от воды. Его обдало паром и дымом, но он словно бы и не замечал этого.

– Ну, что, брат, – впервые Никита назвал Сашку «братом», – надо плыть дальше, иначе я не успею добраться до своей промежуточной остановки.

Сашка вдруг резко выпрямился и обнял своего старого друга. Так они простояли несколько секунд. Затем Сашка также резко отвернулся и зашагал к своей лодке. Зашумел мотор; Ласка прыгнула без всякой команды на свое место перед снегоходом, который стоял посредине большой лодки Хандогина, и Сашка так и уплыл, даже ни разу не бросив взгляд назад.

«Как хорошо мне с ним, – подумал Никита, глядя вслед своему свояку. – Обо всем догадался с самого начала и ни о чем так и не спросил: о чем-то постороннем ему, видно, было неудобно говорить, а обо мне – какой смысл?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

За две с лишним недели до начала сезона добычи соболя, Никита успел сделать почти все, что планировал. Это, несмотря на то, что самочувствие медленно продолжало ухудшаться, и порой приходилось в пути отдыхать чуть ли не через каждые пару километров по пять-десять минут. Из промежуточной базы он перевез груз на основную базу за четыре дня, оставив часть

в проходной избушке ниже по течению от нее, то есть примерно на полпути между этими точками, при этом попутно добыв несколько глухарей, выходящих на галечный берег. Затем один день как бы отдохнул, наловив немного щук на основной базе и заложив их на хранение. Погода хотя бы здесь немного поддержала его: пока на небольшом катере мотался от водопада туда-сюда, все эти четыре дня моросил дождь в светлое время суток, усиливаясь ночами до чуть ли не ливня. Благодаря этому подъём воды на Нымде и на ее небольших притоках, на которых стояли остальные вспомогательные избушки, позволил Никите завезти почти во все из них, кроме одной, самой дальней, привезенные хлеб, сухари, крупы и макароны.

На пятый день температура стала падать. Небо посветлело. Тайга заиграла всеми прощальными красками перехода осени в стадию ожидания зимы. Все вокруг стремительно стало выстужаться. Наступило время заготовки щук на весь охотничий сезон, чтобы есть самому и кормить Рекса. Рыбы, как обычно, было столько, что с ее ловлей проблем не было никаких. Огромные, под десять килограмм щуки, заглатывали блесну с первых же забросов. Надо сказать, что добравшись в первый день до промежуточного пункта, Никита обнаружил, что в его домике побывал какой-то народ: по всей видимости – туристы. Они попользовались его буржуйкой и старым солдатским котелком, а также съели или попросту забрали хранившийся там небольшой запас риса и гречки; но взамен оставили качественное удище с вполне приличным спиннингом и три отменного качества блесны с острейшими тройниками. У Никиты все это имелось в хозяйстве, но эта рыболовецкая амуниция была гораздо выше по качеству и к тому же почти новая. Шнур, намотанный на спиннинг, в отличие от простой лески у него на старом удище, выдерживал без всякого напряжения огромных сибирских щук.

Таким образом, к середине октября Никита с Рексом подошли абсолютно подготовленными, если не считать того, что они так и не добрались до самой дальней избушки, расположенной почти у самого истока Нымды. Именно про те места упоминал Сашка, когда известил его о небольшом землетрясении. Несколько раз Никита собирался пробраться туда, но каждый раз с полпути заворачивал назад: на катере он итак туда ни разу не плавал из-за низкого уровня воды и сплошных плесов и шивер, а пешком не хватало сил из-за болезни. В итоге он решил пробиться туда на снегоходе после того, как ударят настоящие морозы и завезти продукты с собой. Та дальняя избушка, находившаяся от основной базы в сорока километрах и в двадцати километрах от самого ближнего проходного домика, всегда в начале сезона оставалась немного в стороне, так как почему-то соболь там появлялся только с появлением глубокого снега. Причем, если зверь появлялся, то это был соболь с темным, зачастую с чисто черным, окрасом меха – видимо приходили они большей частью откуда-то из востока. Поэтому Никита до конца ноября туда редко навещался по окончании завоза продуктов после прибытия в тайгу в сентябре. Но упускать же черного соболя никак было нельзя, и он с наступлением полноценной зимы всегда заворачивал туда и настораживал капканы и кулемки в надежде добыть самый ценный мех.

Никита все успел, что намечал сделать до Покрова, но это далось ему очень большим трудом и безмерно тяжело. Не сделать было невозможно: если к тому моменту, как Нымда и ее притоки затянет тяжелой шугой, а берега покроются ледовым притором, а он не успел бы завезти все необходимое во все избушки, то вся годовая подготовка к добыче соболя пошла бы насмарку. Еще в первый год, когда тесть оставил его одного на участке, он требовал от него усвоить главное правило выживания охотника в тайге зимой: к ледоставу, за которым почти сразу же ляжет снег, успеть сделать во всех своих опорных пунктах, то есть проходных домиках, как минимум двухнедельный запас продуктов. Каким бы здоровым был человек, он предполагает, а Бог располагает – всегда очень просто, например, можно простудиться, и мало ли что еще может случиться. И этот урок Никита усвоил очень хорошо, и до этого времени «Ч» он все эти годы, включая и нынешний, делал месячные запасы еды – для себя и для собаки – в проходных избушках. Единственно, что не успел он на этот раз, так это наловить и заморо-

зять рыбы на седьмом, самом дальнем домике, решив завезти ее из базовой избушки в начале декабря, а до того момента он все равно не собирался туда наведываться. Запас крупы, макарон и сухарей, да еще несколько банок тушенки неприкосновенного запаса там имелись еще с весны.

Приступы кашля в тяжелых условиях тайги и из-за тяжелого труда начали становиться с первых же дней чаще и продолжались они дольше. Правда, был плюс в том, что не надо было скрывать от домашних свое состояние. Никита, как только начинал чувствовать, что постоянное ощущение ваты в груди начинало тяжелеть, словно эта вата превращалась в горячий камень, старался найти какой-нибудь валежник, сесть или завалиться на нее, и так перенести приступ удушливого кашля. В этот момент все чаще перед глазами начинали роиться полупрозрачные «мухи», голова начинала кружиться, мышцы во всем теле сводила судорога, ноги подкашивались сами по себе, а желудок от спазма порой выдавливал свое содержимое наружу. По совету доктора Юрия Всеволодовича, он для облегчения клал в рот заранее мятные таблетки, которые хотя бы чуть-чуть помогали – в такие моменты даже такая малость значила очень много. Сильнодействующие таблетки, как бы порой ни хотелось проглотить и остановить приступ такого кашля, Никита твердо решил не пить до начала охоты на соболя. Пока же два раза в сутки по столовой ложке он пил спиртовую настойку мухомора, которая действительно помогала легче переносить болезненные ощущения во время выворачивающих внутренности кашля.

В целом он трезво смотрел на свое состояние: здоровье угасало, а вместе с тем уменьшался отпущенный срок самой жизни. Никита думал так, хотя внутри его сознания словно кто-то шептал постоянно, что на самом деле все это ложь и никакой смерти нет и быть не может: жизнь не может закончиться просто так, словно бы чья-то рука возьмет в какой-то момент и, не спрашивая его, выключит свет. И он верил в это, зная, что не верить нельзя, а иначе, зачем вообще жить, пусть даже и осталось сроку этой жизни не так уж и много? Эта борьба двух противоположностей, как ни странно, давали ему некую внутреннюю свободу в лавировании между унынием и наивным оптимизмом.

Как и предсказывали синоптики, двенадцатого октября подморозило по настоящему, и приторы на Нымде за ночь сомкнулись – река встала. Правда, снега было довольно мало, буквально с пять сантиметров, что благоприятствовало добыче соболя ружьем. Никита, измученный донельзя приступами удушающего кашля, в ночь перед первым выходом на добычу меха, решил до сна таки попробовать выпить одну капсулу из «подарка» Юрия Всеволодовича. Перед этим он уже трое суток спал в каком-то полукошмарном бреду, проваливаясь в пограничное состояние сна и яви, и снова просыпаясь от тяжести в области сердца и за лопатками или же мучаясь безрезультатно в попытках откашляться. Сделав все вечерние дела, покормив Рекса и хорошо протопив свою базовую избушку, он достал двухцветную бело-красную капсулу и долго смотрел на нее при свете керосиновой лампы. Проглотив с некоторым трудом довольно большую эту капсулу в желатиновой оболочке, Никита запил теплым травяным отваром и погасил лампу. Он помнил, как зашуршал в темноте под ним сено в тюфяке, как закинул на себя тяжелый старый тулуп домашней выделки и дальше – провал в чудесный сон... Ему снилось огромное, наполовину убранное осенью, и так и оставленное под снег, недожатое хлебное поле под весенним голубым небом. От слегка примятого, с пустыми колосками, клина, согретого теплыми лучами весеннего солнца, шел приятный и какой-то до боли знакомый аромат, позабытый очень давно безвозвратно еще в глубоком детстве. На жнивье по краю этого клина проклевывались зеленые ростки, словно бы напоминая об этой потере. Никита сидел на качелях прямо над полем, а рядом, на плите белого песчаника правильной прямоугольной формы, расположились Юрий Всеволодович с Сашкой и о чем-то разговаривали. На душе от этого весеннего вида и оттого, что рядом с ним находятся такие близкие по духу люди, было невыносимо

хорошо! Никита запрокинул голову, и с каким-то сладким упоением уставился на уходящие ввысь, в бездну голубого неба, две веревки своих качелей толщиной с большой палец каждая. Он начал раскачиваться, и почти сразу же лавочка, на которой он сидел, набрала размашистую амплитуду. «Эй, вы, – обратился, смеясь от переполнявших его чувств, Никита к сидящим на камне своим друзьям, – что вы там валаетесь? Идите вместе со мной качаться – места хватит на моей доске!» Но те почему-то даже не обратили на него внимания. Никита начал петь детскую песню «Крылатые качели», хотя он никогда эту песню не пел и текста не знал совершенно, но слова сами лились из него. Он пел так чисто и звонко, что сам удивился своему голосу. А качели продолжали набирать амплитуду, и вот уже он летает от одного края огромного клина необранного хлеба до другого так, что захватывало дух!.. И солнце приятно слепило в глаза, когда он взмывал над весенней землей до облаков...

Тут он проснулся. Лучи рассветного солнца, выглянувшего над холмом с другого берега, продираясь меж стволов берез и сосен, через стекло небольшого окошка светили ему прямо в глаза. Поначалу он испуганно уставился, – ничего не понимая и не соображая, где он вообще находится, – на силуэт своей лайки в нижней половине окошка. Видимо, он во сне действительно пел в полный голос, так как выражение морды Рекса было такое, что Никита, постепенно начиная приходить в себя, громко рассмеялся. Недовольный смехом своего хозяина, пес, как бы изображая равнодушный вид, зевнул и исчез из проема окна.

Никита чувствовал себя вполне хорошо: боль за грудиной ощущался только при глубоком вдохе; попробовав покашлять, он отметил, что ломота не такая острая, а першения и вовсе нет. Также, если раньше с утра он просыпался всегда весь в холодном поту, то на этот раз ничего подобного не наблюдалось.

Завершив все утренние мелкие подготовительные собрания перед первым выходом на добычу соболя, Никита оделся по погоде – на улице прилично похолодало – и вышел из своей основной базовой избушки с необъяснимой уверенностью, что день этот и все последующие будут удачные. Эта внутреннюю убежденность своего хозяина каким-то образом сразу же, как и положено настоящей лайке-соболятнице, почувствовал Рекс, уже поджидавший возле дверей и еще до появления Никиты время от времени заглядывавший в окошко. Собака тут же рванула вперед по путику в тайгу, потом вернулась, сделав дугу, потом снова зигзагами побежала в другую сторону, всем своим видом показывая, что энергии и настроения у нее хоть отбавляй. Никита закрыл дверь на железную щеколду, – медведи у него на участке его давно уже не донимали, и к тому же они в это время уже лежали по своим берлогам, – и направился вслед за Рексом.

Предчувствия Никиту несколько не обманули: спокойно и без всякой лишней суеты он за четыре дня добыл двадцать два соболя, что было настоящим рекордом в его охотничьей практике. «Если так пойдет, – думал он, возвращаясь после четырехдневного отсутствия на основную базу, – и если большого снега не будет хотя бы недели две, то можно будет уже за это время выполнить практически свой средний годовой план». В первый день, почувствовав в ногах силу после постоянной ломоты в костях, Никита спустился по Нымде вниз по правой ее стороне до одного из проходных избушек и добыв при этом четыре шкурки. На следующий день он поднялся уже вдоль притока Нымды до следующего домика, добыв сразу семь соболей. На третьи сутки, встав засветло, он совершил переход до избушки в верховьях другого притока Нымды, и уже вдоль этой речушки спустился вниз до второй проходной избушки на Нымде выше по течению от основной базы. На берегах этого притока он добыл шесть соболей.

Ночью Никита снова почувствовал, как на него, словно свинцовая туча, наваливается его страшный недуг. Утром же проснулся он, после прерывистого тяжелого сна, весь липкий от холодного пота. Опять боль в коленях и ломота в костях при ходьбе! Но надо было держаться, и Никита, на этот раз передвигаясь вдоль только одного берега, все же добыл пять соболей. Даже Рекс был просто на седьмом небе от постоянной удачи, и от того, что хозяин на его доносчивый

голос после обнаружения зверька всегда поспевает вовремя и не промахивается. А то перед этим походом Никита из-за слабости умудрился несколько раз промахнуться и не попасть с довольно близкого расстояния по глухарям, что для лайки было очень обидно и непонятно.

Добравшись перед самым закатом до основной своей базы, Никита весь обессиленный, снова борясь с приступами кашля, сварил себе ужин из добытого по пути рябчика, покормил Рекса и затем занялся обработкой шкурок. Закончив все дела, в положенное время он вышел на связь по рации, чтобы дать знать о себе Тане и послушать, о чем говорят другие охотники. Как обычно, среди суматошного одновременного гомона множества голосов, ставшего давно привычным, Никита сразу узнал голос своей жены. Как могли – перекинулись, перекрикивая и повторяя по нескольку раз, обычными, но такими нужными друг для друга, простыми фразами о детях и о здоровье. Тут же охотники из Сайгира и знакомые по эфиру промысловики из ближних по сибирским меркам участков стали интересоваться о том, как прошли первые дни начала сезона. Никита уклончиво ответил, что вроде появился соболь и можно надеяться на вполне хорошую добычу.

Пятая ночь после приёма первой сильнодействующей таблетки прошла невыносимо тяжело. Так как следующий день Никита планировал провести на базе, то он для себя решил проверить, к чему надо готовиться при окончании стимулирования организма капсулой, и какой промежуток между приемами выбрать. Провалившись до утра в кошмарном полубреду, он чуть не выпил следующую порцию этого препарата и только усилием воли не дал себе сделать этого.

Когда стало светать, он немного поел, но его тут же после этого стало рвать. Обессиленный до невозможности, он укутался в тулуп и то ли уснул, то ли потерял сознание – даже сам не мог понять, когда очнулся через полтора часа. Выпив сладкого чая, он решил немного половить рыбу, чтобы хоть как-то в действии продержаться до вечера. Словно бы в насмешку над его состоянием, когда он пешней прорубил лунку и закинул под лед блесну в надежде поймать щуку после ледостава, то сразу же попался огромный таймень. Никита даже не подозревал, что в его Нымде есть такие огромные экземпляры. Он в какой-то момент, пытаясь подтянуть рыбу к проруби, даже в азарте позабыл про свой недуг. Толстый капроновый шнур из запасов покойного тестя, который был сделан еще в СССР, бог выдержать и сто килограммов, пожалуй, чего нельзя было сказать про самого Никиту. Обессиленный донельзя, он потерял счет времени, пока еле-еле не подтянул свою добычу на открытую воду. У Никиты даже не осталось никаких эмоций, чтобы удивиться огромной голове тайменя: он машинально зацепил свой багорчик под жабры и стал вытягивать рыбу на лед. В какой-то момент он даже снял с себя свой пояс-кушак и закинул его на шею Рекса, который все рвался помочь ему, но не знал как. Так общими усилиями они вытащили-таки огромную рыбу на лед. В длину она оказалась под полтора метра.

Пока он разделал и перетаскал куски тайменя на лабаз, день уже начал клониться к закату. Надо было по плану еще затопить баню и приготовить еду на завтра. Обычно он в свой как бы выходной старался мыться засветло, но на этот раз пришлось при свете керосиновой лампы. После парилки, как ни странно, ему полегчало, чего раньше не было: при выходе из жаркой влажной бани, пусть и топил он без лишнего энтузиазма, в холодный воздух всегда начинался сильный приступ кашля. Почувствовав облегчение, Никита сварил себе кусок тайменя с рисом, а также запек в печке порционные куски свежей рыбы в фольге на завтрашний день. «Ну, что ж, – думал Никита, заглатывая через силу куски мяса нежной рыбы, – бои идут с переменным успехом. Так что сдаваться и нельзя, да и рано – еще повоюем».

На ночь Никита проглотил вторую капсулу. За следующие четыре дня он совершил второй малый круг по левому берегу Нымды и добыл двадцать три соболя. С середины октября и до того момента, пока толщина снега позволяла ходить пешком, добыча соболя велась карабином, а потом – с помощью капканов и кулемок. При охоте с ружьем Никита курсировал от одного домика к другому с ночевками в них как бы восьмеркой, где два круга маршрута,

проходившего по разным берегам Нымды, соприкасались в базовой избушке. Соболь, если он имелся, всегда держался близко к воде, поэтому охотники свои эти маршруты, которые они называли путиками, прокладывали вдоль ручейков и речушек. Зимой же Никита уходил из основного своего зимовья примерно на две недели, добывая соболя уже капканами и двигаясь по большому кругу, обходя все свои проходные избушки кроме находящегося немного в стороне домика на самом верховье Нымды.

Совершив, таким образом, второй малый круг, Никита добыл сорок четыре соболя за десять дней, что было просто невероятным успехом. Можно было бы радоваться, да только вечерами, снимая шкурки, он начал ловить себя на мысли, что ему немного безразличен его охотничий результат. Постоянные блуждающие физические боли в теле пытались все настойчивее затмить разум и убить все внутренние желания и стремления.

Обычно Никита успевал до начала обильного снегопада сделать максимум две полные «восьмерки», что по времени выходило дней пятнадцать-двадцать, хотя бывали года, когда глубокий снег формировался уже в конце октября. На этот раз настоящая зима пришла только к двадцатому ноября. До этого момента Никита успел почти выполнить свой план на весь сезон, но радости никакой он не чувствовал: капсулы помогали, но они и отбирали словно бы внутреннюю силу за счет будущего времени. Он уже начал пить их через день, а иначе руки дрожали, и ни о какой меткой стрельбе не могло бы и речи.

Начавшийся сильный снегопад застал его на пути к основной избушке, когда он закрывал третью «восьмёрку». Забросив охоту, он быстрым шагом заторопился к своему зимовью. Когда Никита добрался уже в темноте к домику, поднялась метель. Снег шел три дня, и на эти три дня он решил взять «отгул» за досрочное выполнение плана. Организм, уставший и измотанный долгими переходами по тайге и смертельной болезнью, желал лечь на топчан и лежать в тепле, не двигаясь. Никита за последнее время, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, старался чаще включать радио. Он и в былые годы вечерами, для некоторого развлечения и чтобы слишком не одичать в тайге, иногда слушал старые песни и заодно мировые новости. Старый, выдавший виды, радиоприемник, работавший от батареек, сдох прошлой зимой, и в Туруханске Никита во время своей поездки в больницу приобрел девайс с литий-ионным аккумулятором. При этом продавец, узнав, что он охотник, настоячиво посоветовал купить еще дешевый кнопочный телефон с таким же аккумулятором в качестве зарядника и шнур для зарядки через снегоход, объяснив при этом все нюансы. По сравнению со старым приемником этот новый оказался просто замечательным аппаратом: звук был чистым, маленький дисплей в темноте выполнял роль ночника, к тому же на одной полной зарядке от одного аккумулятора радиоприемник мог работать два дня. Так Никита и пролежал три дня у себя в базовом хозяйстве, слушая, почти не выключая, радио. Весь мир бурлил, то ли в ожидании войны, то ли наоборот, пытаясь спастись от взаимного уничтожения. Никита слушал новости и ему, смертельно больному, было в какой-то степени даже забавно, как здоровые люди ищут повод, чтобы начать убивать друг друга.

Привыкший чувствовать себя настоящим человеком только в тайге в одиночестве, ему весь остальной мир за пределами Туруханского края казался неким абсолютно отвлеченным космосом. Да, он в молодости поколесил по миру, но это было в другой жизни, и от нее нынче почти ничего не осталось – так, какие-то обрывки, словно фрагменты полузабытого сна. Поэтому и эту политическую мировую суету вокруг Украины Никита воспринимал как игру понарошку, хотя, в то же время, чтобы забыться от болезни, он стал интересоваться этой довольно занимательной игрой: все же он живет в России – как же иначе?

Выбравшись в тайгу первый раз на снегоходе после сильнейшего снегопада, Никита чуть ли не с первых метров езды по путику по рыхлому снегу понял, что его надежды на то, что охота без ружья для его состояния будет чуть легче, не оправдываются. Охотничьи путики в тайге – это не ровная дорога. При каждом рывке снегохода голова начинала кружиться так, что порой приходилось тормозить и пережидать, пока танцующие вокруг ели и кедры не остановят свой

хоровод. Рекс при этом всякий раз недовольно начинал, запрыгнув на нарты, переминаясь с лапы на лапу, вытанцовывая степ на брезенте, призывая своим неумным энтузиазмом взять быстрее себя в руки и двигаться дальше, чтобы успеть насторожить все кулёмки на путике и в тупиках. «Что бы я без тебя делал, друг ты мой! – ласково говорил каждый раз Никита, стараясь сфокусироваться взглядом на лайке. – Видишь, угасает твой хозяин? И ничего не поделать... Мне себя не жалко – жалко оставлять без поддержки мою Таню, моих детей и тебя вот, неумного оптимиста, тоже жаль: ты же до смерти будешь тосковать без меня...»

Как бы ни туго не приходилось, но все же Никита, как положено таежному охотнику, чуть ли не на «автопилоте», успевал выполнять почти все запланированные и выверенные годами дела по добыче соболя: ставил капканы, подчищал дворики, настораживал кулемки, забирал попавшуюся в ловушки добычу. Он не мог припомнить ни одного такого богатого на соболь года: в день он забирал по три-пять штук. Бывало и больше. К езде на снегоходе более или менее Никита приноровился, только вот вечерами снимая шкурки, он все больше чувствовал, как пальцы слабеют и плохо слушаются его. При настораживании капканов на морозе это не так было заметно, но при кропотливой работе с ценным мехом это воспринималось очень ясно. Никита вспомнил, когда обратил впервые внимание на боль в запястье и в пальцах, как Юрий Всеволодович долго почему-то изучал именно искривившиеся за последние месяцы ногти на его руках и даже прикладывал к ним масштабную бумагу-миллиметровку.

Совершив два больших круга и добыв при этом приличное количество соболя, Никита все же решил навеститься в дальний свой домик в верховьях Нымды. Заканчивалась первая декада декабря. Заканчивались и «волшебные» таблетки – осталось пять штук, поэтому Никита и решил, что если он сейчас туда не выдвинется, то уже никогда там не побывает. Ему было жаль уходить из этой жизни, не попрощавшись со всеми своими таежными пристанищами. Конечно, та избушка была, пожалуй, наименее ухоженная из всех, так как добираться туда летом было довольно сложно из-за скалистого труднопроходимого кряжа, который шел перпендикулярно к реке примерно в десяти километрах от проходной избушки, что была выше по течению от основного зимовья. Проще всего, если можно так сказать, туда можно было добраться на снегоходе по замерзшей реке, но Нымда покрывалась льдом только после продолжительных сильных морозов к началу декабря, а то и позже. Да, тяжело было добираться в те места, но добыть хотя бы несколько шкур темного соболя всегда было очень соблазнительно. Даже находясь в исключительно плохом состоянии, эта охота, которая, как известно, пуще неволи, также манила Никиту вместе с желанием повидать и пошαιть печку в дальней избушке. Для себя он решил, что там он завершит этот охотничий сезон и выдвинется в сторону Сайгира: свой план он выполнил сверх всяких ожиданий почти в два раза, капсулы заканчивались, а без них он уже все равно ничего не мог делать.

Приготовив все накануне выезда к дальней – седьмой – избушке, вечером, перед тем как принять капсулу, Никита снова, как в первый раз, долго держал его дрожащими пальцами, при этом разглядывая свои уродливо искривившиеся ногти. «А стоит ли возвращаться? – мелькали в замутненном сознании мысли. – Зачем травмировать детей своими мучениями и неизбежной затем смертью. Ладно, Настя и Мишка – они уже большие, а Ритка? Может, съездить в верховье Нымды, добрать последние полагающиеся мне, как охотнику, добычу, вернуться на базу и там, собрав все меха в мешок, лечь на свою кровать и тихо замерзнуть? После нового года Сашка заедет и заберет мое тело вместе со шкурками. Сразу похоронят, а денег от соболя хватит Насте для поездки в Москву...» Никита представил, как его товарищи-охотники будут пилить бензопилами замерзшую землю для его могилы, потом закопают его, а испорченные цепи выложат на свежий бугорок... «Фу, ты! – громко вскрикнул Никита, придя в себя от унылых видений так, что Рекс, наблюдавший, как обычно, за ним через оттаявшее стекло, моментально исчез. – Так нельзя! Нельзя сдаваться! А что если как-нибудь дотерпеть до Нового года дома, а затем полететь в Красноярск -сдаваться врачам? Пусть они меня там уморят, чем вот так –

это ж самоубийство! Какая память обо мне останется моим детям?» Никита даже удивился тому факту, что такая замечательная мысль посетила его только сейчас. Он поймал себя на том, что это решение поехать умирать в больницу, как это ни было странно, его даже немного развеселило. Да, организм разваливается: болит левый бок, болит правый бок, и лежать можно только на спине; ноют все суставы, включая на пальцах рук и ног; еда плохо воспринимается желудком; постоянные приступы удушливого кашля – сложно даже вычислить, что не болит, – но его ждут дома «со щитом». Значит, надо бороться до самого конца, что бы это ни стоило!

Выехал из базового зимовья Никита рано с таким расчетом, чтобы, заглянув перекусить и проверить, как обстоят дела в проходном домике, засветло, желательно на час даже до темноты, добраться до своей обделенной вниманием избушки. С апреля много воды утекло на Нымде – могло произойти все что угодно, да хоть вот медведь мог забрести и поломать все в доме. А на тридцатиградусном морозе, на снегу или хотя бы в санях под брезентом, не поспишь. До промежуточной «станции» добрались с Рексом сравнительно быстро: дорога, где по замерзшей реке, а где по путикам вдоль берега, уже была проложена снегоходом. Дальше пришлось посложнее: течение Нымды выше кряжа, за которым начинался более выраженный горный рельеф местности, было довольно сильным, и местами имелись бурлящие полыньи, которых не осилили морозы до тридцати градусов. Приходилось осторожно, прижимаясь к обрывистым скалистым берегам, аккуратно огибая валуны, объезжать такие места.

Когда Никита, подъезжая к избушке, который был расположен рядом с подошвой довольно высокой горы с ее южной стороны, начал вглядываться в знакомые очертания места, то вначале не понял даже, где находится его домик. Вот небольшой лабаз на двух стволах рядом растущих лиственниц, вот верхушка поленницы с навесом сверху, а крыши избушки с трубой нет! Вместо нее какой-то бесформенный сугроб.

Подъехав близко к этой куче снега, Никита понял, в чем дело! Рядом с домиком стояла сосна, которая причудливо росла, обхватив своими корнями огромную глыбу камня, торчавшего из земли своей макушкой. Видимо как раз то злополучное землетрясение, про которое ему рассказали Сашка со Светой, свалило эту старую могучую сосну с ветвистой кроной прямо на крышу избушки. Сердце у Никиты замерло в первый момент от вида этой безысходной картины, но привыкший к любым испытаниям сибирский охотник быстро спохватился и без лишней суеты стал действовать. До заката солнца оставалось примерно полчаса, а дел было на целый день, да еще запросто что-то осталось бы. В первую очередь Никита сделал проход к дверному проему, чтобы оценить масштаб бедствия. Еле-еле откопав траншею вдоль южной стены, он заглянул в пустой проем окошка (стекло для него он хранил в лабазе), потом добрался и до двери, которая висела на одной петле: тяжелое дерево не только разломало односкатную крышу, пробив при этом могучим суком дыру в потолке и снеся трубу печки, но и сдвинул верхний венец. Если бы набедокурил медведь, было бы не так печально. Такой катаклизм Никита видел впервые. Прodelав проход к другой стороне домика, он достал бензопилу из саней и первым делом распилил сосну на метровые чурбаки. Жажда жизни словно бы подстегнула его обессиленный от борьбы с болезнью организм: откуда-то неизвестно появились силы, и Никита довольно скоро убрал тяжеленные обрезки дерева, стараясь при этом до конца не ломать избушку при этом. Затем он спилил стойки крыши и убрал ее развороченные куски в сторону, чтобы успеть до ночи собрать и утеплить потолок, а также смонтировать каким-то образом печку. Два мешка мха Никиты всегда имел под рукой в каждой избушке, также под навесом поленницы лежал небольшой рулон строительной мембраны. Поработав в молодости в Америке на строительстве каркасных домов, он применял немного те технологии вполне ходко. Заменяв сломанные потолочные доски досками от лежанки и двумя половицами (на пол вместо них закинул доски от разобранной крыши), Никита проложил поверх них два слоя мембранной пленки. Затем поверх нее ровным слоем уложил сухой мох из мешков и закрыл его еще одним слоем мембраны, пришив ее по краям степлером, который всегда таскал с

собой в снегоходе. Сверху аккуратно, уже при свете фар снегохода, он разложил рваные куски рубероида и придавил их равномерно оставшимися от крыши досками

Дальше надо было восстановить печку. Сам корпус стальной этой плиты был цел. Проблема была в дымоходе, которая представляла собой до «катастрофы» вставленные друг в друга две полутораметровые трубы из нержавеющей стали. Сейчас одна из них представляла собой голенище сапога, а вторая – причудливую загогулину. Как минимум, одну из них надо было выправить, так как запасной такой кусок висел под полом лабаза. Спилев подходящую листовенницу соответствующего размера, Никита начал с помощью промерзшего крепкого ствола выправлять «загогулину», постепенно вгоня деревяшку в трубу и, там где надо, слегка постукивая по металлу колотушкой в виде березового полена.

Вот труба просунута в отверстие специально приделанной к потолку металлической сэндвич-панели, которая, к счастью, почти не пострадала, – так, слегка погнулась только. Вот захрустела подождённая береста, и отсветы от веселых языков пламени забежали по бревенчатой стене. Избушка снова стала жилой. Вымотанный до предела, Никита из последних сил сварила себе в котелке кусок рыбы, покормил, пока варился скромный ужин, свою лайку и, зашавив печку, задремал. Часа через три он проснулся от острой боли в обоих боках, потом начался приступ кашля – так он проерзал на шатающейся своей «новой» лежанке в полузабытьи чуть ли не до рассвета. Доски, застланные поверх поленицы дров, так и норовили разъехаться при каждом движении, но вставать, чтобы как-то подправить шатающиеся полена под лежанкой не было сил и желания. Под утро, часа за два до рассвета, над вершинами деревьев появилась почти полная луна и снова, как два с лишним месяца назад возле школы в Сайгире, ее свет каким-то странным образом успокоил Никиту, прервав мечущиеся по узкому кругу мысли в его сознании. Даже Рекс, видимо обеспокоенный наступившей тишиной в избушке, вдруг вылез из своего убежища – катуха – и, встав на задние лапы, стал всматриваться в окошко. Никита, увидев силуэт своей лайки, вдруг неожиданно для себя встал и, открыв дверь и отодвинув висевшую поверх нее брезент с нарт, позвал своего пса, приглашая войти в избушку. Он никогда за все двадцать с лишним лет охоты в тайге не пускал своих лаек в домики, считая это предосудительным делом. Такой позиции держался его покойный тесть, так считали многие сибирские охотники. Сейчас же непонятно что нашло на него, и он захотел вдруг, чтобы его единственный друг в этом суровом безлюдном пространстве спал в одном с ним помещении. Рекс, медленно и с достоинством встав на четыре лапы, недоуменно уставился на него, хотя отчетливо понимал, что хочет его хозяин. Постояв так несколько секунд, лайка медленно прошла мимо Никиты и прошмыгнула в свой катух, издав какой-то странный писклявый звук при этом. «Ну, как хотите, – сказал Никита, порадовавшийся и одновременно удивившийся действию своей собаки. – Мое дело предложить...» Затем он закрыл дверь, как мог плотнее прикрыл проем сверху брезентом и, завалившись на свою шаткую лежанку, скрючился, насколько это позволяла делать ширина «кровати», и заснул.

С первыми лучами солнца он проснулся от дикой головной боли и странного першения в горле. «Не простыл ли я вчера, – подумал Никита, закладывая дрова в печку. – Как же меня Юрий Всеволодович наставлял ни в коем случае не простужаться. Худо же мне придется, если это так и есть».

Все же после недолгих раздумий Никита, несмотря ни на что, решил проехать по тайге и насторожить кулемки. К тому же он не был на этом участке с весны и, скорей всего, их все придется, где чинить, где поправлять, зачищая от снега и наледи.

Избушка, как уже было сказано, стояла у подножия горы на северном, то есть правом, берегу Нымды, которая здесь уже представляла собой небольшую горную речушку. Еще отец тестя в стародавние времена выбрал для домика это место по причине того, что гора защищала от лютых северных ветров. В то же время, между избушкой и горой имелась небольшая балка, и во время сильных ливней или во время снеготаяния вода со склонов попадала туда и уже

по ней стекала в Нымду. За этой балкой, чуть выше по Нымде, имелся родник, который не замерзал даже в самые сильные морозы. Конечно, вода и в речке была довольно чистой и вполне пригодной для питья, но вода из этого родника была совсем иного уровня, а чай же и вовсе даже из посредственной заварки получался отменным.

Сама охотничья территория находилась с другой стороны речки: та сторона холмистой равниной уходила вдаль на юго-восток, постепенно переходя в гористую местность. Между холмами текли множество мелких ручьев, и, видимо, черный соболь из востока по какому-то зову своих предков нет-нет да появлялся периодически в этих благословенных для них краях. В среднем это происходило раз в три-четыре года. Круг по этой территории, вытянутый далеко на восток, был довольно длинным, и Никита решил, что если до полудня не дойдет до середины, то вернется по открытому путику назад.

Полностью подготовившись к рабочему дню и к долгому путешествию по тайге, Никита вышел из избушки, закинул на спину свой карабин и только тут заметил, что с той стороны балки, по пути к роднику, где раньше росли две сосны, из-под снежного сугроба торчат только ветки. Правда, эти две сосны так же, как и та, что упала на домик, росли на камнях. «И эти свалились, – подумал с горестью он. – Что же все так рушится? Видимо, неспроста все это – не будет удачи в охоте. Может, вернуться назад на базу?» Раздумывая, стоит ли сегодня отправляться в тайгу, – может, таки отлежаться сегодня? – Никита машинально надел лыжи и направился, прихватив пустую пластиковую пятилитровую канистру, в сторону родника. Перейдя всего лишь балку, Никита обессиленно прислонился к могучему корню одной из сосен. «Да, надо, пожалуй, сегодня переждать и никуда не ходить, – обеспокоенно рассуждал он, вглядываясь в панораму снежной тайги на том берегу, – или же хотя бы попробовать пройти хотя бы треть маршрута, чтобы посмотреть, стоит или не стоит рассчитывать на добычу в этом году?»

Рекс, уже настроившись на выезд в тайгу на охоту, немного озадаченно постоял, вглядываясь в маячащего с той стороны оврага Никиту, и медленно побрел по лыжне к нему, видимо, в попытке уговорить все же выйти на работу. Лайке было неудобно идти по глубокому снегу на склонах балки и потому, поднявшись к хозяину, она решила подойти к нему по стволу сосны, который, судя по всему подчищенный метелью, чуть возвышался над снежным настом темной полоской.

Никита, все еще не определившийся окончательно в своих планах на сегодня, отрешенно наблюдал, как вначале Рекс долго и неуклюже, проваливаясь в пустоты между веток кроны сосны, вскарабкивался на ствол дерева, а потом неуверенно – местами на коре виднелись тонкие слои наледи – двинулся к нему. «Ишь, какой хитрый, – произнес, улыбнувшись, Никита. – Только, смотри, сейчас свалишься и будешь потом долго карабкаться вверх. Ты же собака, а не рысь...» Он не успел закончить свою нравоучительную мысль, как задняя лапа лайки соскользнула, и собака в мгновение ока исчезла из виду. «Я же тебя предупреждал, – сказал Никита, качая головой, – давай, вылезай обратно из сугроба». Он решил, что Рекс снова провалился в полость между ветками дерева, но тут непривычный вой, словно заплакал ребенок, донесся откуда-то из-под земли, почти прямо из-под его ног.

– Это еще что такое? – удивленно прошептал Никита и, поперхнувшись слюной, закашлял. – Вот это настоящее фиаско, как говорит Сашка. Рекс, ты куда провалился, прямо в ад?

Никита сообразил, что под обломками ветвей сосны, то ли за лето-осень, то ли от этого непонятного землетрясения, непонятно как добравшегося в эти места, образовалась яма. Причем, этот провал, судя по испуганному голосу бесстрашного и умного Рекса, имел внушительную глубину. Он осторожно, чтобы самому не оказаться рядом со своей собакой, подошел мелкими шажками, двигаясь вдоль ствола на своих прочных самодельных лыжах, к зияющей черной дыре и, держась за толстый сук, вытянулся над ней, пытаясь рассмотреть масштабы будущей задачи по вызволению лайки из своеобразной темницы. Увидев лицо хозяина, Рекс оптимистично коротко тявкнул в ожидании скорейшего освобождения. Никита больше всего

боялся, что пес мог пораниться при падении или же, не дай Бог, сломать себе лапу – это стало бы точно точкой в охоте. Лайка же стояла, насколько он мог рассмотреть в полумраке, уверенно на своих ногах, что успокоило в некоторой степени Никиту. Вглядевшись повнимательней, он, во-первых, отметил, что сам он стоит надежно на самом краю провала и поэтому никуда не свалится, а, во-вторых, что довольно сильно испугало его, Рекс застыл на небольшом, примерно с квадратный метр, уступе, а рядом с ним зияла черная дыра куда большего размера, чем этот козырек. Если на этом уступе, до которого было около трех метров, белел тонкий слой снега, то в этой зияющей темной пустоте не было видно ни единого белого пятнышка. Надо было срочно вытащить лайку, пока та случайно не упала в эту дыру. Никита, одновременно радуясь тому, что Рекс чудом удержался на уступе, и страшно беспокоясь, как бы тот не свалился с этого пятачка, в смятении бросился к нартам за лопатой и веревкой. Он даже свой карабин, чтобы тот не задерживал его никоим образом – дорога была каждая секунда, – закинул на тот обломленный сук, за который он держался, и тут же забыл про него.

Дорога туда и обратно через балку заняла минут пять. Еще минут двадцать Никита убирал снег рядом с ямой, подготавливая площадку для спасательных работ, время от времени ободряя Рекса короткими репликами и заглядывая во впадину. Когда он подчистил участок вокруг провала, то ужаснулся тому факту, что сам он чуть не провалился, когда шел сюда в самом начале. «Вот и закончилась бы моя жизнь в этой яме, – содрогаясь от ужаса, подумал он, представив дальнейший ход событий, провалился он туда вместо собаки. – Еще неизвестно, смог бы я удержаться на уступе...»

Никита перекинул висевший на обломке сука карабин в другую сторону ствола и, сложив пополам веревку, накинул петлю на сосну и пропустил через нее оба конца. Затем нарубил короткие дрюки из сучьев и закрепил их петлями на этих длинных концах с таким шагом, чтобы получилась удобная веревочная лестница для его спасательных работ. Хотя было довольно холодно, Никита снял с себя все, что мешало для лазания в провал, оставшись в свитере и суконной безрукавке, и осторожно спустился к Рексу, – благо, до уступа было совсем не глубоко. Приладив к лайке свой охотничий пояс, он дополнительно обмотал ее крепким длинным мешком и, завязав за спиной ее концы, все это дело пренадежно приторочил к концу другой веревки. Только после этого Никита из некоторого любопытства оглядел пространство провала. Яма представляла собой вытянутое – в длину примерно метра четыре и шириной метра полтора-два – подобие эллипсоида, если можно так сказать. Та сосна, с которой свалился Рекс, лежала поперек с одной стороны этой щели, а другая, которая росла чуть дальше, упала первой, и при падении закрыла своей кроной эту яму почти целиком. По всей видимости, первая волна сильного снегопада и дальнейшие сибирские метели всю эту «конструкцию» законпатили так, что со стороны никак нельзя было заметить эту впадину. Да и сами стены этой ямы показались более чем странными: почти ровные, строго вертикальные, они были словно вырезаны каким-то лазером чудовищной мощности, а не образовались вследствие природных явлений. Также мимоходом он заметил необычно чистую и ровную поверхность самого уступа, если не считать небольшие обломки веточек и сосновой хвои. Да и снег на этом козырьке был почему-то явно лишь тот, который свалил на него при падении Рекс. Отметив эти своеобразности, Никита забыл про них почти сразу: надо было выбираться вверх и бежать в домик греться, хотя, ему показалось, что снизу как будто тянет теплом.

Вызволив собаку из западни, Никита тут же дрожащими от холода руками накинул на себя свою теплую куртку и затем стал снимать все то, что он намотал на Рекса. Он совсем позабыл в суматохе и из-за плохого самочувствия про свой карабин. Когда Никита поднимал Рекса, то веревку для дополнительной надежности он петлями накидывал на тот конец обломанного сука, на котором висело ружье. К тому же, когда он в самом начале перекинул его на другую сторону ствола, впопыхах не заметил, что ремень и вовсе ни за что теперь не держался.

Развязывая лайку, он в какой-то момент потянул веревку и, сперва даже не поняв, что за грохот послышался из провала. Сообразив, что это упал в яму карабин, Никита просто остолбенел: если ружье упало на самое дно провала, – а, судя по звуку, так он и было, – то запросто мог сломаться приклад или еще что – он никогда не кидал с высоты на камни оружие и не мог даже предугадать степень его поломки из-за такого казуса. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – невпопад сказал он, обращаясь к своей лайке. – Другого карабина у нас с собой нет, мой друг, – двустолка в базовой избушке. И какой же я охотник без карабина, а? Дай Бог, чтобы ничего с ним не случилось... Однако, пошли греться – не ровен час, я совсем замерзну. Придется сегодня полежать здесь. Сейчас немного согреюсь и полезу в этот колодец, будь он неладен! И угораздило же тебе путь срезать, Рекс? Мы же не на охоте: шел бы по лыжне за мной, а лучше бы сидел возле снегохода...» Посетовав на неудачи и отчитав своего помощника, Никита затопопился обратно в еще не успевшую остыть избушку.

Раскалив докрасна свою железную печку, Никита нагнал жар в своей маленькой избушке так, что даже стекло, несмотря на тридцатиградусный мороз, оттаяло и высохло. Но, несмотря на это, он никак не мог согреться: явно чувствовалось, что спасательная операция по вызволению Рекса доделала то, что началось вчера вечером при ремонте домика. Ему, привыкшему к самым лютым сибирским морозам, до смерти не хотелось сейчас покидать место рядом с печкой: запах раскаленного железа, шедший от нее, как ему казалось, немного смягчал сильную боль за лопатками. Спускаться в провал было необходимо в любом случае, но Никита все откладывал первый шаг, пытаясь ободриться и зарядиться от жара буржуйки.

Так он просидел в сомнамбулическом состоянии, сам того не замечая, примерно с час. В какой-то момент он даже достал свои «волшебные» капсулы, но удержался и не стал глотать: от него он бы тогда заснул и проспал до вечера. Сил же не осталось совсем. Какая-то дурная слабость сковывала волю так, что если бы Никите сейчас сказали, что пришло время умирать, то он только бы обрадовался таким словам.

В окне появилась смешная морда Рекса. Никита от пристального взгляда своего пса, наполненного неумной бодростью, немного ступешался. Собрав все свои силы в кулак, он медленно встал и поставил на раскаленную печь старый-престарый, доставшийся ему от отца Тани, медный небольшой чайник с коротеньким, еле торчавшим у самой крышки, носиком. Дождавшись, пока вода не зашумела в посудинке, Никита засыпал в нее почти полпачки чая и убрал с буржуйки на «столик» – на прибитый к толстому чурбаку кусок доски.

Обжигаясь, Никита выпил весь густой и горький чай из чайника, глотая попадавшие чайинки, и только после этого, наконец, немного согрелся и почувствовал легкий прилив сил. Он еще посидел немного на своем топчане, прислонившись к стене, и, ощутив, что перестал потеть после обильного чаепития, поменял рубашку – на морозе да с его состоянием все было важно.

– Смотри, Рекс, – пригрозил пальцем своей лайке Никита, выйдя из домика, – за мной лучше не ходи. Залезай лучше в свой катух и отдыхай. Что? Не хочешь?

Пес виновато опустил голову и, хитро покосившись, взглянул на своего хозяина, мол, я же не нарочно – кто же знал, что там непонятно откуда взялся этот таинственный колодец?

Никита, чтобы не рубить ветки у сосны, набрал в поленнице под полуразобранном навесом крепкие, не слишком толстые, круглые деревяшки для удлинения веревочной лестницы и направился на лыжах обратно в сторону провала.

Подойдя к очищенному участку возле сваленной сосны, Никита первым делом с помощью той веревки, которой вытаскивал Рекса, померял глубину впадины. Оказалось, что длины сложенной пополам тридцатиметрового прочного полиамидного каната с двойной оплеткой, с которым Никита на охоте никогда не расставался, хватает с хорошим запасом: глубина ориентировочно составляла около десяти метров. Немного подумав, все же конструировать саму

лестницу он решил в тепле домика: высота была приличная, и рисковать никоим образом не стоило.

Примерно через полчаса Никита, закрепив на канате каждую «ступеньку» в петле куском алюминиевой проволоки, привязал ровно и аккуратно два конца веревочной лестницы к стволу сосны и скинул свой самодельный трап в пасть колодца. Спустившись на уступ, он первым делом с помощью своего фонарика осмотрел провал ниже этого карниза. С удивлением он увидел, что стены вплоть до дна спускались идеально ровно, к тому же все углы – внутренние, внешние – были прямоугольные. Всмотревшись внимательно, Никита не обнаружил на дне шахты своего карабина. Единственным объяснением этому могло служить то, что под уступом имеется некая ниша, которую невозможно разглядеть, находясь на нем. Его предположение оказалось верным: когда голова оказалась примерно на метра полтора ниже края уступа, он почувствовал, как нога, осторожно поставленная на следующую деревяшку веревочной лестницы, не упирается о стенку. Дальше без упора, в полумраке, сползать вниз стало тяжелее, правда, этот спуск был не таким уж длинным. Поняв по звуку шарканья концом трапа близость дна провала, Никита, уже болтаясь свободно в двух степенях свободы, наконец, пытаясь нащупать следующую ступеньку, почувствовал, что морозостойкая резина подошвы самодельной бахилы устойчиво уперлась о каменный пол.

Первым делом, встав на ноги, Никита поднял свой карабин, который лежал в полуметре от него под нишей. Опытным взглядом он сразу увидел отчетливую вмятину на ствольной коробке, отчего сердце упало в пятки – затвор был заклинен. Ни о какой охоте дальше не могло быть и речи. Как ни странно, Никита через некоторое время почувствовал даже некоторое облегчение от осознания того факта, что его охотничий сезон окончился полностью и бесповоротно, к тому же навсегда! Он прислонил свой поврежденный карабин к гранитной стене и в состоянии отрешенности осветил небольшим фонариком пространство провала. Внутренняя какая-то опустошенность от осознания того, что бесконечная борьба по уговариванию организма заниматься работой несмотря ни на что – закончилась, временно отключили все его эмоции. Никита долго созерцал идеально ровные каменные стены прямоугольного, где-то два на шесть метров, «холла» под уступом, прямые его углы, чистый пол и черный портал в углу по правой стене – и воспринимал все это как некий дурной сон, который скоро пройдет. Ощущение холода и начавшийся жесткий приступ кашля и вовсе отвлекли его от восприятия этих странных катакомб как некоторого непонятного явления.

Откашлявшись и немного отдышавшись, Никита постепенно начал соображать, что место, где он находится, в высшей степени необычно. Он посмотрел вверх – на стены колодца и на уступ – и отметил, что вся эта полость образовалась будто бы вследствие движения колоссальных монолитных гранитных блоков одновременно в разные стороны: самый верхний – вправо; сопряженный с уступом, то есть средний, – назад; нижний – влево. Причем каждый сдвинулся на одинаковое расстояние примерно в два метра. Толщина каждого блока составляла примерно под три метра. Рассмотрев, не поддающуюся никакому объяснению, конструкцию, Никита заинтересовался загадочным черным проемом в глубине ниши под уступом. Хоть его уже начало трясти от озноба, а зубы отстукивали мелкую дробь, все же любопытство оказалось сильнее даже чувства самосохранения.

– Что за чудо чудное? – не узнавая своего голоса после долгого кашля, сказал Никита, когда направил свой маломощный фонарик во чрево портала.

Таинственный узкий коридор, чуть шире и чуть выше входного проема, уходил куда-то вглубь горы. Сделав несколько шагов в сторону черной бездны, Никита почувствовал приятное, обволакивающее тепло. «Не радиация ли это, – скользнула мысль в голове, выхватив из глубин памяти смутные остатки от курса ядерной физики. – Если это так, то, что же: для моих изъеденных раком легких – это, может, даже хорошо».

Теряясь от разных догадок, Никита никак не мог объяснить для себя природу появления этого тоннеля. Даже конструкция одних только стен, пола и потолка из огромных блоков ровного гранита не поддавались никакой вменяемой теории: как в глубину горы можно было запихивать такие чудовищного размера каменные модули? К тому же их надо было обработать с ювелирной точностью, так как в еле заметные линии щелочек по углам и на стыках невозможно было просунуть даже волосок.

Пройдя метров сто, Никите впервые с самого утра стало даже жарко. «Может, я умер, упав в провал при спуске, – промелькнула новая неожиданная мысль, и, машинально засунув руку в карман, нащупал там свою зажигалку. – Ну, если пока у меня еще есть карманы, а в ней не пусто, то значит я, наверное, еще живой». Он чиркнул колесиком и поднес к пламени указательный палец левой руки – резкая боль не заставила себя ждать, пронзив, словно острой иглой, всю руку чуть ли не до шеи.

Никита решил: будь что будет, но он попробует исследовать тоннель до конца. Завтра у него – если доживет до завтра – прощание с тайгой и путь домой, а потом, валясь на больничной койке, если он не удовлетворит свое любопытство сейчас, то до последней секунды будет жалеть об этом.

Вот он уже прошел, по его ощущениям, примерно с километр от входа, но ничего абсолютно не менялось. Все те же идеально ровные стены по идеально ровной прямой уходящие в черную бездну то ли горы, то ли уже куда-то в другой мир. Никита снова достал из кармана зажигалку и зажег огонь, чтобы удостовериться в наличии кислорода в воздухе. Пламя заиграло ярко, но как-то странно пританцовывая. Только сейчас он заметил, что воздух в тоннеле шевелится, но движется очень необычно от потолка в пол, причем никаких вентиляционных отдушин нигде он до сих пор не заметил, хотя вглядывался вокруг очень внимательно. Опустив включенную зажигалку горизонтально вплотную к каменному ровному полу, Никита, не веря своим глазам, обнаружил, что язычок пламени, если преподнести его к поверхности гранита, кончиком уходит внутрь камня, словно это и вовсе не сверхтвёрдый материал, а вентиляционная решетка. Исследуя это невероятное явление, Никита попутно заметил на почти идеально ровной поверхности пола еле различимые продеры, идущие перпендикулярно в некоторых местах пунктирами от стены к стене. Объяснение этим линиям было только одно: они оставлены в процессе движения всей массы блоков, включая всю горную породу выше них, относительно пола. То есть, какому-то титану, живущему в земной толще, вдруг захотелось поиграться и сотворить вот эти катакомбы – только так можно было растолковать все это. Если вначале Никите в голову пришла идея, что туннель – дело военных, что было, конечно же, глупостью, то сейчас в сознании начали вертеться самые необычные догадки. Первым делом, с улыбкой, он предположил, что сама гора, возле которой построил избушку еще дед Тани, вернувшись из войны с двумя орденами Славы и кучей медалей, – это резиденция Бажовской хозяйки Медной горы. Не зря же отца тестя звали Даниилом! А про свою тайну он не открыл никому, даже своему старшему сыну – отцу Тани. Через какое-то время, двигаясь дальше в глубь черной бездны, обволакивающего его материнским теплом, он вспомнил о мифических нибелунгах: а что, если у Енисея есть свои дети тумана, и эти таинственные карлики еще до появления людей на земле здесь уже имели города внутри гор и собирали золото из сибирских недр? Потом, развивая эту тему, Никита вспомнил забавный фильм про хоббитов, гномов и золотого дракона, забравшего все богатства карликов...

Все эти соображения только увеличивали и без того зашкаливающее любопытство, несмотря на снова подкатывающий приступ кашля и бьющий в виски и затылок пульсирующую боль при каждом вдохе. Каждый раз, пропуская через свое сознание все эти свои гипотезы очередной раз по кругу, Никита спотыкался о разящей наотмашь догадке, что он на самом-то деле умер, и этот узкий коридор не что иное, как тот самый пресловутый туннель, по которой человек перебирается в иной мир. И каждый раз, не имея иного способа проверить, он запус-

кал руку в карман, – а, как известно, у «гроба» нет карманов, – и, достав оттуда, зажигалку, приводил свое сознание в чувство реальности обжиганием ладони.

У Никиты не было часов, но чувство времени у него было обострено образом самой жизни охотника в гармонии с природой. По его прикидкам он уже шел минут двадцать – никак не меньше, а тоннель уходил все дальше и дальше. Прошло еще минут десять, пока слабomощный светодиодный его фонарик, пробивающий максимум десять метров бархатной темноты тоннеля, своим лучом не уткнулся в стену. Находясь под действием перебивающих и противоречащих друг другу попыток объяснить происходящее вокруг него, Никита первоначально даже как-то с сожалением отметил бессмысленность такого грандиозного сооружения, как тот тоннель, по которому он шел уже примерно километра три, если он заканчивается вот так глупо тупиком. Подойдя же вплотную к этой, перекрывающей дальнейшее продвижение, стене, Никита понял, что это еще не конец: влево и вправо симметрично от каменного блока, расположенного опять же строго перпендикулярно тоннелю, виделись проемы. Никита завернул в правый из этих порталов. Узкий проход, шириной с метр, а то и меньше, через несколько шагов повернул налево, а затем еще раз налево. Стало ясно, что стена, которую он принял за конец тоннеля, представляет собой подобие перегородки, а левый проход симметричен правому. Уже привыкший к мысли, что его путешествию по загадочной «кроличьей» норе пришел конец, Никита с противоречивыми чувствами заметил, что на противоположной стене от этого замкового блока, ровно посередине по оси всего тоннеля, опять виднеется следующий проход. В этот момент он закашлял, и боль в груди буквально скрючила его так, что он, сев на корточки, уперся руками об пол. Фонарик укатился куда-то назад, а Никита, чтобы переждать приступ, упал на бок и сквозь плавающие перед глазами разноцветные круги, которые всегда его сопровождали во время сильного кашля, заметил, как в темноте на каменной стене замкового блока, словно на киноэкране, отражается мягкий свет, идущий из глубины проема на противоположной стене. Он решил, что это ему, вместе с радужными кругами, всего лишь видится, и сперва не придавал этому никакого значения, весь ушедший на борьбу с приступом кашля. Но вот круги постепенно исчезли, а свет на стене стал даже ярче и начал как-то неуловимо переливаться фиолетовыми оттенками.

Никита встал на ноги и, забыв про лежащий на полу свой фонарик, пересиливая сильнейшую боль между лопатками, которая отдавала через все тело аж в колено при каждом шаге, подошел к прямоугольному проему, откуда вырывался этот необычный свет. Еще в тот момент, когда он понял, что это свечение ему не кажется, Никита подумал, что он вышел на другую сторону горы, только удивился тому, что добрался так быстро: в диаметре гора, если измерять по подошве, была минимум километров восемь. Увидев истинную картину внутри небольшого, примерно в четыре метра в длину и шириной в полтора, пролета, Никита сполз медленно по стене и словно ребенок стал улыбаться открывшемуся перед ним феномену. От стены до стены, от пола и до потолка в этом тупике висело нечто похожее на киноэкран, который опалесцировал мягким фиолетовым светом, время от времени чуть меняя цвет местами то на зеленый, то на серовато-голубой. Никита смотрел на эти переливы завороченно и не мог оторвать взгляда, так они были прекрасны и чудесны, особенно здесь, в конце темного тоннеля. Он почему-то нисколько не удивился увиденному и не пытался даже как-то анализировать или объяснить суть этого необычного, никак не природного, явления. Обессиленный и измотанный до предела, уже чувствуя, что поднялась прилично температура после вчерашнего переохлаждения, Никита ясно осознавал, что домой в Сайгир он уже не попадет никогда. Он был рад тому, что перед смертью – безразлично кто – ему подарили это чудо, и он радовался этой фантастической игре света и цветов. Ни о чем не думая, он тяжело встал на ноги и подошел вплотную к этой светящейся поверхности. Когда он уже протянул руку, чтобы попробовать на ощупь этот странный экран, вдруг на нем фиолетовый свет поменялся на мягкий белый, а сама поверхность зашевелилась, словно бы подул легкий ветер на тихую гладь воды. В следующее мгнове-

ние от этого портала, почти из-под самого потолка, оторвались два светящихся шара примерно с теннисный мяч, и, двигаясь абсолютно одинаково вдоль стен слева и справа, слегка покачиваясь верх-вниз, пролетели за его спину, поменялись местами и подлетели вплотную к нему, остановившись на уровне груди. Никита, повернувшись, завороченно, словно ребенок, наблюдал за ними. Шары, мягко покачиваясь верх-вниз с небольшой амплитудой, снова зашли за его спину и исчезли в светящейся поверхности портала, но, почти сразу же появившись вновь, нырнули через секунду обратно. Так повторилось еще два раза, после чего шары, вылетев из экрана, встали по бокам и перестали даже шевелиться, а портал опять стал фиолетовым. При этом сами шары стали светиться так ярко, что Никита, привыкший к полумраку, даже зажмурился. Он понял, что эти шары приглашают его войти внутрь портала...

Никита чувствовал, как все телесные недуги, так невыносимо давившие на его сознание через боль, никуда не исчезая, как бы отошли в сторону и освободили его разум и волю. Ему вдруг стало так легко и беспричинно приятно просто от того, что он еще есть, пусть и на пороге смерти. Никита забыл про свой возраст, забыл про все на свете, зачарованный светом мерцающей опалесценцией загадочной поверхности. Наверное, так он смотрел единственный раз в жизни в глубоком детстве, когда ему было четыре года, увидев впервые новогоднюю елку... У них, в патриархальной семье, Новый год не отмечали. И вот однажды в самый канун этого праздника к ним в гости нагрянул двоюродный брат отца, работавший в Петрозаводске диктором местного республиканского радио и телевидения. Достав из своей большой сумки елочную электрогирлянду и небольшую картонную коробку с игрушками, по праву своего старшинства, стал укорять своего младшего брата из-за отсутствия в доме елки. Никита словно во сне помнил тот сказочный вечер 31 декабря: на улице светила яркая луна, он сидит на шее своего дяди, а впереди, показывая дорогу, идет сестра. И вот при свете полнолуния дядя нашел самую красивую карельскую елку – так он тогда сказал, увидев после часового блуждания по лесу действительно настоящую красавицу идеально симметричной формы с густой шубой из ароматной хвои. Никита не помнил обратную дорогу, да и порой, вспоминая свое детство, он даже сомневался, что это произошло на самом деле – может, ему это все приснилось? Но то, как дядя водрузил елку в ведро с водой, потом привязал верхушку суровой дратвой в стене и к потолку, после чего нарядил и, самое главное, когда выключил свет и воткнул вилку от электрогирлянды в розетку – это помнил очень ясно. Вроде бы ничего такого не произошло с точки зрения взрослого человека, но тогда для него, четырехлетнего мальчика, это было настоящей сказкой, абсолютным чудом!

Никита, не контролируя себя, медленно поднес ладонь к мерцающей поверхности портала, намереваясь потрогать ее рукой. Вначале он даже не сообразил, что происходит: пальцы исчезли за световой пеленой, но он ничего не ощутил. Никита убрал ладонь и поднес ее к лицу, чтобы рассмотреть, осталось ли что на коже, но пальцы были сухими и чистыми. Тогда он засунул руку до локтя, но опять ничего. Никита, нисколько не пытаясь понять природу необычного явления, смело шагнул вперед в светящийся портал. Как только голова очутилась внутри этого опалесцирующего света, в глазах вначале резко потемнело после яркого белого света от шаров, но почти сразу это прошло, но при этом все равно нельзя было ничего различить: какой-то густой серый туман и немного вдалеке – белое пятно. Никита растопырил руки в стороны, чтобы, нащупав стену, двигаться вдоль нее, но, даже сделав несколько шагов в обе стороны, он не обнаружил никакой тверди. Как ни странно, когда он в какой-то момент правую руку направил вперед, то никакой руки он не увидел, то есть Никита руки свои чувствовал, но в этом загадочном тумане глаза их не видели. Он даже протер глаза, чтобы убедиться в наличии своих верхних конечностей, но это не помогло – он их все равно не видел. Тогда он оглянулся назад, но там, в полумраке тумана, также как и впереди, виднелось светлое бесформенное пятно. Значит, так как позади был вход, то впереди должен быть выход: Никита осторожными шагами направился вперед. В какой-то момент вдруг всю поверхность кожи закололо, после

чего стало неожиданно очень легко и приятно. Впрочем, Никита на это даже не обратил особого внимания: ему хотелось скорее выбраться из этой непонятной западни, как ему казалось. Он внутренне даже стал укорять себя, мол, вот попался как соболев в капкан, позарившись на пустую светящуюся безделушку. Все же любопытство пересиливало, и он решил дойти до конца: неужели такая гигантская работа по сооружению этого тоннеля была проделана лишь для того, чтобы он, итак смертельно больной, заплутав в этом тумане, умер? Это же смешно! Что-то должно быть в самом конце; а само это в высшей степени непонятное пространство, наполненное световой пылью, – видимо последний рубеж перед этим нечто, ради которого и существуют эти катакомбы.

Вот Никита дошел до выхода, как он предположил для себя, и решительно шагнул навстречу неизвестности. Мягкий, но довольно яркий свет в первый момент слегка ослепил его. Никита, шурясь, сразу же кинулся осматривать свои руки – они были на месте, но вот что шокировало его, так это то, что не только на руке, но и на нем целиком не было его одежды. В смысле, одежда все же имелась, но она была не та, с какой Никита заходил в портал с той стороны: на нем был бежево-серый с серебристым отливом, довольно плотно прилегающий, но никак не стесняющий движения, комбинезон, причем от щиколоток до шеи. Никита с удивлением уставился, оглядев свой необычный костюм, на свои голые ступни: как такое могло случиться, что его переодели, сняли обувь, а он ничего не заметил и не почувствовал?

Наконец, он медленно поднял голову, чтобы осмотреть то место, куда он попал, но внезапно в горле у него что-то запершило так, что у него перехватило дыхание, и он почувствовал, что не может дышать. Почти одновременно где-то за грудиной у него словно заработала дрель, и острая боль пронзила из-за поясицы вверх в область сердца. Никита, уже привыкший к приступам кашля и постоянной ломоте по всему телу, даже представить не мог, что ощущение боли может быть таким острым и чудовищным по силе. Его просто она свалила с ног, и Никита вначале встал на четвереньки, хватая безрезультатно ртом воздух, потом, уже почти задыхаясь, он повалился неуклюже на бок. Какие-то бессвязные мысли закружились в голове, и, уже почти теряя сознание, Никита с сожалением подумал о Рексе, который остался один в тайге, и, скорей всего, так и просидит в ожидании его возвращения, а, может, даже и умрет возле провала, мучая себя угрызениями совести... В глазах стало темнеть, синхронно с этим острый приступ тошноты заставило его скрючиться, и в следующий момент весь организм будто бы захотел вывернуться наизнанку – судорожный спазм сжал все внутренности так, что изо рта полились какая-то черно-коричневая липкая жижа с кусками плоти. Уже проваливаясь в холодный мрак, Никита в последний момент заметил, что его рвота почти сразу же исчезает на поверхности пола, словно это вовсе и не каменная твердь, а некое подобие губки...

Никита лежал в беспамятстве, скорчившись, на правом боку. Его правая рука, согнутая в локте, находилась спереди него в прижатом положении к животу и к бедру так, что кулак, с посиневшими от напряжения пальцами, упирался о колено. Левая рука в диссонансе с правым свисала расслабленно, немного даже вывернуто, за спиной, касаясь пола кончиком безымянного пальца. Из полуоткрытого рта все еще вытекала струйка черно-бурой жидкой субстанции, и, капая на пол, тут же исчезала. Мышцы грудной клетки периодически еле заметными спазмами пытались наполнить легкие воздухом, но, видимо трахея и горло были забиты рвотной массой так, что это никак не удавалось.

Вот уже лицо Никиты стало синеть. В этот момент портал снова стал белым, и из него появились два светящихся шара. Они приблизились к лежащему человеку со стороны головы, слились вначале в один крутящийся диск, затем этот диск трансформировался в тор, и этот уже тор медленно стал наползать на Никиту. Едва лишь светящийся объект коснулся макушки человека, так, скрюченное до сих пор, его тело вдруг приподнялось над полом примерно на полметра, затем медленно выпрямилось, причем руки в течение этого движения прижались

к бокам, словно выполняя команду «смирно». Как только Никита выпрямился «во фронт», тор, обхватив плотно его лоб, начал медленно двигаться дальше вдоль тела. Уже в тот момент, как он дошел до переносицы, на линии соприкосновения объекта с кожей появилась сукровица, которая при продвижении этого светящегося тора дальше, стала темнеть и, накапливаясь, начала стекать на пол с обеих сторон левитирующего тела Никиты. Вся «процедура» заняла где-то минуты три. Когда эта световая волна дошла до голых стоп, и последние капли желтой, с бурными пятнами, сукровицы упали на пол и испарились на нем, тор распался на две половины и, те, вновь превратившись в шары, скрылись в светящемся портале.

Тело Никиты, как только эти объекты исчезли, а вход снова стал фиолетовым, быстро опустилось на пол, можно сказать, что почти даже упало, так как в мертвой тишине послышался отчетливо глухой звук. Видимо от этой боли, ударившись затылком о пол, Никита вдруг резко и с сильным шумом, словно взмахнула крыльями большая птица, сделал глубокий вдох и одновременно открыл глаза. Он приподнялся и стал быстро дышать. Затем Никита на четвереньках дополз до стены и сел, прислонившись спиной к ней. Он долго смотрел в одну точку, вспоминая предшествующие события и пытаясь собраться мыслями для оценки происходящего. «Странная штука смерть – вот значит она какая, – подумал он, как-то машинально опуская руку к бедру, где раньше в кармане у него всегда лежала зажигалка. – Оказывается даже одежду дают... Ну, да, и на ней, как и положено, карманов нет...» Никита, рассматривая свой комбинезон, зажал плотно прилегающую ткань на животе, чтобы оттянув, разглядеть ее получше, но вместе со складкой ткани он сильно ущипнул и себя. Боль от этого щипка отрезвила его. Он с большим усилием сдвинул тогда обеими руками свои мышцы в области коленей и снова почувствовал боль. «Неужели я все еще живой?» – прошептал он вслух и стал щипать себя то за щеки, то за лоб, даже выдернул волосок из бороды, каждый раз радуясь при этом результатам этой процедуры легкого мазохизма.

Убедившись, – правда, не до конца, – что его тело вполне материально, Никита уставился на свои босые ноги. Его заинтересовало не то, что они почему-то без обуви, хотя это тоже для него было загадкой, а то, как они выглядели. Он помнил свои шершавую подошву ступней, узловатые пальцы с сухими мозолями и, самое главное, толстые ногти на пальцах ног с продольными трещинами и с желтыми пятнами. Никита в последние месяцы остригал их по мере роста бокорезами, так как ни одни ножницы, что имелись в хозяйстве, не брали эти корявые наросты – иначе и нельзя было сказать. Сейчас же он смотрел на свои босые ноги и не узнавал их: подошва гладкая с упругой плотной кожей, по бокам ступней нет натоптышей, пальцы ровные, а ногти так просто какие-то атласные. Как будто что-то вспомнив, Никита резко поднес обе свои ладони к лицу и стал вертеть ими перед глазами – тут то же самое: ровные, слегка суженные к кончикам пальцы с исчезнувшими на суставах сухими потрескавшимися мозолями; кожа ровная и гладкая, с еле видимой сетью морщин. Но что поразило его, так это опять же ногти: раньше они на пальцах были бесформенные, изогнутые, как когти у птиц, желтого цвета и, плюс ко всему, воспаленные кутикулы, из-за чего снятие шкурок с соболей сопровождалось сплошными мучениями. Теперь же Никита крутил вроде бы свои ладони, но они были совершенно другие – такие руки у него были лет тридцать назад!

Рассматривая ноги и руки, Никита с какой-то даже тревогой вспомнил, что у него же легких, но почему же в груди ничего не болит, а в горле ничто не давит? Он даже специально покашлял. Обычно, даже глубокий вздох отдавал болью куда-то в левый бок и в затылок, а сейчас даже от покашливания он не почувствовал ничего, – только короткое, слегка вибрирующее, эхо прокатилось по помещению, где он находился и все. Почему-то этот звук привел его немного в себя, и Никита только сейчас заинтересовался тем местом, где он сидел на полу, прижавшись к стене. Он огляделся вокруг, но ничего особенного нигде не обнаружил. Сам зал, весь какой-то обтекаемый, без углов, имел форму круга с уходящим вверх сферическим сводом. И пол, и стены, которые плавно переходили в купол, были будто бы вырезаны внутри

огромного камня: нигде никаких видимых швов, трещин, сколов. Не было никаких ни окон, ни дверей, если, конечно, не считать переливающийся фиолетовыми оттенками портал, возле которого Никита сидел. Все еще не уверенный в том, что его руки – действительно его, он потрогал поверхность пола. Чувствительная кожа сразу уловила приятное тепло, исходящее от неизвестного материала, на ощупь похожего почему-то на твердый школьный ластик. Также Никита отметил тот необычный факт, что свет льется не откуда-то от спрятанных светильников, а излучался равномерно необъяснимым способом непосредственно полом, стенами и потолком.

Никита еще раз оглядел почти пустой зал, где кроме какого-то странного малозначительного объекта в самом центре помещения, внешне похожего на что-то среднее между школьной одноместной партой и спортивным тренажёром для накачивания поясничных мышц, ничего не было. Он встал на ноги, приятно удивившись тому факту, что коленные суставы перестали ныть, и направился к этому объекту. Подойдя поближе, Никита про себя отметил его сходство со специальным эргономическим сиденьем плиточника, которое ему удалось увидеть, и даже поработать с ним в США во время своей эпопеи, связанной со строительством домов. Только одна деталь, вернее, даже две, – в виде коротких труб длиной чуть больше ширины ладони и диаметром с четыре-пять сантиметров, сделанные из металла, – смутили Никиту своим странным симметричным положением по бокам этого сиденья. Они висели неподвижно прямо в воздухе, примерно на уровне пояса! Никита, заинтересовавшись, вначале изучил каждую из этих трубочек, заметив легкое подобие движения светящейся пыли по их торцам, причем с одной сторон эти пылинки как бы истекали наружу, исчезая почти сразу после покидания полости, а с другой же, наоборот, появляясь из ниоткуда, эти пылинки втекали внутрь. Никита ради интереса схватил одну из этих труб и попытался сдвинуть с места – никакого даже шевеления, будто бы она приварена невидимым швом к невидимой стене. Тогда он стал водить руками сверху, снизу и по бокам, пытаясь найти нечто, что держало бы на месте эти необычные предметы, но ничего такого не обнаружил.

Никита, обескураженный этими кусками труб не в меньшей степени, чем метаморфозами своего организма, облокотился на поверхность устройства, которая по виду напоминала сиденье, приставил ноги к мягким бежевым, в цвет пола, подковообразным упорам, которых было по четыре штуки на каждую ногу, и разместился на самом сиденье. Между ним и трубами, которые все так же продолжали висеть неподвижно в воздухе, оставалась еще, чуть искривленное по краям, некое подобие спинки стула, по-видимому, предназначенное для упора на него грудью. Никита лег на него и тут же почувствовал, как вся конструкция пришла в движение. Он даже не успел среагировать или испугаться – ему просто стало сразу же невообразимо удобно от того положения его тела, которое оно приняло вследствие самопроизвольного корректирования всех упоров и сиденья на устройстве, причем его ладони очутились в таком положении рядом с кусками труб, что он подсознательно схватился за них.

И сразу погас свет в зале... или в глазах стало темно? – Никита никак не мог сообразить. Несколько мгновений, в состоянии легкого оцепенения, он пытался анализировать внезапное преобразование пространства вокруг и свои ощущения в нем, явно осозная, что он не спит и находится в полном здравии и в сознании. Вглядываясь в темноту, Никита боковым зрением обратил внимание на неведомый тусклый желтый кружочек внизу в стороне. Почти одновременно он заметил еще и тот факт, что темный экран, который вдруг якобы опустился перед ним, он весь в каких-то мелких пятнах. «Боже мой! – мелькнуло в голове дикая мысль. – Так это же звезды! Но как я могу видеть звездное небо из-под земли?.. А этот тусклый круг – солнце?! Но почему оно тогда не слепит мне в глаза?» Словно в подтверждение его догадке, откуда-то справа прямо перед ним, на фоне статичного звездного неба, появился движущийся фантастический объект. Заострив внимание на нем, Никита поразился еще больше: на небольшом расстоянии от него, в абсолютной тишине, двигался спутник. То, что это был именно спутник,

не было никаких сомнений: какие-то торчащие разного вида антенны, растопыренные панели солнечных батарей и, самое главное, флаг Китая на корпусе объекта – все это свидетельствовало о правильности его умозаключения. Пытаясь рассмотреть получше этот спутник, Никита сделал легкое движение руками, все еще чувствуя в своих ладонях приятное тепло от загадочных труб, но при этом, не видя их перед собой. Тут же он невообразимым способом оказался непосредственно рядом с искусственным космическим телом, что было просто поразительно, так как теперь вдобавок ко всему он словно бы закрепился к этому спутнику, а звездное небо и желтое пятно еле заметно стали двигаться. Пораженный всеми этими видениями, Никита самопроизвольно разжал руки и, синхронно с этим, его миражи исчезли, а он оказался снова в загадочном зале.

Никита долго смотрел то на свои руки, то на диковинные трубы, все также левитирующие в воздухе, время от времени бросая взгляд на своды помещения, словно пытаясь разгадать тайну только что мелькавшего перед ним «кино». Затем он встал со своего ложемент, причем с некоторым сожалением – уж очень удобно и приятно было на нем сидеть, полулежа, наклонившись грудью вперед на облегающий спереди упор, – обошел вокруг таинственную конструкцию и снова нагромоздился на прежнее место.

Никита не мог достоверно знать о том, что смертельная болезнь исчезла сама по себе, но он явно ощущал, что ничто нигде внутри не болит, нет никакой тяжести в груди, нет одышки... Постепенно Никита начинал догадываться о том, что он чудесным образом выздоровел. Правда, при этом время от времени все же начинал сомневаться: живой он до сих пор или находится в ином мире?

В глазах Никиты пробежала лукавая искорка мальчишеского азарта.

– Если передо мной было звездное небо с солнцем, то, что же было за моей спиной? – прошептал он вслух и взял в руки трубки.

Снова в зале стало темно. Увидев перед собой уже знакомую картину, Никита, чтобы понять принцип «управления», медленно стал двигать ладонями – трубки, которые были зажаты в них, легко поддавались, хотя, когда он пытался сделать то же самое, находясь вне «кресла», не получалось никак. «Управление» оказалось довольно простым: эти штучки, которые были зажаты в его ладонях, словно становились одним целым с его сознанием, то есть они помогали осуществить то движение, которое он желал совершить. Хотя, слово «движение» применять в данном случае было не совсем корректно, так как Никита чувствовал отчетливо, что его тело все также продолжает находиться неподвижно на этом подобии сиденья «для укладки плитки», как чувствовал тактильно и находящиеся в его руках предметы. Каким-то непостижимым для ума способом, как только он, разместившись на устройстве, брал в руки загадочные трубки, так сразу у него отключались глаза, а его сознание переключалось на некое подобие «видеокамеры», находящееся в космосе. И действительно, когда Никита понял принцип работы «аппарата» и плавно повернулся назад, то изумленно ахнул – прямо перед ним во всей красе находился земной шар. Почти сразу же, в окаймлении тумана облаков над Уралом и Восточной Сибири, он заметил характерную, пусть и не слишком отчетливую, линию Енисея. Никита захотел немного сместиться на юг, и вот почти мгновенно, словно бы он подвигал компьютерной мышкой по столу, перед ним раскинулся Индийский океан. Вот слева – Африка, чуть справа – полуостров Индостан, а прямо перед ним – Аравийский полуостров!

«Хочу взглянуть на леса Амазонии», – промелькнула в голове шальная мысль, и как бы прокрутил Земной шар влево. К сожалению, здесь, в Южной Америке было раннее утро, и хотя сам материк смотрелся очень красиво, Никита, полюбовавшись его видом из космоса, – то приближаясь, то удаляясь, – «отмотал» обратно вправо через темную зону ночи. Теперь он решил «погулять» по Австралии, благо здесь было еще светло. Почему-то ему очень захотелось посмотреть вблизи на стадо кенгуру, найти которых не составило большого труда, попутно,

во время поиска, полюбовавшись красотой неизвестного водопада на восточном побережье материка, вокруг которого было довольно много народу.

Так, почти моментально перемещаясь с одной точки на другую, Никита наигрался вдоволь. В какой-то момент он оказался на окраине городка в центре Италии. Ради интереса, он «зашел» в trattoria, просто потому, что она оказалась рядом. В небольшом зале было довольно шумно, хотя народу было не так, чтобы уж очень много. Здесь Никита впервые обратил внимание на то, что он отчетливо слышит голоса, а не только видит картину перед собой. Вот в углу, в окошке за стойкой, явно главный повар, энергично жестикулируя левой рукой, а правой орудуя металлической лопаткой, жарит огромный кусок мяса и кому-то что-то говорит. Вот мимо прошла официантка с пустым подносом, и он услышал, как шуршит ее белый передник. Вот сидит компания пожилых людей – две женщины и две мужчины, – уплетающих сочное мясо, при этом успевая одновременно выдавать столько слов в минуту, что невозможно понять, где паузы между ними... Тут Никита, увидев, как люди вкусно едят, вдруг почувствовал приятное чувство голода, да и к тому же ему стало скучно играть с бессмысленными передвижениями от материка к матерiku.

«Все же я живой или нет?» – снова мелькнула мысль в голове, и Никита отпустил руку от труб. Он с самого начала намеревался пролететь над замерзшим Енисеем и, найдя Сайгир, рассмотреть своих родных, но боялся этого сделать. Боялся, сам не зная почему. «Что же я валяю дурака? – подумал он, увидев слева от себя мерцающий портал. – Если я вошел сюда, то возможно же и выйти, пожалуй? Или же я замурован тут?!» Никита решительно встал и, приблизившись к фиолетовому экрану, не останавливаясь, шагнул прямо в него...

Снова он кожей почувствовал странное покалывание по всему телу, словно на него накинули грубую войлочную кошму. И хотя вновь он не видел ничего вокруг кроме светящегося приятным светом белого тумана, Никита явно чувствовал, что все тело его покрылось гусиной кожей, причем не из-за холода: ощущение сладостного тепла его не покидало даже во время «прогулки» по Антарктиде.

Никита даже не заметил, как очутился снова в тоннеле за порталом. Вернее заметил только тогда, когда вдруг перед ним оказались два «знакомых» светящихся шарика. Он даже протянул машинально к одному из них руку, чтобы потрогать его, но это ему не удалось по причине того, что его пальцы просто проходили через светящуюся субстанцию этого объекта. Увидев свою ладонь, торчащую из засаленного рукава своего старого свитера, Никита громко ойкнул, и от такого неожиданного поворота у него даже закружилась голова. Он почувствовал, как каменный пол уходит из-под ног – что за чертовщина! Никита осмотрел всего себя при свете слегка симметрично покачивающихся на уровне головы шаров – он снова был именно в той одежде, в которой спустился в катакомбы. «Кто же меня снова переделал так, что я даже не заметил этого? – подумал он, трогая свои непромокаемые самодельные бахилы. – Даже портянки из толстого сукна на месте! Но как это вообще возможно, чтобы мне на обе ноги намотали портянки, а я в это время шел и даже не замечал этого?» Обескураженный почему-то именно этим фактом переодевания в большей степени, чем своим «космическим» шатанием посредством загадочного устройства за порталом, Никита поднял свой лежащий на полу фонарик. Понажимав кнопку и убедившись, что на нем сели батарейки, Никита шагнул за угол, с намерением выбраться наружу. Шары двинулись вслед за ним.

– Хотите меня проводить? – усмехнулся Никита, обращаясь к своим спутникам. – Ну, что же – я не возражаю. А то, видите ли, фонарик мой того...

Никита шел при мягком свете сопровождающих его шаров и был слегка недоволен своей скоростью, так как чувство голода после выхода из портала давало знать о себе с каждой минутой все сильнее и сильнее. В какой-то момент он, все убыстряя шаг, машинально перешел на бег. Никита по привычке даже испугался того, что сейчас на него навалится тяжелая одышка, но ее не было. Тогда он, чувствуя не слабость, а, наоборот, прибавляющуюся от бега силу в

своих ногах, побежал еще быстрее так, насколько это ему позволяли самодельные его бахилы с резиновыми мягкими галошами. Опять же, если раньше даже при ходьбе тело сразу начинало покрываться липким потом, что при сибирских морозах было очень опасно, то сейчас ничего подобного он не чувствовал. Никита все еще до конца не осознавал, что, побывав в таинственном зале, в какой-то момент кто-то его полностью «перебрал» и «починил»: он догадывался, что что-то могло произойти с ним или внутри пространства между двумя порталами, или же когда он был в беспамятстве, но что именно – был без понятия. Время от времени Никита начинал сомневаться в реальности происшедшего, нодвигающиеся за ним сзади и освещающие ему путь световые шары словно бы напоминали ему, что все увиденное и испытанное им за последнее время никоим образом не являлись миражами.

Вдруг перед ним глухо прозвучал короткий собачий лай. От неожиданного звука Никита встал и прислушался. Снова тот же, с подвыванием, короткий лай.

– Что же это я, – воскликнул Никита, недовольный своим тугодумием, – своего Рекса не узнаю?!

Он изо всех сил рванул вперед к светлому пятнышку, который еле просматривался из-за света шаров. Вот в полумраке перед ним показался и его карабин. Никита подбежал к нему и закинул его за спину. Уже сделав шаг за угол, чтобы быстрее выбраться наверх и обнять свою лайку, он, как будто вспомнив что-то важное, бросил взгляд назад. Шары, плавно покачиваясь, находились не рядом, а в шагах двадцати от него.

– Спасибо вам, что вернули меня к жизни, – сказал Никита и поклонился им. – Прощайте! Мне пора наверх...

Когда Никита вылез по своей веревочной лестнице из провала и вздохнул впервые за долгие тяжелые месяцы полной грудью свежий таежный морозный воздух, у него захватило даже дух от всей той красоты, которая ему была давно знакома до мельчайших деталей, но открылась только сейчас всей полнотой и совершенством. Рекс, который ждал его все это время возле входа в провал рядом с оставленной на стволе сосны курткой, как-то подозрительно обнюхав Никиту, встал в двух шагах от него и стал смотреть вопросительным взглядом.

– Это же я, Рекс... Вернулся, видишь? – сдержанно обнял Никита свою лайку и потёрся своим носом о черный холодный нос собаки. – Да ты не вини себя – все нормально. Если бы ты не свалился в яму, то худо бы мне пришлось. Спас ты меня своим падением... Пойдем, я тебя сейчас накормлю.

У Никиты со вчерашнего дня в котелке оставалась тюря с тайменем и с рисовой крупой, и он, хотя чувствовал просто нестерпимый голод, выложил добрую половину содержимого котелка на плашку и выставил ее Рексу. Конечно, этого было мало и ему, и лайке, а есть хотелось так, что Никита даже не мог понять: с чего такой голод? «Сегодня у меня праздник, – подумал он, доставая из железной бочки привезенный вчера с собой увесистый кусок оставшегося филе таймени. – Как там этот итальянец жарил мясо? Попробую тоже так же пожарить рыбу».

Вот уже весело запылали сухие березовые поленья в починенной прошедшей ночью печи, и вскоре местами ее бока и верх раскалились до вишневого цвета. Никита своим тяжелым охотничьим ножом пошкрябал металлическую поверхность поближе к дверце, где лист раскалялся не так сильно, сдул окалину, протер быстрым движением мокрой тряпочкой и положил мороженный кусок рыбы прямо нее. В мгновение ока избушка наполнилась дымом и неприятным запахом горелого жира, но Никита, вдыхая этот дым полной грудью, только рассмеялся и открыл настежь дощатую дверь. Тут же в проеме двери появилась любопытная морда Рекса, который, видимо, пытался понять смысл действий своего друга и хозяина.

Примерно минут через сорок, когда солнце, двигавшееся в это время года и так всего лишь чуть выше гористой гряды на юге, уже клонилось к закату, Никита, сытый и здоровый,

улегся на свою шатающуюся лежанку и включил радио. Знакомая веселая песня из старого советского кинофильма наполнила небольшое пространство избушки. В какой-то момент его стало клонить в сон, и уже засыпая, он услышал, как после песни диктор с приятным басовитым голосом начал рассказывать о последних новостях. Большой мир, за тысячи и тысячи километров, в тщетной суете гонялся за призраками сытой и счастливой жизни, и Никита с сожалением, что кончилась приятная музыка, протянул руку к приемнику, чтобы выключить его, но в последний момент он остановился, заинтересовавшись очередной новостью.

Диктор очень кратко сообщил о том, что якобы сомалийские пираты, про которых считали, что они полностью разгромлены и давно уже исчезли, захватили яхту некоего российского промышленника и миллиардера. Фамилия прозвучала невнятно, но Никите фамилия не была нужна. Его заинтересовал сам факт захвата судна. Также из приемника он узнал, что новость недостоверна, так как журналисты якобы связались с этим самым богачом, и тот оказался в Москве, а про саму яхту ответил очень уклончиво. Также и в ФСБ и не подтвердили, но ни опровергли эту новость. Больше у радиоредакции не было никаких сведений об этом инциденте, и на этом информационный выпуск закончился, и из приемника полилась песня Андриано Челентано.

Вдруг в голове у Никиты родилась замечательная идея. Он резко встал со своей лежанки так, что с одной стороны вывалились из-под крайней доски два полена.

– А что если мне еще раз спуститься туда, в этот зал, и проверить вот прямо сейчас эту новость? – вслух стал рассуждать он, не обращая внимания на частичное разрушение «кровати». – Если эта информация правдива, то я, может, смогу помочь попавшим в беду людям? Только вот получится ли попасть туда еще раз? А что, если проход уже закрылся? Хотя, вряд ли: что ж, такое сооружение сделано лишь для того, чтобы я излечился и остался в живых еще на какое-то, мизерное по сравнению с вечностью, время?..

Никите самому стало безумно интересно от этой идеи. Только сейчас он внутри себя ощутил свой внутренний голос, который говорил ему, что с охотой на соболя все закончено, и эта страница в его жизни перевернута окончательно. Он осознал это почти мгновенно, и от этой мысли ему стало еще свободней, уже не только телом, но и душой. Никита пока точно не представлял, чем и как теперь будет зарабатывать на свою жизнь и жизнь своей семьи, но чувствовал, что его выздоровление, да и вся цепь событий сегодняшнего дня, а, может, и всей предыдущей жизни, далеко не случайны. Исходя из этого, получается, что и услышанная им новость из радиоприемника также прозвучала не беспричинно, а тогда он должен пойти в туннель, дойти до таинственного зала и попробовать найти эту яхту в Индийском океане недалеко от Африканского Рога. И если это он сделает, то дальше судьба сама подскажет, как ему вести себя в будущем. Правдивость этой гипотезы можно было проверить весьма просто: надо всего-то не лениться, и пройти по туннелю туда и обратно.

Через десять минут Никита уже бежал по туннелю внутрь горы с фонариком наперевес (батареи он поменял на новые), жалея о том, что нет у него с собой другой обуви, например, кроссовок. Верхнюю свою одежду он оставил возле веревочной лестницы, и остался в одной рубашке: внутри каменного подземного коридора было вполне тепло и комфортно. Настроение было отличное, легкие дышали ровно без всякой одышки, мышцы нисколько не уставали при быстром беге в непригодной для таких упражнений обуви – он даже в какой-то момент хотел было скинуть свои бахилы и побежать босиком, да передумал. Никита бежал, но иногда в голове нет-нет да пробегала мысль о том, что портал может и не пустить его снова в загадочный зал. «Ну, что же, коли так, то пусть будет так, – говорил он, ободряя себя, – по крайней мере, я ничего не теряю: я уже столько получил, что жаловаться при любом раскладе просто грех». Когда Никита пробежал, по его ощущениям, примерно половину пути, неожиданно прямо из стены, с обеих сторон, в метрах пяти от него появились знакомые светящиеся шары. От такого внезапного сюрприза он резко остановился и уставился на эти таинственные объекты – те же

оставались на месте, чуть покачиваясь верх-вниз. Никита двинулся вперед – шары тоже синхронно полетели вперед. Тогда он снова побежал – шары, словно зовя его за собой, убыстрили свое движение, оставляя все тот же интервал примерно в четыре-пять шагов.

Когда он достиг своеобразного закоулка за каменной преградой, портал мерцал бархатно-матовым фиолетовым цветом. Никита уже догадывался, что этот цвет приглашает его войти внутрь. Пройдя в зал со спокойной решимостью, он уже и не обратил внимания на необъяснимое переодевание во время прохождения светового барьера между этим помещением и тоннелью.

Вот перед ним снова появилось звездное небо. Никита давно привык к состоянию одиночества и любил одиночество как некое метафизическое пребывание внутри своего «Я». Сейчас, повернувшись назад к земному шару, как никогда остро он ощутил это чувство, но, правда, не как отрешенность или сиротливость, а, наоборот, – как великую свою ответственность за всех людей, которые живут на этой планете, как бы громко и пафосно это не звучало. Он мог буквально подойти к каждому человеку в мире и следовать за ним везде, куда бы этот человек ни пошел. Никита никогда до сих пор не считал себя верующим в Бога в том смысле, в котором понимают эту веру воцерковленные люди. Он даже никогда не задумывался над этим вопросом. И только сейчас Никита очень смутно стал догадываться о своей роли, боясь назвать имя Того, кто выбрал среди миллиардов жителей планеты именно его для исполнения некой неизвестной миссии. «Должно же быть Нечто или Некто, которое реализовало вот такое чудо для меня», – размышлял он, глядя на голубую планету Земля.

Никита двигался, вернее, двигал свое «Всевидящее Око», уже совершенно непринужденно. Он просто желал двинуться в эту или в ту сторону, например, и вот, чуть двигая ладонью, он оказывался именно там или тут. Вот и сейчас Никита легко оказался над западной частью Индийского океана, уже перемещаясь не влево, а потом вниз, а сразу по диагонали в требуемую точку над Аденским заливом. «Однако надо бы мне карту мира проштудировать», – мелькнула мысль в голове, когда он заметил два острова на выходе из залива в сторону Индийского океана, а что за это острова и какие у них названия – он не имел никакого понятия.

Прошло примерно минут двадцать, пока Никита не нашел искомую яхту. По всем приметам это должна была быть именно она: очень богатое судно с надписью на борту «Асгх» было единственным в стороне от довольно большого количества разных торговых кораблей, которые двигались на приличном расстоянии от сомалийского побережья; тогда как яхта направлялась именно к нему. Когда Никита приблизился вплотную к ней, а потом пролетел и по внутренним ее отсекам, то его предположение подтвердилось окончательно: в запертом кубрике под баком, в носовой части судна, находились пять человек с завязанными глазами и прикованные наручниками к одной цепи. В центральной каюте сидели еще семь человек с автоматами, а на полу валялись два гранатомета; в кормовом же отсеке лежали семь трупов в лужах крови. Еще два человека, негра, одетые в какое-то рванье, в отличие от находившихся в центральной каюте белых, с автоматами за спиной, расположились в рубке и управляли судном. За судном буксировалась большая резиновая лодка с двумя мощными моторами.

Изучив ситуацию вплоть до мельчайших деталей, Никита поднялся вверх, чтобы прикинуть, за какое примерно время судно должно доплыть до берега, если будет двигаться по прямой. По его оценке получалось примерно три часа. «Получается, они хотят высадиться на берег с наступлением темноты», – подумал он.

Вдруг в голову Никиты пришла замечательная идея насчет того, как действовать дальше. «Помнится, Серега что-то говорил про то, что он в армии охранял резиденцию нашей Внешней разведки, – подумал он, переместившись к европейской части России. – Ясенево вот помню, еще он называл какой-то подмосковный поселок... Как же его, а, да, точно – Бачурино! Вот мы сейчас исследуем штаб-квартиру нашей разведки...»

У Никиты было примерно два часа на то, чтобы как-то успеть найти главу нашей внешней разведки и понаблюдать за ним так, чтобы отыскался ключ для быстрого доступа к нему же уже в Москве. На словах все было просто, но как это сделать? – вот был вопрос. А что если его вовсе нет в данный момент не только в резиденции Службы, но и даже в столице?

В Москве уже было довольно темно, и это в некоторой степени помогло Никите разобраться в своем поиске. Он, найдя вполне быстро место расположения Службы внешней разведки России, бегло осмотрел территорию на предмет присутствия лимузинов возле входов в разные корпуса. Это было совсем несложно. Возле приземистого трехэтажного здания с зеркальным полукруглым фасадом, который соединялся стеклянными переходами на уровне второго этажа с двумя длинными девятиэтажными зданиями так, что получалось в итоге асимметричное подобие буквы «Н», стояли две самые дорогие машины представительского класса. Все остальные, которые рассмотрел Никита на разных других стоянках, были попроще как видом, так и своими номерами.

В целом, по прикидкам Никиты, рабочее время у большинства штата персонала должно было уже кончиться. Подтверждению тому служил льющийся свет в этом полужеркальном здании только в четырех окнах, не считая освещения в вестибюле на входе. Дальше все было делом техники: Никита обследовал помещения за этими окнами и на третьем он попал в комнату дежурного офицера в чине майора, который перед монитором компьютера сосредоточенно набирал на клавиатуре какой-то текст с рукописного листа. В его комнате имелись две двери: слева от окна и напротив окна. Никаких табличек на дверях не было. За той, что слева, Никита обнаружил двоих крепких мужчин в костюмах и с короткими автоматами. Они сидели в полуосвещенном помещении с наглухо зашторенными окнами с двух сторон от двери, которая вела в комнату с офицером, словно сфинксы – молча и глядя куда-то в полумрак.

Никита вернулся обратно и затем переместился за другую дверь. «Приятно, черт возьми, так продвигаться, – подумал он, увидев сидящего за массивным столом в большом кабинете без окон пожилого мужчину. – Жаль только, что ничего нельзя руками потрогать».

Узнав в мужчине Главу Службы внешней разведки Ситникова, Никита облегченно вздохнул про себя – это составляло уже половину успеха в его плане. Директор что-то писал от руки на листке стандартной бумаги четкими и ровными буквами. Глянув из-за его спины, Никита понял, что это отчет по работе Службы в республиках Средней Азии. Минут через десять-пятнадцать он закончил писать, сложил несколько исписанных листов в непрозрачную папку и позвал дежурного майора с помощью звонка, при нажатии которого автоматически щелкнул замок в двери. Тот появился почти мгновенно. Ситников молча передал тому документы, а майор в свою очередь положил на стол флэшку и вышел из кабинета.

Директор СВР подождал, пока офицер выйдет из помещения, и только после того, как закрылся замок, встал со своего места и, подойдя к замурованному в стену сейфу, стал открывать стальную дверцу: вначале сделал три оборота сувальдным ключом, затем набрал цифровой код и только потом, когда загорелся в верхнем углу голубой квадратик, и он приложил к нему свой большой палец – дверь открылась.

Ситников достал сперва оттуда ноутбук, который кабелем соединялся с каким-то блоком прямо в этом же сейфе и, положив его к себе на стол, снова подошел к нему и забрал оттуда маленький блокнот в кожаном переплете. Он включил ноутбук и для входа в систему набрал пароль из блокнота. Пароль был несложным – Никита легко запомнил его. После того, как операционная система загрузилась, дальше, чтобы подключиться к блоку из сейфа, Директор СВР набрал еще один пароль. Он был и длиннее два раза, и сложнее, но запомнить Никите все равно не составило большого труда.

Пробыв в кабинете у Ситникова примерно с час, важнее информации, чем эти пароли, он так и ничего не обнаружил. Дальше надо было возвращаться на яхту. Решив, что эти пароли уже сами по себе как бомбы, он покинул Ясенево с чувством выполненной части плана, который

составлялся на ходу. Правда, перед этим ради интереса он немного все же обследовал соседние девятиэтажные здания, не найдя в них ничего интересного с его точки зрения.

Как и предполагал Никита, захватившие яхту пираты собирались высадиться на берег в темноте. Когда он снова очутился рядом с судном, на палубе в полумраке царило некое оживление. Вдали на западе, на фоне узкой полоски закатного света, виднелась суша. Все небо, исключая эту полоску, было затянуто облаками. Конечно, Никита не чувствовал, но по размерам волн догадывался, что море начинает штормить. Прошло примерно с полчаса, когда яхта развернулась на сто восемьдесят градусов, застопорила ход, и судно легло в дрейф. Тут же, очень быстро, вооруженные люди, пришвартовав резиновую лодку к борту, стали перегонять своих пленников на нее. Вся операция заняла буквально пять минут. Последними на лодку спрыгнули два негра, до сих пор находившиеся неотлучно в рубке. Они перед этим снова включили двигатели яхты, выставив скорость судна на самый малый ход. Один из них даже упал в воду из-за этой операции, чуть промешкавшись, но его быстро выхватили и подняли его товарищи.

Яхта медленно стала крейсировать в сторону открытого океана, а лодка с людьми на борту, быстро набрав скорость, подпрыгивая на волнах, направилась к берегу. Никита без всякого усилия продолжал следить за ними, словно находясь непосредственно в лодке вместе с пиратами и их пленниками. Изучая лица всех находившихся бандитов кроме заложников, — им на головы вдобавок повязкам нахлобучили еще какие-то мешки из плотной черной ткани, — Никита обратил внимание на то, что он запоминает все мелочи. Еще тогда, когда он подсмотрел введенный директором Службы внешней разведки пароль в свой компьютер, Никита уловил эту свою способность, но тут же забыл об этом. Он словно зарисовывал куда-то в потаенные уголки своего мозга, находясь при этом за тысячи и тысячи километров, не только эти лица, но и номера автоматов, надписи на пуговицах, узоры тканей на одежде негров и даже какие шнуры и сколько отверстий в берцах белых пиратов.

Еще на что обратил Никита свое внимание, так это то, что захватчики яхты всю свою «работу» делали молча, перекидываясь в необходимые моменты в основном знаками, и только иногда вырывались односложные фразы на английском. Это говорило о том, что команда морских разбойников более чем странная для этого места на побережье Сомали. Его подозрения только усилились, когда лодка чуть ли не запрыгнув на песчаный пустынный берег в окружении плотной зелени, остановилась и, видимо, главный в этой команде на чистом русском командовал заложникам встать, и предупредил, что любое неповиновение будет иметь печальные последствия для них. Все белые бандиты выскочили из лодки и стали вытаскивать на песок своих пленников. Одновременно с этим, из-за кустов подъехали к ним две машины: ГАЗ-66 и «Хаммер». Своих жертв пираты затолкали в закрытый брезентом кузов грузовика, туда же поднялись еще четверо из команды захватчиков. Остальные трое белых сели в военный джип, и тут же машины, чуть пробуксовывая колесами на песке, на всех газах направились в сторону густой плотной зелени берега, поверх которой темными силуэтами покачивались кроны пальм. Рядом с лодкой остались два негра. Они проводили молча, спокойно и без всяких эмоций на лице, взглядом грузовик и «Хаммер», пока те не исчезли из виду и, затолкав не без усилия свой надувной катер обратно в воду, чуть поборолось с волнами и вскоре исчезли за выступающим прибрежным мысом.

Никите резиновая лодка была неинтересна, и он, поднявшись на некоторую высоту, стал следить дальше за кавалькадой машин, которые мчались с выключенными фарами среди зарослей прибрежного леса. Очень скоро ГАЗ-66 и «Хаммер» выскочили на открытое каменистое плато, и тогда Никита поднялся еще немного выше, чтобы точно запомнить все детали и мелочи маршрута движения. По внешним признакам над каменистым плоскогорьем нависла

темная ночь из-за сгустившихся облаков, но только сейчас он обратил внимание на то, что ему это нисколько не мешает видеть все, что делается внизу вплоть до горизонта.

Вскоре каменистый, но все же относительно ровный ландшафт сменился гористым пейзажем. Машины продолжали двигаться с приличной скоростью, что говорило о том, что эти условные «пираты» хотя и были с европейской внешностью, но знают эти места как свои пять пальцев. Можно было, конечно, предположить, что у них имелось некое спутниковое сопровождение, но Никита не заметил никакой работающей аппаратуры в обеих машинах. Впрочем, все это были мелочи...

Прошло минут двадцать. Машины, то петляя по узким каньонам, то временами забираясь на увалы и переезжая линию кряжей, вскоре заехали в узкую горную теснину, которая имела длину метров двести и заканчивалась тупиком в виде огромного грота с ровной круглой площадкой снизу и с гранитным козырьком над ним. Первым остановился идущий спереди «Хаммер», отъехав перед этим чуть в сторону и пропуская ГАЗ-66. Грузовик проехал чуть дальше и затормозил, подъехав вплотную к стене этого грота, в глубине которого виднелся вход в пещеру. Оказывается, наверху над этой площадкой был оборудован замаскированный пост наблюдения: словно по мановению волшебной палочки, по веревке слетел человек с коротким пистолет-пулеметом за плечами и в хорошо подогнанной, ладно сидящей, военной форме без знаков различия. Никита на всякий случай разведал этот пост – там оставался еще один человек в такой же амуниции.

Тем временем выскочившие из кузова грузовика и из джипа бандиты начали вытаскивать своих пленников по одному и отводить их в пещеру при свете небольших фонариков, которые имелись у каждого в руке или были пристегнуты к автомату. Снова ни слова, будто бы это были не люди, а какие-то киборги, которые общаются на своей определенной радиочастоте между собой. Когда они всех своих жертв завели в самый дальний угол пещеры длиной около тридцати метров и снова застегнули наручниками к одной цепи, один из этих «роботов», которого Никита отметил про себя как главного ещё при пересадке из яхты в лодку, обратился на чистом русском к пленникам:

– Так, друзья мои, теперь вы все связаны одной цепью снова. Надеюсь на ваше понимание и благоразумие в своих действиях. Так как вы все друг другу как братья, то, думаю, вас никак не смутит то обстоятельство, что если один захочет справить малую или большую нужду, то остальные подставят тому свое плечо и даже руку. Туалет у вас будет под боком: вот тот бак с крышкой – потом увидите. Так, что я еще забыл... Про удобства рассказал... Да, с едой пока придется подождать: забыли прихватить из яхты ваши яства, а у нас только свой сухой паек. Вода в ведре рядом с баком. Разговаривать нельзя – будете наказаны, если ослушаетесь... Кто тут у вас переводчик? Вы? – Главарь изобразил легкую ухмылку на лице, увидев, как один из пленников закивал головой. – Переведите товарищу из Саудовской Аравии то, что сейчас я донес до тех, кто понимает русский язык. Я знаю, что он понимает и английский, но я не люблю повторять, особенно на разных языках.

Тот, кто назвался переводчиком, что-то стал шептать, чуть наклонившись влево, видимо адресовав свои слова человеку, который был крайним слева.

Главарь же, сделав почти неуловимый знак рукой стоявшим чуть позади него пиратам, направился было к выходу, но услышав голос переводчика, остановился. Он подошел к нему и снял с него мешок, а потом и повязку.

– Когда мы выйдем, – обратился он нему, ослепляя тому глаза своим ярким тактическим фонариком, – снимешь мешки и повязки с остальных. Свет вам, думаю, не нужен. Разберетесь в темноте на ощупь? Соро утро, потерпите...

Никита последовал за ними, чтобы узнать о дальнейших планах этих странных пиратов. Когда те вышли из пещеры и собрались в круг возле своего главаря, тот стал давать им короткие указания на чистом английском языке:

– Джек, Алан, вы заменяете Дастина и Пирса. Грег, – обратился он к тому, кто спустился со скалы над гротом на веревке, – ты с нами. Харви и Картер, вы сюда. – Главный кивнул головой наверх в сторону поста. – Ребята, еды в джипе должно хватить вам на неделю. Через шесть дней мы приедем, и я заменю вас. Пока надо будет просидеть в полной тишине до нашего появления. На связь выходить в самом крайнем случае, понятно? Тут безлюдно, но если кто появится в каньоне или поблизости, должен исчезнуть без следа.

Один из бандитов, видимо из тех, кому было приказано остаться на посту над логовом, коротко свистнул, и тут же сверху спустился второй часовой. После этого двое из группы, которым было велено оставаться здесь, побежали, светя фонариками себе под ноги, в сторону выхода из теснины. Метров через сто они остановились, и стали проворно карабкаться вверх на уступ по еле заметным на крутом склоне ступенькам. Пока остальная группа полным составом садилась в ГАЗ-66, Никита проследил, как эти двое прошли к своим наблюдательным пунктам по гребню обратно к скале над гротом и заняли свои позиции.

Когда грузовик, выехав из теснины, проехал примерно с полкилометра обратно той же дорогой, по которой они пробрались сюда, он остановился, и тут же откуда-то из-за камней появились два наемника. Одновременно из кузова выпрыгнули, видимо, те, которых главный назвал как Джек и Алан, а первые запрыгнули в кузов, и ГАЗ-66, повернув налево, поехал уже другой дорогой куда-то на север. Никита, уже довольно сильно утомленный за долгое время наблюдения, проследил за хорошо замаскированными постами этих двух оставшихся пиратов и разжал свои ладони...

– Хорошо же они просматривают все вокруг, и к тому же дублируют друг друга, – прошептал вслух опытный сибирский охотник. – Ну, что же, товарищ Шадрин, – с улыбкой обратился он сам к себе, – надо действовать. Все козырные карты у тебя – грех не поиграть. Да, вот так: пешка стала ферзем... Некая девятая пешка пробралась тихой сапой под столом, ну, или по туннелю, и выскочила за фигурами противника сзади...

«Странно, что чувство голода немного чувствуется, но при этом нисколько не хочется ни по малой, ни большой нужде», – подумал он, направившись к выходу.

Когда Никита выбрался по своей веревочной лестнице наверх, тут же к нему подбежал Рекс со стороны избушки и снова, как днем, немного подозрительно обнюхал его и только после этого потерся мордой о колено. Никита погладил свою лайку. Крепкий предрассветный мороз приятно щипал за лицо. Он накинул на себя свою куртку и направился к избушке. Рекс поплелся за ним. Уже подойдя к домику, Никита уставился на полную луну, висевшую над горизонтом на востоке, словно в первый раз увидел ее в жизни.

– Так, значит сейчас уже почти утро? – сказал он и вопросительно взглянул на Рекса, словно тот должен был подтвердить его мысль. – И сегодня к тому же вторник... Завтра среда, и в десять в Сайгир прилетит почтовый вертолет... Ну, что, Рекс, надо хорошо сейчас подкрепиться и отправиться домой. Ты не возражаешь?

Лайка смешно наклонила голову и, зевнув, издала забавный писклявый звук.

– Ты что зеваешь? Спать хочешь? Ну, брат, спать нам никак нельзя сейчас. Я тоже не спал этой ночью, и прошлую ночь провел не так, чтобы очень...

Сварив нехитрую похлебку из мороженой щуки, Никита подкрепился основательно сам и покормил свою собаку. В остальном собирать было нечего: все привезенное с собой из базовой избушки так и лежало в нартах. Вначале он собрался было оставить их вовсе здесь, но потом передумал и, максимально выбрав из них все относительно лишнее, все же решил ехать с ними.

Уже на востоке стало светать, когда Никита тронулся в путь. К базовой избушке они добрались к часам двум. Чуть быстрее получилось благодаря тому, что дорога была уже проложена, и в пути до промежуточного домика Никита не тратил время на проверку толщины льда в опасных для проезда местах. Дальше, когда они вышли на проторенную дорожку, он газанул так, что порой даже неутомимый Рекс иногда начинал отставать.

На базе быстро Никита вскипятит чайник и, макая в сладкий чай сухари, подкрепился ими и кусочком топленого масла. На готовку чего-то другого не было времени – путь был впереди долгий. Рекс снова подкрепился мороженым мясом щуки.

Уже подъезжая к Енисею, Никита немного беспокоился на предмет того, что по реке мог проплыть ледокол. Такое иногда бывало, когда куда-нибудь чего-нибудь не успевали завезти заблаговременно во время навигации или же еще по каким надобностям – этого он точно не знал, – и вот уже по ставшему Енисею проплывает ледокол. Беда, если ты перейдешь по делам на другой берег, а в это время он проползет. Вот и жди, пока Енисей снова замерзнет! Сейчас для него самое главное было добраться до утра в поселок, иначе весь его план полетит в тартарары.

Когда перед ним открылись просторы закованного льдом и занесенного снегами Енисея, на сердце у Никиты сразу отлегло: все было в норме, и, значит, пока все шло по плану.

Теперь он стал беспокоиться за Рекса. Хотя он и неуютим и неумно активен в таких делах, но переход от дальней избушки до Сайгира даже для него – тяжелое испытание. Поэтому Никита, еще находясь в базовом домике, решил, что ночью где-то на полпути придется сделать небольшой привал, чтобы дать передохнуть лайке на всякий случай.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Таня в последнее время спала очень плохо: постоянное беспокойство за мужа, тревога за детей, мелкие проблемы на работе – и все это по кругу в голове порой вплоть до самого утра. Редко когда она засыпала до двух часов ночи. Да и заснув, если из-за какого шороха или еще чего – просто так – просыпалась, то снова сон куда-то улетучивался. Приходилось порой с усилием воли заставлять себя думать о чем-либо другом: о своем детстве, о содержании давно прочитанной книги, о тревожной ситуации вокруг Украины или просто пытаться хотя бы считать до ста и обратно – лишь бы самое главное не начать думать о смертельной болезни Никиты. Она так и не рассказала ничего Насте, хотя и все собиралась, но каждый раз откладывала на завтра. На работе в интернате, и учителя при встрече в последнее время все чаще стали спрашивать о ее здоровье. Таня и сама видела, как она похудела за последние два месяца. Ей хотелось что-то сделать, чего не знала и сама, но лишь бы вылечить своего мужа. Она даже ездила во время осенних каникул под благовидным предлогом в Филиппово к отцу одного из старшеклассников, который в этой староверческой деревне считался за авторитета в делах своей религии. Таня никогда не считала себя, как, впрочем, и большинство в Сайгире, верующим или тем паче воцерковленным человеком. Для сайгирца главные устои в жизни – Енисей и тайга – вот они давали жизнь, через них устраивался весь семейный уклад, текло вместе с водами Великой реки само время циклами годового круга... Пожилой мужчина с седой бородой, по возрасту – чуть старше Никиты, ободрил тогда ее в беседе и посоветовал начать молиться Деве Марии о здравии своего мужа. Таня написала слова нескольких молитв в свой блокнот и, выучив наизусть, молилась некоторое время перед сном и по утрам в постели, особо не представляя – правильно она все делает или нет, но потом, так как особо не понимала смысла церковнославянских слов, перестала это делать.

Вот и сегодня она, протопив печь второй раз за сутки и закончив все дела по хозяйству после работы, уложила детей и сама легла спать на старый диван, стоящий возле печки около двери. У этого дивана Никита несколько лет назад вытащил все сломавшиеся пружины и сверху обтянул новым материалом, и таким образом получилась своеобразная лавка, скорее даже топчан, хотя все в семье продолжали звать ее диваном. Чтобы дети не беспокоились из-за ее бессонницы – в первую очередь это касалось Насти, – Таня и стала в последнее время ночевать на этом лежаке: он не скрипел как деревянная, и не лязгал как железная кровать – можно было ворочаться сколько угодно. Когда она по завершении всех необходимых дел присела на

край дивана, веки тут же потяжелели, и захотелось спать до невозможности, но как только она положила голову на подушку – снова налетели холодной вьюгой тревожные мысли. Опять в ночной темноте одни лишь леденящие страхи перед будущим: как она сможет поднять на ноги детей без Никиты, как сама сможет пережить то, о чем страшно даже подумать – уход мужа навсегда... Так она пролежала довольно долго. Порой она на несколько минут проваливалась куда-то в темноту, но это нельзя было назвать сном – это была всего лишь попытка мозга чуть-чуть сбросить напряжение в своих нервных клетках, подобно обмороку. В какой-то момент она встала, чтобы узнать время – настенные часы на пружинном взводе показывали уже половину второго. Чтобы не тревожить уснувших детей, Таня, уже привычно, не включая света, определила время вслепую, ощупывая аккуратно стрелки часов. Она вернулась на свое место и долго просидела на своем топчане, прислонившись к теплому боку печки. Таня сама не заметила, как уже измороженная до невозможности, медленно сползла набок на подушку и, пролежав несколько минут с открытыми глазами в темноте, заснула. Ей показалось, что прошло всего несколько минут, как где-то за окном заурчал чей-то снегоход. Вымотанная нервная система организма яростно сопротивлялась пробуждению, желая отдохнуть и восстановить свою функциональность. «Что за дурак ночью катается по улицам? – подумала Таня с раздражением и зарылась головой под подушку. – Не старший сын ли директора школы? Надо будет завтра поговорить с ней...» Мысли запутались, шум мотора вроде бы стих, и она снова заснула.

Через какое-то время мимо, громко топая, прошел Мишка. Хрустнула образовавшейся за ночь наледью входная дверь, и Таню обдало холодным воздухом с сеной. «Что это Мишка шастает посреди ночи?» – подумала Таня, пытаясь проснуться, но это ей не удалось. Дверь снова открылась. Старое плотное покрывало, которым закрывали дверной проем на ночь во время сильных морозов, отлетело с одного угла, а затем и вовсе упало на пол.

– Мама, а мам, – сквозь сон послышался голос Миши, – ты, что, ничего не слышишь? Там папа же вернулся...

За печкой послышалась какая-то возня, затем быстрый топот детских ног.

– Ой, папа! – прозвучал тонкий голос Ритки.

Тут Таню словно ударило током. Она резко поднялась, и от быстрого вставания и от нервного перенапряжения у нее закружилась голова. Таня смотрела на светящееся окно во двор, которое на две трети снизу было в инее, и сперва даже не сообразила, что это за девочка стоит на подоконнике за тюлевой занавеской и ладонью трет по стеклу: в полумраке все двигалось и плыло перед глазами.

– Ты зачем забралась туда, Ритка? – не узнавая своего голоса, вымолвила медленно слова Таня. – Вот упадешь в темноте сейчас, егоза.

– Вот и Рекс! – не обращая внимания на слова матери, дочка ткнула своим тонким указательным пальцем в круглое пятно оттаявшего инея.

Таня перевела взгляд на сына – тот с недоумением молча смотрел на свою маму, ожидая, когда она проснется до конца.

– Что это во дворе свет горит? – снова спросила она.

– Мама, – испугано прошептал почти в ухо Мишка, – ты что такое говоришь? Там папа вернулся, ты меня слышишь? Это свет от фары снегохода. Папа просил помочь перетаскать тюки со шкурками... Я сейчас быстро оденусь и пойду к нему.

Наконец Таня стала соображать, что происходит, но от осознания того, что Никита вернулся раньше срока из-за плохого состояния своего здоровья, ей стало так горько, что вдруг она зарыдала во весь голос. Она понимала, что так ни в коем случае нельзя делать при детях, но ничего не могла поделать с собой. Видимо, ее плач услышала одна из собак во дворе – послышался унылый вой, – и тут же строгий и твердый голос Никиты, осадившей лайку. Вой прекратился. От окрика мужа и Таня вдруг пришла в себя. Вытирая свои слезы, она побежала за перегородку в дальний угол, в темноте споткнувшись о ножку стола и больно ударившись

мизинчиком ноги об ее угол. Резкая боль окончательно привела ее в чувство. Она включила над кухонным столом свет и стала одеваться.

В это время послышались тяжелые мужские шаги в сенях. Потом открылась дверь и захлопнулась. Таня с замиранием сердца, словно это был не ее муж, с которым прожила долгие двадцать лет, услышала голос Никиты:

– Доброй ночи, засони! Разбудил я вас? Ну, ничего, зима долгая – выспитесь еще. А где мама, Миша? А ты, Ритка, что тут на подоконнике стоишь, а? Вот и Настя сползает с полатей...

Таня почувствовала, как ноги подкашиваются, и в следующее мгновение она, держась за перегородку, сползла на табуретку возле подтопка.

– А вот и моя Таня спряталась от своего мужа, и не хочет его встречать? – заглянув за ситцевую занавеску, весело произнес Никита. – Сейчас лед оттаает с бороды, и я тебя расцелую.

За перегородкой раздался озорной смех младшей дочери.

Никита поставил стул рядом с табуреткой жены и уселся возле нее.

– Мишка, Настя, оденьтесь и перетаскайте все с нарт в чулан. Ну, и отсортируйте там, чтобы не все в одну кучу, – наклонившись в сторону зала, также спокойно и жизнерадостно озадачил он своих старших детей. – А ты, Ритка, иди к нам, только смотри, не шлепнись с подоконника.

Никита приобнял Таню и дотронулся холодной ладонью до ее щеки.

– Ты что, Танюша, на себя не похожа, а? Вернулся я, видишь, живой и здоровый.

– Здоровый? Ты смеешься надо мной, Никита? – еле слышно, чтобы не услышали дети, с сомнением спросила она. – Видишь, я уже из-за тебя так испереживалась, что, думала, умру, когда Мишка стал меня будить.

– Все, Танюша, – также громко сказал Никита, – я действительно выздоровел. Помнишь, я тебе показывал волшебные таблетки-капсулы, – немного подумав, он решил чуть приврать, – так вот: они меня вылечили...

В это время к отцу подбежала Ритка и стала дергать его за штанину:

– Пап, а можно я тоже выйду во двор с Мишкой и с Настей? Я хочу Рекса обнять... Можно?

– Если только очень тепло оденешься: там сейчас очень холодно. Ты лапы у Рекса заодно глянь, доченька, хорошо? Боюсь, натер он их сегодня.

Младшая дочка тут же исчезла за печкой и стала там одеваться, напевая довольно забавно почему-то гимн России.

– Выключи радио, Ритка: еще нет шести, – окликнул ее Никита.

Дочка хихикнула и продолжила петь дальше, но чуть потише.

Дети, одевшись, все вместе вышли из дома.

– Никита, ты четыре дня тому назад сам же сказал мне по радио, что вернешься через десять дней, не раньше, – всматриваясь в уставшие, но в то же время задорные глаза мужа, сказала Таня, когда дети вышли из дома.

– Ты не рада тому, что я теперь здоров? – хитро прищурился Никита. – Ай, уже присмотрела себе нового мужа?

– Что ты меня мучаешь, Никита? Видишь, я еле живая... Я не помню, когда в последний раз спокойно спала. Сейчас вот Мишка когда растолкал меня, я решила, что тебе стало совсем тяжело, и ты из-за этого вернулся домой раньше срока... Я чуть в обморок не упала – до сих пор голова кружится, и ноги вот не держат, и оттого встать даже не могу...

Никита глубоко вздохнул. Потом дотянулся до кухонного полотенца, висевшего на проволоке над головой, и стал вытирать свою бороду и лицо.

– Видишь, я перестал кашлять, а мы, кстати, с Рексом по такому морозу ровно сутки были в пути...

Таня снова повернула голову и уставилась на мужа, пытаясь понять: говорит ли тот правду, или просто пытается с помощью лжи успокоить ее на время? Никита прекрасно понимал, что его слова о том, что с помощью таблеток он вдруг выздоровел за последние три дня – это, мягко говоря, полный абсурд, но не мог же он рассказать правду. Во-первых, для этого, если излагать подробно, необходимо много времени, а его у него сейчас не было. Во-вторых, даже если рассказать о том, через что он прошел за прошедшие два дня и что он видел и испытывал, то все равно даже самый яркий сочинитель небылиц не поверит ему, а тем более Таня – коренная сибирячка, реалистка до мозга костей.

Таня молчала. Молчал и Никита. Вдруг в сенях послышался какой-то грохот. Через несколько секунд хлопнула входная дверь, и из темноты зала к родителям подскочил Мишка, явно чем-то недовольный.

– Ну, вот, – громко воскликнул он, и по-хозяйски хлопнул варежками по ногам, – вы разрешили Ритке выйти с нами, так она пахталку уронила. Мы с Настей сразу во двор вышли, а в сенях свет не стали включать... Она говорит, что хотела достать новую метелку. Встала на ящик, а когда стала падать, так ухватилась за...

– Ты постой, – перебил сына отец, громко засмеявшись, – не надо нам рассказывать подробности. Корпус у маслобойки не треснул?

– Не-а, – покачал головой Мишка, – бока вроде целы. Я так мельком смотрел. Только у крестовины одна деревяшка сломалась.

– Это не беда, сынок, – сказал Никита и похлопал сыну по плечу. – Это к счастью. А к лету мы ее починим. Вы справляетесь с Настей там?

– Да, пап, справляемся, – ответил Мишка, и, поправив шапку, восхищенно обратился к Тане. – Мам, соболя у папы – целая гора! Раза в три больше, чем было в прошлом году!

Мальчик деловито повернулся и вышел из дома.

Слова о том, что Никита добыл соболя гораздо больше, чем за прошлый сезон, немного взбодрили Таню. Она до сих пор еще не могла верить в то, что поведал ей муж насчет «волшебных» капсул. Ведь не разыгрывал же он целый год перед ней ужасную трагедию о своей смертельной болезни: все же начиналось и происходило на ее глазах. Таня помнила, какой был голос у Никиты еще четыре дня назад, когда перед тем, как направиться к своему самому дальнему домику дней на десять, он связался с ней по рации согласно графику: даже через треск и гул эфира она уловила некую его обреченность, словно он прощался с ней. Сейчас же он выглядел совершенно здоровым, и это после суток, как он говорит, пути по тайге и по Енисею. К тому же за все время, как Никита зашел в дом, он даже ни разу не кашлянул.

– У нас сколько сейчас денег в наличии, Таня? – спросил Никита. – Мне надо к завтрашнему утру добраться до Москвы.

Таню этот вопрос и вовсе выбил из колеи. Она чувствовала, что Никита не врет. Ее муж никогда не лгал: Никита мог недоговаривать, когда это надо было, но темнить и лукавить просто не умел. А если так, то он здоров. Если здоров, то она должна начать радоваться случившемуся факту: прыгать до потолка, танцевать, расцеловать от счастья детей, обнять мужа... «Как же так, – думала она про себя, – вот он вернулся из тайги, говорит мне, что смертельный недуг исчез, а я до сих пор даже не обняла его? Сажу рядом с ним действительно так, будто бы ждала его видеть в предсмертном состоянии, а то, что он здоров и жизнерадостен – мне это не по душе... Но почему так моя воля скованна, что не могу ни обнять, ни радоваться?»

– Ты только ни о чем не спрашивай пока, ладно, Танюша? – подождав некоторое время в ожидании ответа от жены и, так и не дождавшись, прошептал Никита. – Я же вижу, что ты и веришь и не веришь одновременно тому факту, что теперь я полностью исцелился. Я и сам в таком же состоянии, поверь мне, вот поэтому мне сложно пока объяснить тебе словами... Но я тебе все расскажу как-нибудь после, когда сам удостоверюсь в реальности происходящего... А в целом для нас, согласись, важно не то, как я выздоровел, а то, что я абсолютно здоров. Я прав?

– Ты сказал в Москву, – словно бы не слушая мужа, перебила его Таня, – а вернешься когда?

– Ты только никому не говори, что я собираюсь в Москву, ладно? Скажи почти что правду: я направился в Красноярск на лечение... Тем более, сейчас я все равно полечу именно туда. Ну, а вернусь, думаю...

– На Новый год вернешься?

– Это святое! Конечно, вернусь! Может, даже раньше...

Самолет Красноярск-Москва подлетал к аэропорту Домодедово. Уже объявили о начале снижения и огласили дежурный инструктаж для пассажиров при приземлении. Никита после посадки в Красноярске, как сел на свое комфортное место, за которое отдал почти все свои деньги, так и провалился в глубокий здоровый сон, без всяких на то лекарственных средств, впервые за последние дни, вернее, даже месяцы. Прошедшие сутки вымотали физически его окончательно, хотя, надо сказать, что все его планы осуществились. Вначале в Сайгире пришлось немного понервничать из-за того, что вертолет задерживался и прилетел примерно на полчаса позже, чем обычно. Но все обошлось: почтовик прилетел на аэродром за сорок минут до вылета самолета. В Красноярске на ближайший рейс до Москвы не было дешевых билетов – только бизнес-класса. Никите деваться было некуда, и он потратил почти все свои деньги. Потом при посадке произошел курьезный инцидент. Дело было в том, что у Никиты попросту не было «парадной» зимней обуви кроме своих охотничьих самодельных бахил-ишимов. Да и с верхней одеждой в плане эстетики положение было аховое. По тайге в этой амуниции охотиться было удобно и комфортно, но внешний вид, конечно же, назвать если, что шокировал готовящихся к посадке пассажиров бизнес-класса – это было бы мягко сказано. Один респектабельный мужчина даже обратился к представителю администрации аэропорта для выяснения вопроса о целесообразности впустить Никиту на борт самолета из-за его этого самого внешнего вида. Конечно же, его пустили на борт: у него был билет, одежда была чистая, сам пассажир трезв и вменяем – никаких оснований для каких-либо запретов нет и все. По воле случая, как раз тот мужчина, который был больше всех раздражен присутствием Никиты в салоне бизнес-класса, оказался его соседом. Для сибирского охотника вся эта возня была просто немного забавна, не более того. И на всякие фырканы и мат шепотом, но так, чтобы при этом Никита это услышал, – он спокойно улыбался, чем только приводил в большее негодование этого пассажира.

Как вел себя этот сосед во время перелета, Никита не знал, но то, что его разбудил именно он перед посадкой словами: «Эй, земляк, пора вставать. Мы уже почти прилетели», – слегка удивило. Видимо тот нашел в себе силы, чтобы пересмотреть свое отношение к своему поневоле соседу, а также глянуть на себя и на свое поведение со стороны. По крайней мере, так Никита подумал про себя.

– Вы, наверное, таежный охотник? – обратился он к Никите, когда тот, открыв глаза, посмотрел пристально и доброжелательно на него своими серовато-голубыми глазами.

– Да, охотник, – односложно подтвердил догадку мужчины Никита.

Вскоре самолет совершил посадку. На выходе из зала для пассажиров бизнес-класса, к нему снова подошел этот мужчина и, легонько дотронувшись двумя пальцами до его плеча, довольно вежливо заговорил:

– Вы даже без багажа? Прошу меня простит за мое раздраженное и неприличное поведение в Красноярске... Меня зовут Владислав. Я сам москвич, а ездил к вам по делам своей фирмы. Вымотался за три дня, знаете ли... Так вот, чтобы искупить свою вину перед вами, – конечно, если у вас нет лучшей перспективы, – предлагаю вам поехать со мной. Меня ждет машина. Вы скажите, куда вам надо, и мы вас заведем. Мой водитель всю Москву и почти всю

область знает как свои пять пальцев, как говорить... Да, а вот и он, – сказал Владислав и кивнул головой на подошедшего к ним высокого плотно мужчину лет пятидесяти пяти.

– Мне надо в Бачурино, в СВР, – спокойно ответил Никита, глядя в глаза водителю Владислава, – ты знаешь, как туда доехать?

Как ни странно, в отличие от своего патрона, который от этих слов даже невольно закашлял, его водитель меланхолично повернулся боком, приглашая всех идти вперед, и как-то немного дремотно ответил:

– Знаю. Только смогу подвезти лишь до КПП. Место, сами понимаете, там тихое... К тому же мы там будем в пять утра...

Владислав, услышав, куда собирается его новый знакомый, насторожился и как-то даже сжался. И то, что он назвал свое имя, а Никита никак на это не среагировал, указывало на неординарность его личности и о важности его цели прибытия в Москву. Поэтому, когда водитель роскошного лимузина открыл дверь в салон, Владислав с некоторым подобострастием пропустил Никиту вперед и только потом, после него, осторожно притулился с самого края сиденья.

Дорога в четыре утра была абсолютна свободна. За все время: когда двигались до МКАДа, потом по МКАДу, затем съехали с нее и стали петлять по лесопарковой зоне – никто не проронил ни слова. Никита и водитель молчали по привычке, а Владислава хотя и обуревало любопытство разузнать все о своем случайном знакомом, понимал, что это бессмысленно.

– Высади, пожалуйста, меня здесь, – неожиданно для всех, включая невозмутимого личного водителя Владислава, попросил Никита на одном из поворотов прямо посреди леса, – дальше я дорогу знаю.

Шофер по привычке быстро выскочил из своего места и открыл дверь для Никиты. Тот повернулся вначале к Владиславу, молча пожал ему руку и затем вышел из салона. Машина развернулась, прозвучал короткий сигнал и вскоре Никита остался стоять один на снежной обочине в темноте. Подмосковная погода для него, сибирского охотника, к тому же и одетого по-сибирски, была даже в некоторой степени жарковата. Идти прямо сейчас к КПП было неразумно, да и незачем: ему нужен был Директор Службы внешней разведки, а другие варианты исключались в принципе. Только его Никита мог заинтересовать своим фокусом. Поэтому он забрел по неглубокому, ниже колена, снегу метров на пятьдесят вглубь леса, чтобы никого не смущать своим видом, и простоял, прислонившись к стволу березы часа два. Для него, привыкшего сидеть в засаде, например, на гуся целыми днями, это было несколько не утомительно. К тому же он чувствовал, что тело после чудесного исцеления стало совершенно другим: была какая-то легкость что ли, очень похожая на то, которую он испытал тогда во сне, после приема первой таблетки Юрия Всеволодовича, качаясь на небесных качелях.

—
Сержант Коробейников третий раз за ночь взял книгу с надписью на обложке с переплетом «Рабиндранат Тагор. Избранное» и стал механически изучать на последней странице историю этого печатного издания. Конечно, сидеть помощником дежурного по КПП гораздо комфортнее, чем нести службу разводящим в карауле, но, с другой стороны, в карауле время летит быстро, а здесь, в одиночестве, порой так невыносимо тоскливо! Особенно под утро, когда дежурный офицер спит, а вокруг абсолютно ничего не происходит. Если взять строго по правилам несения службы на КПП, то книги читать не запрещалось, но и не разрешалось – все зависело от офицера. На этот раз Коробейников заступил в наряд со своим командиром взвода лейтенантом Кручининым, который будучи и сам любителем читать разную беллетристику, разрешал это делать в ночное время и своим помощникам, если этого они желали. Еще перед заступлением на дежурство, сержант попросил молодого солдата из своего отделения, со смешной фамилией Какалин, привезти ему какую-нибудь интересную книгу на КПП. Территория части, в которой служил Коробейников, и которая занималась охраной внешнего периметра комплекса Службы внешней разведки России, находилась в полутора километрах

от КПП в сторону Калужского шоссе. Какалин был водителем машины, которая развозила еду всем военнотружущим, находящимся в наряде. И он выполнил приказ своего непосредственного начальника с честью: заглянул к «внештатному» писарю роты в класс, где тот рисовал всякие плакаты по поручению заместителя командира роты по воспитательной части, и выбрал самую солидную по внешнему оформлению книгу. Коробейников от души красочно обматерил, конечно, Какалина за этот своеобразный выбор, но томик взял. И когда в два часа ночи он, после четырехчасового прерывистого сна, открыл первую страницу и попытался немного почитать, то ему стало так тоскливо, что он не выдержал и закинул книгу на шкаф, чтобы больше она не попадалась ему на глаза.

За толстым пуленепробиваемым стеклом КПП тускло светили фонари, освещая ближнюю часть дороги, по которой ездили только свои, военные. Коробейников не мог даже вспомнить, что кто-нибудь когда-нибудь ночью проезжал через КПП после двух ночи и до семи утра. Это было абсолютно мертвое время: когда и спать нельзя, и бодрствовать почти невозможно. Через два часа он встал на стул и достал книгу. Попытался почитать другие рассказы из нее, но результат оказался тем же – книга очутилась снова на шкафу через пятнадцать минут. Через час по рации предупредили, что к ним вроде бы едет какая-то машина – стало интересно. Правда, через десять минут сыграли отбой: видимо, водитель ошибся съездом и поехал не по своей дороге, но вовремя сориентировался и завернул обратно. В седьмом часу, когда глаза стали слипаться от тишины и монотонности течения времени, Коробейников снова залез на стул и выудил Рабиндраната Тагора. На этот раз он решил просто узнать, где и когда она напечатана, каким тиражом вышло это печатное издание, почитать в конце словарь терминов от переводчика и тому подобное, лишь бы себя немного занять хоть чем-нибудь. Дежурный офицер должен был встать в шесть, но уже так сложилось, что в зимнее время, если помощник толковый, каким считался Коробейников, отдыхал часто до семи.

Когда сержант стал по второму разу изучать последнюю страницу книги, вдруг он боковым зрением заметил какое-то шевеление на повороте дороги. Действительно, когда он стал внимательно всматриваться, то углядел, как за стволами вековых елей мелькает чей-то силуэт. Еще через минуту прямо под фонарным столбом возник человек в очень странной одежде, к тому же с бородой. «Видимо, рыбак какой-то заблудился что ли? – подумал Коробейников, обратив внимание на бахилы мужчины. – Тут вроде, говорили, где-то имеются небольшие пруды. Только почему-то он без амуниции: ни ящика, ни ледобура за спиной. Скорей всего, ночью бухали, и этот забрел в лес и заблудился. Что ж, надо лейтенанта будить – пусть разбирается».

– Товарищ лейтенант, – тихонько толкнул сержант дежурного офицера, зайдя в комнату отдыха, и тот мгновенно вскочил и потянулся.

– Что такое, Коробейников? Я бы и сам проснулся через пятнадцать минут...

– Товарищ лейтенант, там по дороге к нам непонятный мужчина идет. По всей видимости, какой-то то ли рыбак, то ли бомж. Вон, посмотрите!

Офицер – словно бы и не спал буквально минуту назад – бодрым шагом подошел к окну на всю стену и, слегка шурясь, стал смотреть на ночного странника, который явно шел к ним, судя по уверенному и твердому шагу мужчины.

– Может, вызвать тревожную группу? – тихо спросил сержант.

– Пока не надо. Ты возьми свой автомат на всякий случай и оставайся тут, а я выйду к нему и разузнаю что к чему.

– Есть! – ответил Коробейников и взял в руки из специальной ниши под столом свое оружие.

Увидев появившегося из-за угла КПП дежурного лейтенанта, Никита убыстрил свой шаг. Офицер же медленно прошел через полноростовый роторный турникет, потом кивнул в сто-

рону своего помощника и, заложив руки за спину, стал ждать непрошеного гостя, внимательно следя за каждым его шагом и движением.

– Доброе утро! – поздоровался Никита, остановившись в шагах десяти от лейтенанта.

Дежурный офицер ничего не ответил, только чуть приподнял домиком брови и кивнул молча головой, как бы спрашивая, какой, мол, черт притащил его в такой ранний час к секретному объекту?

– Товарищ лейтенант, – голос Никиты прозвучал очень уверенно и твердо, – вы, конечно же, посчитаете мою просьбу исключительно диким и подозрительным, особенно если взять место и время моего появления, да к тому же еще в таком виде. Так вот, мне нужно передать вот этот листок бумаги Константину Георгиевичу...

– Надеюсь, вы не имеете в виду директора Службы внешней разведки России, – перебил его лейтенант и, ежась от утреннего холода, улыбнулся с некоторой долей презрительности.

– Да, я как раз его и имею в виду, – также твердо, не меняя интонации, ответил Никита. – Я знаю, что подошел к вам рановато, но мне идти некуда, да и время на самом деле имеет очень большое значение в том деле, из-за которого я прилетел из Красноярска... Да, я не представился – это моя ошибка. Вот возьмите мой паспорт и мои билеты.

Никита двинулся к офицеру. Тут же за турникетом появился сержант Коробейников с автоматом, направленным в его сторону. Лейтенант повернул голову назад и махнул рукой своему помощнику – тот опустил свое оружие. Затем он взял в руки документы у подошедшего к нему Никиты и стал изучать их. Все сходилось: Шадрин Никита Алексеевич, прописан в поселке Сайгир Туруханского района Красноярского края, прилетел три часа назад в Москву, доказательством чему были два авиабилета.

– Так что вас сподвигло пробраться из сибирской тайги сюда, на режимный объект, к тому же в такой ранний час? – не поднимая головы, но следя боковым зрением за каждым движением Никиты, спросил лейтенант, продолжая изучать его документы. – Если вы в здравом уме, в чем я, уж простите меня, мягко говоря, очень сильно сомневаюсь, то должны понимать, что я не собираюсь никоим образом беспокоить директора СВР. Если невыносимо хотите попасть к нему на прием, то, пожалуйста, приходите днем и пройдите все положенные процедуры.

– Товарищ лейтенант, да все я понимаю, поэтому только прошу передать, даже не передать, а, знаете что?.. Вы перепишите на свой листок вот эти символы, буквы и цифры – если вдруг думаете, что на моей бумаге может быть яд или еще что – и попросите передать их в той же последовательности, как тут написано, Константину Георгиевичу.

– Гражданин, смотрите, все для вас может плохо кончиться, если вы не покинете это место, – не обращая на странную просьбу никакого внимания, дежурный офицер протянул документы и билеты обратно Никите. – Прошу удалиться немедленно, и если у вас есть желание...

– Можете меня арестовать, – перебил его Никита, – но сделайте то, о чем я вас только что попросил. Поймите, у меня есть семья и трое детей, а я на последние деньги прилетел сюда, чтобы спасти жизни нескольким несчастным людям, попавшим в беду... Я не знаю, могу ли я вам сказать больше того, что уже озвучил, но это действительно очень важно. Вам же все равно тут скучно от безделья, так развлеките себя делом: позвоните в КПП внутреннего периметра, а они очень быстро напрямую свяжутся с Ситниковым, то есть с директором СВР. И если Константин Георгиевич посчитает то, что здесь написано, полным бредом, то тогда можете хоть пристрелить меня, но только прошу вас, передайте по команде наверх...

Лейтенант сделал знак рукой Никите, мол, он понял, и дальше ничего объяснять не надо. Офицер забрал листок у него, повернулся и зашагал к турникету. Никита направился вслед за ним.

– А вы куда? – остановил его дежурный по КПП. – Приходите после десяти сюда же, а я так уж и быть, передам вашу абракадабру дежурному по части, даю слово. Вы удовлетворены?

– Более чем, – ответил Никита и улыбнулся. – Только я здесь, в лесу, у вас на виду побуду, если не возражаете. Мне, сибирскому охотнику, это как вам в метро кататься.

Лейтенант ничего не ответил, лишь махнул рукой в неопределенную сторону и стал ждать, когда Коробейников заскочит в помещение и выключит стопор турникета.

Прошло минут сорок. За это время Никита три раза прошелся от КПП до поворота и обратно, оставаясь постоянно на освещенной части дороги. Потом ему надоело ходить по асфальту, и он решил обследовать подмосковный лес. По его прикидке им должны были заинтересоваться никак не ранее девяти часов. Но он ошибся. Углубившись в лес по проросшей узкой просеке метров на триста, он услышал вначале шум автомобильных двигателей, а затем и мелькание света фар за стволами могучих елей. Никита остановился и стал следить. Вот кавалькада из трех одинаковых черных больших джипов подъехала к КПП и остановилась, заглушив двигатели. Сомнений не было – это приехали за ним.

– Вот он! – услышал Никита голос лейтенанта, когда перескочив через снежный отвал, он вышел на дорогу в метрах сорока от хвостовой машины.

Тут же из-за джипа выскочили трое военных в полном вооружении и в масках, и быстрым шагом направились к нему навстречу.

– Наручники будете надевать? – спросил с улыбкой Никита, когда те подошли к нему: один спереди, двое сзади по бокам.

– Будем, – бесстрастно прозвучал голос стоящего перед ним офицера с погонами подполковника, – а как же иначе.

Никиту посадили в средний джип. Справа и слева его крепко прижали плотно сбитые бойцы спецназа. Ворота уже были открыты, надолбы перед ними опущены, и вереница машин проехала на охраняемую территорию. Почти сразу же они оказались еще перед одним КПП, где также уже ждали их для проезда без остановок дальше. Здесь на голову Никиты накинули черный матерчатый мешок.

– Начинается настоящее кино! – удовлетворенно констатировал он.

Минут через десять машина остановилась, и Никиту, поддерживая с обеих сторон, завели в какое-то здание. Пройдя по довольно длинному коридору, вошли в лифт. Лифт пошел вверх. Остановился. Снова коридор. Прошли через дверь...

– Можете пока отдыхать, – прозвучал голос подполковника сзади, когда один из конвоиров снял с него наручники. – Мешок снимете сами – это вам сувенир от нас.

Послышался звук захлопываемой металлической двери, затем шелкнул три раза замок. Никита развязал тесемку на шее, снял «сувенир» и осмотрел комнату. По ощущению, это была камера: голые стены, одна кровать, небольшое окно под потолком, светильник над дверью без выключателя, который, пока он изучал обстановку, как раз и выключился. Никита облегченно вздохнул и, закинув на кровать свою верхнюю одежду, чтобы не запачкать белоснежное белье, нагромоздился на нее, свесив ноги сбоку. С чувством полностью выполненного долга на этот час, он закинул обе руки за голову и крепко заснул.

Никита проснулся от звука отпирания двери. Он открыл глаза. В окошке под самым потолком было темно, значит, он дремал не больше часа. Он приподнялся с кровати и сел к краю на свою куртку. Включился свет, и пока Никита шурился, перед ним уже стоял пожилой мужчина в костюме. Наконец, Никита видел того, к кому так долго добирался, воочию – это и был директор Службы внешней разведки России Ситников Константин Георгиевич. Пока глаза Никиты привыкали к свету, сзади Ситникова появился тот самый подполковник, который привел его сюда, и поставил рядом с кроватью стул со спинкой. Директор сел. Все происходило словно в немо кино: ни звука, ни слова – лишь легкий шорох шагов и все. Никита также молча смотрел и ждал, когда заговорят с ним, так как знал, как надо вести себя в камере. Правда, зная, что все-таки он не арестант, а также не сотрудник СВР, остался сидеть в кровати.

– Так, значит, вы – Шадрин Никита Алексеевич? – устало спросил Ситников, глядя не на Никиту, а на подполковника.

Никите почему-то вблизи черты лица директора СВР напомнили одного из односельчан в Сайгире: одинокого старика Никанорыча по прозвищу Дед, который жил на самой окраине поселка почти на самом берегу Енисея. Звали его Дедом, как рассказывал тесть, с самого детства, так как своими мимикой, походкой, манерами смахивал на пожилого старика, хотя человеком считался очень дельным, и в свое время был очень уважаемым охотником. А в области премудрости собаководства мог заткнуть любого эвенка. Для него попросту не было плохих лаек: брал любую выбракованную собаку и шел в тайгу, и добывал всегда больше всех соболя.

Даже голос Константина Георгиевича своим тембром напомнил Никанорыча. Вспомнив Деда, и найдя схожесть сидящего перед ним человека, наделенного могучей силой власти, с ним, Никита непроизвольно заулыбался.

– И чью разведку вы представляете? И зачем вся эта комедия? – выдержав паузу, спросил Ситников. – Судя по тому, что вы в молодости несколько лет жили в США, можно предположить ЦРУ... Надо сказать, фокус с паролем от моего личного ноутбука, который хранится в сейфе и никогда не подсоединялся даже к внутренней сети, меня, честно говоря, удивил и заинтересовал. Вот поэтому я и вы находимся здесь, тем более этого вы сами хотели... Так какая у вас миссия?

– Видите ли, Константин Георгиевич, я представляю только самого себя, как и положено сибирскому охотнику, – спокойно ответил Никита, глядя прямо в глаза Директору. – Пока я не буду говорить пространно о тех странных событиях, которые произошли со мной в течение последней недели. Скажу пока только то, что шесть дней назад я в буквальном смысле умирал в тайге от рака легких. Мои слова вам может подтвердить врач-онколог от Бога Ерохин Юрий Всеволодович, который на данном этапе истории нашей страны работает врачом общей практики в Туруханске. А сейчас я сижу перед вами и хочу помочь в спасении заложников с яхты «Астух», так как знаю и видел, как и куда их переправили и где они сейчас находятся. Могу все это показать на спутниковой карте. Знаю, сколько человек и как они охраняют пленников. Я видел, что туда плывет наш боевой корабль, и на борту у судна имеются два вертолета... Вам это интересно? Необычно, что об этом захвате ничего не говорят в новостях. Было только краткое предположение об инциденте по радио...

Никита, пока говорил, зорко следил за выражением лица Ситникова – у опытного разведчика округлились глаза и приподнялись брови, когда он стал рассказывать о захвате яхты.

В комнате зависла мертвая тишина. Было явно видно, что директор не знает, как продолжить разговор. С самого начала, когда ему по телефону продиктовали пароль от его личного ноутбука, где хранилась совершенно секретная оперативная информация, всю его рассудительность просто снесло напрочь, и до сих пор он не мог взять себя в руки и начать анализировать происходящее вокруг взвешенно и логично.

– Вот оно что, – протяжно выдал он из себя. – Так вы – переговорщик от этих «пиратов»? Значит, ЦРУ вас, спящего суперагента, направило вести дальнейшие дебаты...

– Вы меня не поняли? – недовольно и холодно перебил его Никита. – Вы слышали: я вам сказал про то, что шесть дней назад я умирал от рака легких, а сегодня я – самый здоровый человек в мире? Начните свои логичные рассуждения с этого момента! Можно идти дальше? Да? Вот у человека, в данном случае – у меня, в организме идут процессы раковой метастазы. Через день он вдруг выздоравливает. А еще через два дня он приходит в вашу службу и предлагает спасти попавших в смертельную беду людей. Вы же понимаете, что здесь ЦРУ не имеет никакого отношения лично ко мне. То же самое, конечно же, я не могу сказать про тех людей, которые напали на яхту – я имею в виду ЦРУ. Давайте пока попробуем с моей помощью спасти заложников, а дальше будем разбираться – кто я такой и зачем сюда приперся из Сибири...

Кто-то постучал в дверь. Никита замолк. Подполковник, стоящий все это время сзади Ситникова возле двери, приоткрыл дверь, и тут же в щелочке показался лист бумаги. Офицер взял его и передал Константину Георгиевичу. Директор СВР прочел написанное на листке, как показалось Никите, раза три, пока он не сложил его пополам и передал обратно подполковнику.

– Попробуем довериться вам, – сделав вздох, перед тем как что-то сказать точь-в-точь так, как это делал Никанорыч, обратился Ситников к Никите. – Так как моя версия о вашей причастности к похитителям пока начисто отменяется, а ситуация у нас безвыходная, то придется хвататься за соломинку. Эти «корсары» требуют три миллиарда евро за освобождение своих заложников – вот и все, что я, директор СВР, знаю на данный момент.

– А кто эти пленники? – спросил Никита. – По радио сразу после захвата судна передали, что хозяина яхты там нет. Это так?

– Да, так и есть, – сказал Константин Георгиевич и, встав со своего стула, сел рядом с Никитой на край кровати. – Если вы хотите помочь, так расскажите тогда все, что вы знаете. А я, сделав неимоверное усилие над своим разумом, чтобы поверить вам, поведаю потом все о тех заложниках и о том, почему именно они стали пленниками.

– Значит так, – бросив холодный охотничий взгляд на наблюдавшего за ним подполковника, начал Никита, – после захвата бандиты убили семь человек. Они лежат в центральном отсеке уплывающей от берега пустой яхты. У всех завязаны руки и глаза. То есть их попросту расстреляли уже после того, как пираты попали на яхту. Странно, что они не выбросили их за борт... Самих захватчиков было семеро: пять из них европейской внешности и два негра, одетые, скорей всего, под местных туземцев. Командовал операцией белый, к тому же он знал очень хорошо как русский, так и английский языки. Это – во-первых. Во-вторых, что касается заложников. Их было пятеро. Лиц их я не видел, но трое из них точно понимали русский язык, один, по-моему, был какой-то араб, и еще один – переводчик этого араба...

Никита замолчал. Он встал со своего места и протянул руку Константину Георгиевичу:

– Меня зовут Никита, как вам уже известно... А у вас, Константин Георгиевич, какое звание?

– Генерал-полковник, – все еще пребывая в состоянии смятения, ответил Ситников и, встав, пожал руку Никите.

– Не возражаете, если я буду обращаться к вам как просто «товарищ генерал»?

Константин Георгиевич небрежно кивнул головой.

– Ну, и замечательно: я привык в основном молчать, и выговаривать по многу раз «Константин Георгиевич» – для меня пока утомительно, но постараюсь вскорости привыкнуть... Ладно, это все мелочи... Теперь мне надо видеть перед собой подробную спутниковую карту сомалийского берега. Хорошо бы даже в реальном времени: то, что я хочу вам сообщить дальше, объяснить на словах будет проблематично...

– Надеюсь, вы осознаете и даете себе отчет в том, что зашли в наших играх слишком далеко? – угрюмо предупредил Никиту Ситников. – Может случиться так, что вы никогда больше не увидите свою семью. Это не угроза, а всего лишь реальность нашего бытия... Ну, что ж, пойдемте.

Стоявший возле двери подполковник вышел в коридор и стал ждать, когда выйдут остальные из комнаты. Константин Георгиевич жестом пригласил Никиту идти вперед, а сам последовал за ним. Пройдя немного по коридору, все трое остановились возле лифта. Когда его двери распахнулись и Никита зашел за подполковником в кабину, он с удивлением оглядел разноцветные кнопки и черные квадратики возле каждой из них. Ситников молча нажал на оранжевый круг и затем приложил большой палец левой руки к черному квадрату – тот моргнул ярким голубым цветом и погас. Двери лифта закрылись, и кабина поехала вверх. По прикидке Никиты, они поднялись где-то на шестой-седьмой этаж. Окна в коридоре отсутствовали, и нельзя было удостовериться в этом, да и это было не важно. Вот они прошли через неболь-

шую комнату, где за единственным столом сидела женщина средних лет в форме прапорщика и набирала текст на компьютере. После этой комнаты они попали в фойе, где вдоль стены стояли несколько небольших столов с задвинутыми под них стульями по две штуки под каждым. Пройдя и это помещение, они оказались в небольшой комнате, причем, снова без окон.

– Вот вам карта, которую вы просили, – сказал Ситников, и на экране, который занимал почти целиком одну из стен комнаты, появились знакомые Никите очертания Африканского Рога. – Карту можно перемещать, можно увеличивать масштаб или, наоборот, уменьшать.

Константин Георгиевич показал, как нужно управлять интерактивной картой.

– Покажите, какой участок нужен нам для перехода к спутниковой карте.

Никита подошел к стене и пальцем начертил овал вокруг маршрута движения пиратов с заложниками. Экран погас, и через несколько секунд появилась другая карта.

– Принцип управления все тот же, – пояснил Ситников.

Никита немного подвигал в разные стороны изображение на экране, поиграл с масштабом, затем, выбрав точку высадки пленников из лодки, увеличил масштаб картины до максимума.

– Лодка приплыла сюда, – сказал он и ткнул пальцем на линию берега. – Два негра потом уплыли на ней куда-то на север. На берегу лодку ждали две машины: ГАЗ-66 и американский военный джип «Хаммер». Пятерых оставленных в живых заложника загрузили в кузов машины стали двигаться вот так.

Никита, то чуть уменьшая, то снова увеличивая масштаб, стал показывать маршрут движения, особо отмечая и указывая на разные природные или ландшафтные объекты и предметы, по которым он сам запомнил дорогу при наблюдении за пиратами.

– Позавчера перед самым рассветом они доехали вот до этого небольшого каньона, – снова выставив с помощью легкого движения пальцами масштаб на максимум, ткнул Никита на темное пятно знакомой теснины. – Он не сквозной – там тупик. Вот тут площадка, похожая на круг – здесь и заканчивается эта расселина. Также под скалой с этой стороны – огромный грот, заканчивающийся небольшой пещерой. В конце этой пещеры и находятся заложники. Вот тут, на входе в этот небольшой каньон, первый пост с двумя бандитами, хотя надо сказать, что по выправке они – настоящие военные. Над гротом, на вершине гранитной скалы, находится второй пост наблюдения также с двумя персонажами. Оба пункта замаскированы очень тщательно. Кроме личного оружия, у них там было по две снайперские винтовки: один – большого калибра, а второй – меньшего с глушителем. Днем там, пожалуй, очень жарко, поэтому точно не могу сказать: они постоянно вдвоем в этих местах сидят или нет...

Никита прокрутил назад карту к побережью и повторил все то, о чем он рассказал только что, более пространно. Отдельно он остановился на описании каждого члена банды и в особенности ее командира. После, когда он сообщил Константину Георгиевичу и сопровождающему его безотлучно офицеру все, что он видел во время ночной слежки, этот подполковник молча отвел Никиту снова в его комнату и закрыл дверь. Директор СВР, когда Никита выходил из комнаты, остался сидеть в дальнем углу, глядя на экран и углубленный в свои размышления: верить или не верить словам странного человека, свалившегося так неожиданно на него этим утром?

Никита, зайдя в комнату, ставшую теперь уже немного своей, обнаружил рядом с кроватью небольшой столик на колесах с нехитрым завтраком в виде глазуньи из трех яиц с беконом, гренок, чая и большой тарелки с колбасной нарезкой и кусками мягкого сыра. «Ну, что же, Никита Алексеевич, – подумал он про себя, глядя на столик, – вот теперь ты точно сделал все и можешь с чувством выполненного долга вкусно поесть и лечь спать». Как подумал, так и сделал. Завтрак был божественным, особенно когда ничто нигде не болит, а все запланированные дела удались. Съев все до последней крошки и до последнего ломтика сыра, Никита разделся до майки и трусов, откатил столик к двери, сложил одежду на стуле и залез под одеяло.

Белье, пахнущее луговой мятой, приятно шуршало. Мягкий пружинный матрац нежно обнял его тело с материнской нежностью. Почти три месяца он мог только мечтать о том, чтобы так вот раздеться и лечь поспать. Глаза сами собой закрылись, и Никита провалился в глубокий сон без сновидений.

Его разбудил звук захлопнувшейся двери. Никита опустил свои босые ноги на, довольно теплые по ощущению, пол и сел на край кровати. Перед ним стоял тот самый немногословный подполковник, правда, уже в штатском костюме, который шел ему, как ни странно, больше, чем форма. Только вместо мрачного недоверчивого взгляда на этот раз он, уставившись на него, странно улыбаясь, что, на самом деле, не очень ему шло. «Пьяный что ли? – почему-то именно эта мысль пришла в голову от дурачки веселого выражения лица офицера. – Да вроде контора у них тут солидная: вряд ли с утра прямо вот так...»

– Ты, брат, мастак поспать! – воскликнул подполковник и сел на кровать рядом с Никитой, отогнув при этом край одеяла вместе простыней. – Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?! Все проспал, все...

Никита удивленно уставился на своего собеседника, смущаясь от своего вида в трусах и в майке. Он немного приняхался – от подполковника вроде бы спиртным не несло.

– Да, я, по-моему, до сих пор не представился тебе. Валерий Иванович Агаев, подполковник Службы внешней разведки России, помощник Константина Георгиевича по линии спецопераций. У меня такое чувство, что от тебя все равно нельзя скрыть никакие секреты, вот поэтому я так и представляюсь... Так как мы с тобой одного возраста, то прошу меня называть Валера. Договорились?... Я, на самом деле, пришел поздравить тебя и нас, в том числе, с успешным завершением операции по освобождению заложников. Если бы не ты, то сейчас у нас были бы такие невероятные сложности – просто ужас! Но это тебе объяснит сам наш шеф. В общем-то, я пришел пригласить тебя к нему на обед. Хотя, какой обед – скоро ужин: ты же проспал почти девять часов... Да, вот я принес тебе одежду. Если тебе... ну, если немного неудобно в твоих бахилах...

Агаев встал, вышел за дверь и тут же вернулся обратно, держа в руках довольно объемный баул.

– Посмотри, – сказал он, обращаясь к Никите, – что тебе понравится – все твое. Не глянется – наряжайся в свою повседневную охотничью форму. Я тебя подожду за дверью.

Валера вышел, закрыв за собой аккуратно дверь. Никите предложение переодеться вполне пришлось по вкусу, особенно это относилось, конечно же, к обуви. Самодельные бахилы-ишимы, как их называли в Сайгире, были незаменимы в снежной тайге в тридцатиградусные морозы, но здесь, в Москве, они, слов нет, были чересчур экстравагантными. Никита открыл огромный пакет из плотного черного полиэтилена и стал выкладывать содержимое на кровать. Тут было почти все, причем в двух-трех экземплярах с разными размерами. Минут через десять Никита, одевшись почти во все новое кроме белья, с сожалением оглядел комнату, не находя в ней хоть небольшого зеркала, чтобы посмотреть на себя со стороны. Выглядел он, на самом деле, очень импозантно: темно-коричневые кожаные кроссовки, джинсы, коралловая рубашка с коричневыми вертикальными полосками и в цвет полосок льняной пиджак без подкладки. Когда он вышел за дверь, Валера, оглядев его с ног до головы, сдержанно кивнул головой в знак одобрения в выборе комплекта.

На этот раз они вдвоем прошли мимо того лифта, на котором поднимались в прошлый раз втроем с Константином Георгиевичем, и пройдя до конца коридора, завернули за угол, где начинался другой коридор, более длинный, чем предыдущий. Дойдя примерно до его середины, они завернули еще раз и оказались в небольшом тупике, где в конце были двери очередного лифта. Никите эти коридоры чем-то напомнили его катакомбы возле дальней охотничьей избушки из-за полного отсутствия людей, что было довольно странно. Снова на стене разноцветные кнопки без каких-либо знаков и несколько черных квадратов над некоторыми из них.

На этот раз Агаев нажал на бордовую кнопку и приложил свой безымянный палец на сканер отпечатка пальцев над ней. Когда лифт остановился, они оказались в небольшом холле, где на этот раз таки имелось стандартное окно, и даже на широком подоконнике стояло керамическое кашпо с лимоном, на согнутых ветках которого висели три больших желтых плода. За окном шел легкий снег. Никита видел это фойе, когда занимался поверхностным просмотром здания позавчерашним вечером, и знал, какие помещения пойдут дальше после единственной бронированной двери.

– Добрый вечер, Никита Алексеевич, – совсем иначе, нежели утром, поприветствовал его генерал Ситников, когда Валера, открыв дверь в кабинет своего шефа, пропустил его, а сам остался снаружи. – Присаживайтесь. Думаю, у нас будет долгий разговор...

Константин Георгиевич что-то шепотом спросил у Агаева, затем закрыл дверь и разместился на своем кресле напротив Никиты.

– Начнем, пожалуй, вот с чего, – снова с характерным вздохом после некоторой паузы сказал Ситников и, достав из ящика стола папку, протянул ее Никите. – Если вы не возражаете, то наша служба в моем лице предлагает вам вступить в наш, как говорится, дружный коллектив. Потом посмотришь, подумаешь и поставишь свою подпись в тех местах, где отмечено галочками. – Ситников незаметно перешел на «ты». – С этого момента тебе присваивается звание майора...

Никита, округлив глаза, молча уставился на Константина Георгиевича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.